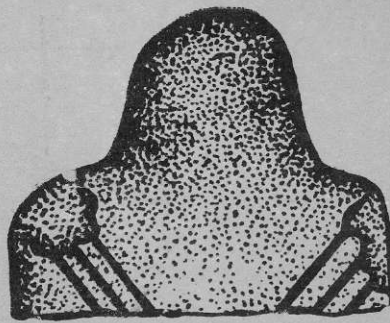
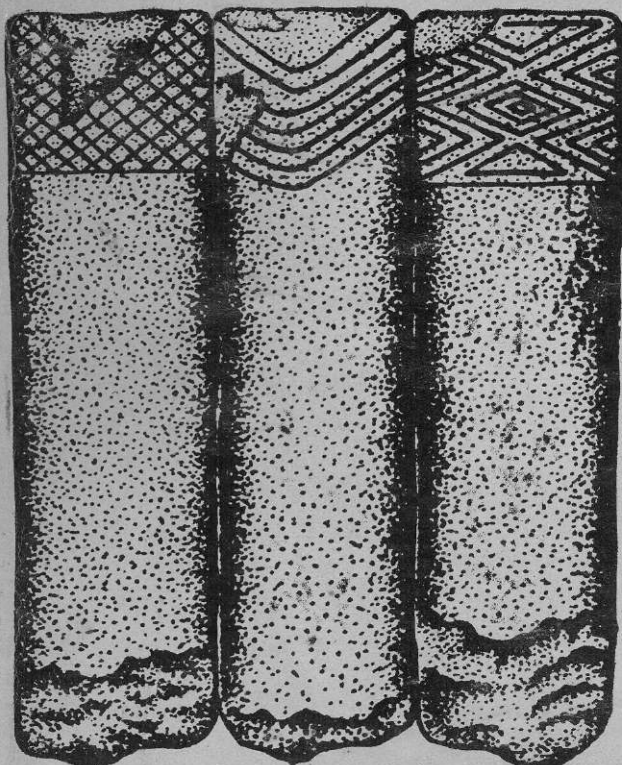

902.6
4-57

И. М. ЧЕЧЕНОВ

НАЛЬЧИКСКАЯ ПОДКУРГАННАЯ ГРОБНИЦА

НАЛЬЧИК
1973

КАБАРДИНО-БАЛКАРСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ИНСТИТУТ ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ КБАССР

И. М. ЧЕЧЕНОВ

НАЛЬЧИКСКАЯ ПОДКУРГАННАЯ ГРОБНИЦА

(III ТЫС. ДО Н. Э.)

Под редакцией
кандидата исторических наук
В. И. МАРКОВИНА

КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЭЛЬБРУС»
НАЛЬЧИК 1973

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АО — Археологические открытия.
АП — Археологічні пам'ятки.
ВДИ — Вестник древней истории.
ВИМК — Вестник истории мировой культуры.
ГАИМК — Государственная Академия истории материальной культуры.
ГИМ — Государственный Исторический музей.
ЗООИД — Записки Одесского общества истории древностей.
ЗРАО — Записки русского археологического общества.
ИАН — Известия Академии наук.
ИГАИМК — Известия Государственной Академии истории материальной культуры.
КБНИИ — Кабардино-Балкарский научно-исследовательский институт.
КСИА — Краткие сообщения Института археологии.
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры.
ЛОИЭ — Ленинградское отделение Института этнографии.
МАД — Материалы по археологии Дагестана.
МАК — Материалы по археологии Кавказа.
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР.
ОАК — Отчет императорской Археологической комиссии.
ПИМК — Проблемы истории мировой культуры.
СА — Советская археология.
СМАА — Сборник материалов по археологии Адыгеи.
СОНИИ — Северо-Осетинский научно-исследовательский институт.
СЭ — Советская этнография.
ТГАИМК — Труды Государственной Академии истории материальной культуры.
УЗКНИИ — Ученые записки Кабардинского научно-исследовательского института.
ЧИННИИ — Чечено-Ингушский научно-исследовательский институт.

©Издательство «Эльбрус», 1973 г.

Ч $\frac{0162-114}{M125(03)-73}$ БЗ — 73

ПРЕДИСЛОВИЕ

Обычно археологу приходится вести раскопки рядовых объектов. Находки накапливаются из года в год, одно наблюдение дополняет и уточняет другое; медленное накопление нового материала приводит к небольшим коррективам в старых выводах, к их постепенной ломке. Не каждому археологу удастся сделать большое открытие, дать науке такой новейший материал, который смог бы изменить старые, сложившиеся представления.

В 1897 г. Н. И. Веселовский раскопал на окраине г. Майкопа знаменитый курган Ошад, а в следующем полевом сезоне им были открыты подкурганные дольмены у ст. Царской (теперь ст. Новосвободная), которые стали известны всему миру. Раскопки этих двух лет в Прикубанье, по выражению Б. В. Фармаковского, «создали целую эпоху в исследовании края». Действительно, добытый Н. И. Веселовским материал позволил в дальнейшем выделить особую археологическую культуру, которая получила название майкопской культуры, а один из хронологических этапов стал называться новосвободненским. Правда, сейчас становится ясным, что древности Майкопского кургана и ст. Новосвободной — это памятники различного культурного облика. Но главное значение раскопок Н. И. Веселовского в том, что они дали толчок развитию кавказоведения, наука получила данные чрезвычайной важности.

В 1966 г. на окраине г. Нальчика во время строительных работ стали самым активным образом разрушать крупный курган. Полное уничтожение этого погребального памятника удалось предотвратить, и он был доисследован археологом Исмаилом Магометовичем Чеченовым, научным сотрудником Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института. Под курганной насыпью И. М. Чеченов обнаружил древнюю монументальную гробницу, остатки захоронений, разнообразные предметы, а также выявил значительный керамический материал из поселения, на юго-восточной окраине которого был возведен раскопанный им курган.

Все это было настолько неожиданным, что можно говорить о большом археологическом открытии, научная значимость которого выходит далеко за пределы Центрального Предкавказья.

В науке уже известна первая публикация И. М. Чеченова о данном памятнике¹, а сейчас перед нами лежит его новая работа «Нальчикская подкурганная гробница (III тыс. до н. э.)». Следует сразу же оговориться, что не все выводы автора в ней звучат с одинаковой убедительностью. Этого, пожалуй, и трудно сейчас требовать: ведь Северный Кавказ археологически изучен еще не очень полно и равномерно. И все же в этой небольшой книге читатель найдет много новых и интересных исторических построений и предположений, которые сделаны И. М. Чеченовым в результате самого тщательного изучения материалов, связанных с уникальным памятником древности — Нальчикской гробницей. Неторопливость и вдумчивость автора, умение видеть широкие картины далекого прошлого и в то же время не пропускать мельчайшие детали — таково общее впечатление от данной работы.

Сопоставление открытий, сделанных в конце XIX в. Н. И. Веселовским и в последние годы И. М. Чеченовым, не случайно. Майкопский курган, Новосвободненские дольмены и Нальчикская гробница сопоставимы не только в силу своей уникальности, но и потому, что они близки хронологически и своим культурным обликом. Вот

¹ «Гробница эпохи ранней бронзы в г. Нальчике». — «Советская археология», 1970, № 2, стр. 109—124.

почему в книге И. М. Чеченова много раз идет речь о майкопской культуре, о дольменных памятниках Прикубанья и Причерноморья.

Особого внимания заслуживает тот факт, что Нальчикская гробница была сооружена из вторично использованных антропоморфных стел, ранее почти не известных в археологических памятниках Кавказа. Стелы находят аналогии среди древнейших каменных статуй, происходящих из южных областей Западной и Восточной Европы. Наибольшее же сходство они проявляют с антропоморфными изваяниями ямной и так называемой кеми-обинской культур Северного Причерноморья и Крыма. Можно согласиться с И. М. Чеченовым, который считает, что идея создания антропоморфных стел проникла на территорию современной Кабардино-Балкарии при интенсивных взаимосвязях местного населения с носителями древнеямной культуры или, возможно, даже в результате инфильтрации ямников в предгорные районы Центрального Предкавказья еще на ранних этапах развития этой степной культуры, до массового расселения здесь позднемайкопских племен. Н. Я. Мерперт — знаток ямной культуры — также говорит о «встречном движении степных и северокавказских элементов», о проникновении отдельных племен ямной культуры в южную часть Предкавказья как на ранних, так и на поздних этапах ее развития. По его мнению, кавказское влияние на степное было более значительным, хотя и степные воздействия играли определенную роль в становлении и характере майкопской культуры². Но надо помнить, что в работе Н. Я. Мерперта более всего речь идет о Прикубанье, где известны наиболее древние и яркие памятники этой культуры. Что же касается вопроса о взаимосвязях и взаимовлияниях степных племен с местным населением Центрального Кавказа в эпоху энеолита и ранней бронзы, то он требует дальнейшей разработки.

Представляются правомерными и предположения И. М. Чеченова о том, что древнейшие антропоморфные стелы южной Европы могут быть генетически связаны с миром Средиземноморья. Но в силу каких же причин стали воздвигать такие статуи в южнорусских степях и в Предкавказье? Этот сложный вопрос требует изучения.

В книге довольно отчетливо показана близость Нальчикской гробницы к подкурганам дольменам ст. Новосвободной и по конструктивным особенностям, и по погребальному обряду, и по характеру могильного инвентаря. Чем же объясняется такое сходство? Видимо, прав И. М. Чеченов, когда пишет, что строители дольменов Западного Кавказа сильно теснили носителей майкопской культуры Прикубанья, а те, в свою очередь, вынуждены были занимать далеко не пустующие земли средней части Северного Кавказа. В процессе мирных контактов и военных столкновений носители древних культур всегда использовали изделия, созданные руками и друзей, и врагов. Строители Нальчикской гробницы, используя каменные стелы, взятые с еще более древних могил, может быть, именно этим фактом очень зримо утверждали свое право сильного над поверженным и покоренным населением.

Я не буду пересказывать все основные положения книги И. М. Чеченова. Отмечу только, что в ней содержатся также краткие, но довольно интересные сведения о некоторых специфических особенностях исторического развития Центрального Предкавказья в эпоху энеолита и ранней бронзы, о характере социальной структуры местного населения, о взаимосвязях с носителями степных культур юго-восточной Европы, а также с племенами Северо-Восточного Кавказа и восточной части Закавказья. Не будет преувеличением сказать, что без открытия таких памятников, как Нальчикская подкурганная гробница, не скоро могли бы быть получены те важные результаты и, как следствие, те новые исторические выводы, к которым уже сейчас пришел И. М. Чеченов. Следует признаться, что данная работа заставляет внимательно прислушаться к мнению автора, пересмотреть и свои давно сложившиеся представления о жизни племен эпохи бронзы. Она позволяет по-новому оценить многие старые, уже почти забытые находки, наметить пути дальнейшего изучения памятников эпохи раннего металла. И в этом также заключается большая научная ценность книги И. М. Чеченова.

В. И. МАРКОВИН.

² См.: Н. Я. Мерперт. Древнейшая история населения степной полосы Восточной Европы. Автореферат докторской диссертации. М., 1968, стр. 24.

ВВЕДЕНИЕ

Окрестности г. Нальчика в археологическом отношении являются одним из наиболее интересных районов Центрального Предкавказья. Еще в 20—30-е гг. нашего столетия здесь, на территории радиусом не более 3—4 км, Северо-Кавказской экспедицией Государственной Академии истории материальной культуры (ГАИМК) было открыто и исследовано большое количество разнообразных памятников, относящихся к различным историческим эпохам¹. Достаточно напомнить, что подавляющая часть фактического материала, послужившего еще в довоенные годы основой для разработки хронологии древних и средневековых культур всей средней части Северного Кавказа, была получена именно в результате этих археологических изысканий в районе г. Нальчика². Особенно ценными оказались итоги раскопок таких широко известных памятников первобытной археологии, как Агубековская позднеолитическая стоянка³, Нальчикский энеолитический могильник⁴, Долинское поселение раннебронзового века⁵, курганы эпохи ранней и средней бронзы⁶.

В последние годы в зоне их расположения открыт и исследован еще один интересный памятник — монументальная подкурганная гробница эпохи ранней бронзы, сооруженная, по всем признакам, для погребения племенного или родового вождя. Она уже известна в археологической литературе⁷. Тем не менее полная публикация материалов исследования этого уникального памятника является, на мой взгляд, весьма целесообразной.

Думается, что необычайно выразительный и обильный археологический материал, полученный при раскопках Нальчикской гробницы, представляет значительный интерес для освещения ряда вопросов древней истории не только Северного Кавказа, но и всей Юго-Восточной Европы.

¹ А. А. Миллер. Краткий отчет о работах Северо-Кавказской экспедиции ГАИМК в 1924 и 1925 гг. ИГАИМК, т. 1. 1926, стр. 82; А. А. Иессен. Археологические памятники Кабардино-Балкарии. МИА СССР, № 3. М. — Л., 1941, стр. 14—36.

² А. А. Иессен. Там же; А. А. Миллер. Работы Северо-Кавказской экспедиции ГАИМК в 1932 г. ПИМК, № 1—2. Л., 1933, стр. 47—51.

³ Е. Ю. Кричевский, А. П. Круглов. Неолитическое поселение близ г. Нальчика. МИА, № 3, стр. 51—66.

⁴ А. П. Круглов, Б. Б. Пиотровский, Г. В. Подгаецкий. Могильник в г. Нальчике. МИА, № 3, стр. 67—146.

⁵ А. П. Круглов, Г. В. Подгаецкий. Долинское поселение у г. Нальчика. МИА, № 3, стр. 147—193, 196—211.

⁶ Там же, стр. 193—196, 212; Б. Е. Деген. Курганы в Кабардинском парке г. Нальчика. МИА, № 3, стр. 213—316.

⁷ И. М. Чеченов. Гробница майкопского периода в г. Нальчике. «АО 1968 года». М., 1969, стр. 97—99; его же. Доисследование кургана эпохи ранней бронзы в г. Нальчике: «АО 1969 года». М., 1970, стр. 89—90; его же. Гробница эпохи ранней бронзы в г. Нальчике (по материалам раскопок 1968 года). СА, 1970, № 2, стр. 109—124; Р. М. Мунчаев, И. М. Чеченов. Находка медного котла майкопской культуры в г. Нальчике. КСИА, вып. 115. 1969, стр. 54—57.

1. ОСНОВНЫЕ ИТОГИ РАСКОПОК

1. Стрoение кургана

Курган, в котором была обнаружена гробница, возвышался на юго-западной окраине г. Нальчика (микрорайон Горный), на расстоянии около 1 км от Нальчикского неолитического могильника. Он периодически разрушался при различных строительнo-земляных работах.

Так, по приблизительным подсчетам, вершина кургана была снесена на 1,5—2 м и представляла выровненную площадку диаметром 16—18 м; в центре ее стояла тригонометрическая вышка (рис. 1).

Восточная часть кургана почти до центра была разрушена кирпично-черепичным заводом, функционировавшим здесь в послевоенное время (рис. 2). Впоследствии, когда через курган (в 35—40 м от его центра) проводили асфальтовую дорогу, снесенную часть насыпи вновь завалили строительным мусором почти до первоначальных размеров.

Кроме того, при сооружении жилых домов и прокладывании второй асфальтовой дороги в значительной мере была уничтожена и западная часть курганной насыпи (рис. 2).

И, наконец, в 1966 г. курган начали сносить для постройки Дворца культуры. При этом к юго-западу от его предполагаемого центра экскаватором было выворочено не менее десятка крупных обломков туфовых плит. Здесь же нашли верхнюю часть массивной антропоморфной стелы из туфа⁸, большой котел из ковanej листовой меди и обломки крупного красноглиняного сосуда. Все предметы были окрашены ярко-красной краской.

Полностью курган исследован в 1968—1969 гг. К началу наших раскопок неразрушенными оставались лишь южная, центральная и северо-восточная части памятника, а также небольшой участок его юго-восточного основания (рис. 1 и 2). В результате всестороннего изучения всех сохранившихся частей насыпи кургана с помощью теодолита⁹ о его первоначальной форме и размерах были получены довольно точные сведения.

Диаметр кургана, по всем данным имевшего в неразрушенном виде округлую в плане форму, был не менее 100 м; во всяком случае, измерения, произведенные по оси север—юг (т. е. по сохранившейся части насыпи), показали, что здесь он достигал 103 м.

В разрезе курган имел сильно оплывшую у основания форму — крутизна склонов насыпи составляла не более 10—12°. Ближе к середине склоны кургана были значительно круче и в 15—17 м от его центра доходили до 30°. Высота сохранившихся частей кургана имела следующие размеры: с северо-восточной стороны — 9,63 м, в центральной части — 7,8 м и с юго-восточной стороны — 6,84 м¹⁰. Следовательно, высота кургана, до того как была снесена его вершина при сооружении площадки для тригонометрической вышки, составляла соответственно: около 11,5, 9,5 и 8,5 м. Такая разница в высотах объясняется тем, что место расположения кургана имеет наклонную поверхность, где максимальный перепад от юго-западного основания его насыпи к северо-восточному достигает 2,79 м (рис. 3).

⁸ По какому-то недоразумению А. М. Лесков считает эту стелу происходящей из района г. Майкопа; см.: А. М. Лесков. Керченская экспедиция в 1967 г. «Археологические исследования на Украине в 1967 году». Киев, 1968, стр. 8.

⁹ Все измерения кургана произведены геодезистом С. Д. Шаровым.

¹⁰ Здесь и далее все высотные измерения произведены от точки, отмеченной почти в центре плоской вершины кургана и соответствующей максимальной высоте сохранившейся части насыпи.

Чтобы более отчетливо представить размеры кургана, следует отметить, что сохранившийся к началу наших раскопок объем насыпи, составлявший около 60—65% его первоначальной величины, по весьма точным подсчетам равнялся 15 450 куб. м. На основании этого факта можно полагать, что в целом для возведения насыпи кургана понадобилось не менее 23 000—25 000 куб. м земли.

Из-за разрушенности кургана более или менее полные сведения о его профилях, весьма важных для стратиграфических наблюдений, удалось получить лишь в двух разрезах: а) по центральной оси север—юг; б) по линии, проходящей с северо-востока через центр кургана и совпадающей с местом расположения гробницы (рис. 3 и 4).

Следует отметить, что в насыпи совершенно не содержится булыжник, столь характерный для курганов эпохи бронзы Северного Кавказа¹¹. Не прослежены здесь и какие-либо признаки впускных погребений. Зато в курганной насыпи, особенно в ее северо-западной части и на уровне древнего горизонта, обнаружено значительное количество керамики эпохи ранней бронзы.

После изучения этих профилей насыпь кургана была полностью снесена до уровня древней погребенной почвы¹². Затем на тщательно выровненном участке, соответствующем центральной части основания кургана, произведены контрольные раскопки. Площадь раскопа, имевшего в плане прямоугольную форму и ориентированного по длине с юго-запада на северо-восток, равнялась 600 кв. м (30×20 м). Глубина его была доведена до 60 см ниже уровня материкового горизонта. Однако при этом не было получено никаких фактических данных, которые хотя бы косвенно указывали на то, что здесь находилось предполагаемое центральное захоронение.

Важным итогом проведения контрольных раскопок на данном участке явилось то, что здесь, на уровне древней погребенной почвы (т. е. в предматериковом слое), выявлен обильный керамический материал, аналогичный найденному прежде в насыпи кургана и на прилегающей к нему территории. Особенно большое количество фрагментов такой керамики содержалось в северо-западной части контрольного раскопа. Здесь же найдено значительное количество костей животных, два крупных тёрочника из туфа, три костяных шила, какая-то костяная поделка в виде пряжки, миниатюрная женская статуэтка, или ее заготовка, из известняка и несколько кремневых отщепов.

Все эти находки явно указывали на то, что в непосредственной близости от кургана находилось поселение раннебронзового века. И действительно, в 2—3 м от северо-западной стенки контрольного раскопа выявился его культурный слой. Толщина этого слоя, насыщенного фрагментами керамики, костями животных, золой и пр., резко увеличивалась в северо-западном направлении и в срезе стенки раскопа местами достигала 40 см. Здесь же, у самого края раскопа, выявлены две ямки от кольев, расположенных в 1,5 м друг от друга; диаметры их равнялись 6 см, глубина — 10 и 15 см. По всей вероятности, они представляют следы от каркаса турлучного жилища. Не оставалось никаких сомнений в том, что северо-западная часть основания курганной насыпи перекрывала определенный участок культурного слоя поселения.

¹¹ См., например: *Е. И. Крупнов*. Отчет о работе археологической экспедиции 1947 года в Кабардинской АССР. УЗКНИИ, т. IV. Нальчик, 1948, стр. 282—290; *его же*. Археологические исследования в Кабардинской АССР в 1948 году. УЗКНИИ, т. V. Нальчик, 1950, стр. 223—231; *В. И. Марковин*. Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы (II тыс. до н. э.). МИА, № 93. М., 1960; *А. А. Формозов*. Каменный век и энеолит Прикубанья. М., 1965, стр. 66 и сл.

¹² Подробнее о методике раскопок памятника см.: *И. М. Чеченов*. Отчет о раскопках подкурганной гробницы в г. Нальчике в 1968 г. Архив КБНИИ, инв. № 1936; *его же*. Отчет о доисследовании кургана эпохи ранней бронзы в г. Нальчике. Архив КБНИИ, инв. № 1937.

Иными словами, курган был возведен на юго-восточной окраине более древнего, но, по всем признакам, хронологически близкого ему поселения.

Несмотря на значительные разрушения кургана, все же стратиграфические данные, полученные при исследовании его сохранившейся части, позволяют высказать ряд соображений об особенностях и последовательности сооружения этого памятника.

Прежде всего следует отметить, что под незначительным покровом почвы, имеющем не более 10—15 см толщины, насыпь кургана состояла в основном из очень плотной материковой глины желтого цвета. На фоне ее довольно отчетливо прослеживалась прослойка сильно гуммированного пористого грунта, выделявшегося своим темно-серым цветом в срезе насыпи на глубине 100—200 см от ее вершины. Вблизи центра кургана, где начиналась эта прослойка, максимальная толщина ее достигала 100 см. Равномерно уменьшаясь в толщине и при этом почти полностью повторяя по форме полусферическую конфигурацию поверхности курганной насыпи, она беспрерывно продолжалась в юго-западном направлении на 13—14 м (рис. 3). Полностью ее остатки исчезали вблизи гробницы, на уровне плотно утрамбованной площадки в средней части кургана (см. ниже). Причем такой гуммированный слой прослеживался не во всей сохранившейся насыпи кургана, а лишь в его юго-западной части.

Сразу же под почвенным покровом в центральной части кургана прослеживался участок комковатой перемешанной земли, который, заметно увеличиваясь, продолжался от самой вершины до основания кургана (рис. 3). По цвету и составу грунт здесь почти не отличался от грунта остальной части насыпи, если не считать, что у основания кургана глина была более комковатой и имела коричневый оттенок. Поэтому контуры данного участка, имевшего в плане не вполне определенные формы, улавливались с большим трудом. Приблизительная ширина его в верхней части достигала 4 м, у основания — 7 м. По всем признакам, этот участок перемешанного грунта в центре курганной насыпи — следы древней грабительской ямы.

И, наконец, в средней части кургана, в 4,8 м от его вершины (или в 3 м от уровня древней погребенной почвы), выявлены остатки горизонтально выровненной глинобитной площадки (рис. 3). Центр ее разрушен предполагаемой грабительской ямой, указанной выше. Края площадки прослеживались с трудом, в основном небольшими прерывистыми участками. По всем признакам, в плане она имела округлую форму диаметром не более 30 м, толщина слоя, образующего площадку, местами достигала 15 см. Судя по отдельным участкам, сохранившимся полностью, поверхность площадки ближе к середине кургана была плотно утрамбована и тщательно сглажена. Здесь же отмечены незначительные скопления древесного угля и золы. В целом земляная насыпь ниже этой площадки была плотнее и тверже, чем в верхней части кургана.

Эти стратиграфические наблюдения позволяют предполагать, что после завершения строительства гробницы над нею сначала была возведена относительно невысокая земляная насыпь, центр которой находился в 17—20 м к северо-северо-востоку от места расположения гробницы. Особенности глинобитной площадки подтверждают, что первоначальная насыпь имела округлую в плане форму и плоскую вершину, диаметр которой по весьма приблизительным подсчетам равнялся 35—40 м; диаметр ее основания определяется в пределах 45—50 м, а высота не менее чем в 3 м. Именно на данной трехметровой земляной насыпи, представлявшей сначала основание исследованного нами кургана, и был свершен какой-то погребально-культовый ритуал, следы которого наглядно представлены плотно утрамбованной глинобитной

площадкой, выявленной в средней части курганной насыпи, а также скоплениями древесного угля и золы — остатками (жертвенного?) костра. И только после завершения этого ритуала высота насыпи кургана была доведена до максимальных размеров.

Не вполне выясненными остаются причины возникновения в юго-западном секторе кургана вышеуказанного темно-серого слоя полусферической формы. По всей видимости, появление его здесь связано с тем, что при сооружении насыпи кургана было использовано незначительное количество сильно гуммированной почвы.

Разумеется, наши суждения об особенностях и последовательности сооружения кургана не могут претендовать на исчерпывающую полноту и абсолютную достоверность. И это вполне естественно, поскольку они основаны главным образом на стратиграфических данных сильно разрушенного памятника.

Однако и на основании имеющихся сведений нетрудно заметить, что по своим размерам, форме, особенностям местонахождения основного (мегалитического) погребального сооружения и другим признакам Нальчикский курган проявляет значительную близость к двум курганам эпохи ранней бронзы, раскопанным в 1898 г. Н. И. Веселовским у бывшей ст. Царской (ныне ст. Новосвободная) в Прикубанье¹³. Напомним, что в Новосвободненских курганах также содержалось всего лишь по одному мегалитическому сооружению — дольмену, которые располагались на уровне древнего горизонта. Причем «вершина кургана в первом и во втором случаях оказалась насыпанной не над дольменами, а была несколько смещена в юго-восточную сторону»¹⁴. Правда, в центре одного из них (курган № 1) на высоте 1,05 м от уровня древнего горизонта были обнаружены два погребения. Но они являются впускными и относятся к более позднему времени, чем сооруженный здесь же дольмен¹⁵.

В связи с этим можно допустить, что в центральной части Нальчикского кургана также имелось впускное погребение, которое могло быть полностью уничтожено древней грабительской ямой, прослеженной здесь же.

2. Конструкция гробницы

Гробница, как уже отмечалось, располагалась в 17—20 м к юго-юго-западу от предполагаемого центра кургана (рис. 2—4). По всем признакам, высота земляной насыпи, непосредственно перекрывавшей данное погребальное сооружение, в неразрушенном виде равнялась 3,5—4 м (рис. 3). Именно в этой части кургана и были обнаружены обломки туфовых плит, бронзовый котел и фрагментированный красноглиняный сосуд, о которых упоминалось выше.

После раскопок выяснилось, что гробница сохранилась далеко не в первоначальном виде. Перекрывавшие ее плиты переломились в двух-трех местах (по середине и у опирающихся на стены концов) и частично свалились в погребальную камеру (рис. 5—7). По всей вероятности, это случилось не в результате разрушения памятника при строительно-земляных работах последних лет, а значительно раньше, возможно, даже в древности. В частности, об этом свидетельствует тот факт, что на поверхности изломов перекрывающих плит образовалась сильно затвердевшая кора химического выветривания (отложения солей), чего не наблюдается на других плитах, разбитых в 1966 г. экскаватором. Но, судя по многочисленным свежим изломам,

¹³ ОАК за 1898 г. СПб., 1901, стр. 34—38; см. также: Т. Б. Попова. Дольмены станции Новосвободной. М., 1963, стр. 10—15.

¹⁴ Т. Б. Попова. Там же, стр. 15.

¹⁵ Там же, стр. 12—15.

гробница в значительной мере разрушена и при строительно-земляных работах в последние годы. Особенно сильно пострадала северо-западная стена памятника — верхние края всех ее плит, стоявших вертикально, были уничтожены полностью. Частично разрушены и смежные с ней северо-восточная и юго-западная стены (рис. 9—13). Почти все отбитые от стен обломки плит, а также обломанные концы большинства перекрывающих плит, выступавшие за северо-западную стену гробницы, тогда же были вывезены. Мне не удалось их отыскать.

Вследствие таких разрушений некоторые конструктивные детали гробницы и точные размеры ее отдельных плит остались не выясненными. Тем не менее полученные сведения об особенностях строения данного погребального памятника представляют, на наш взгляд, необычайный интерес.

Гробница имеет прямоугольную в плане форму. Ориентирована она с северо-востока на юго-запад. Длина камеры равна 313 см, ширина — 234 см, высота — 105—110 см (рис. 14). Стены ее сооружены из 24 массивных туфовых плит, имеющих удлиненные формы и установленных строго вертикально, вплотную друг к другу боковыми сторонами (рис. 8—14). Верхние края всех плит «срезаны» ровно, под прямым углом к их длинной оси. Основания самых коротких плит (№ 1, 13 и 14)¹⁶ совпадают с уровнем материка, а остальные плиты углублены в материковый грунт так (иногда до 40—50 см), что верхние края их находились почти на одном уровне (рис. 10—13). В целом верхняя часть гробницы возвышается над древним горизонтом на 20—30 см.

В конструкции памятника обращает внимание и следующая деталь: щели, образовавшиеся на стыке стен в восточном и южном углах, прикрыты плитами (№ 6 и 13), ширина которых почти в два раза превосходит ширину этих щелей. Вследствие такого несоответствия их размеров торцовые стороны указанных плит почти наполовину выступают за пределы смежных с ними стен (рис. 14). Уже эта конструктивная особенность гробницы, так же как и значительная разница в размерах всех плит, указывает на то, что при сооружении памятника были использованы не специально изготовленные для него камни, а уже готовые плиты, предназначенные для иных целей.

Камера гробницы была перекрыта в поперечном направлении (т. е. с северо-запада на юго-восток) шестью подобными же плитами (I—VI)¹⁶. Они лежали вплотную друг к другу, опираясь на стены памятника широкими сторонами (рис. 5)¹⁷. Еще одна такая же плита (VII) была установлена на боку, с наружной стороны юго-западной стены гробницы. Торцовая сторона ее выступала над верхним краем стены на 17—40 см (рис. 10 и 11). Для закрепления этой плиты в таком положении под нее было подложено несколько небольших плоских обломков туфа. Она лежала на плотно утрамбованной желтой глине толщиной до 50 см, под которой следовала забутовка из речного булыжника в 3—4 слоя. Рядом с плитой VII, подпирая ее к стене, лежал еще один крупный обломок хорошо обработанной туфовой плиты (рис. 10). Нет никаких сомнений в том, что боковая плита VII была установлена здесь для обеспечения герметичности на линии стыка перекрывающей плиты VI с верхним краем юго-западной стены. По всей вероятности, подобная же боковая плита была установлена и вдоль

¹⁶ Плиты стен, начиная от северной угловой плиты, в юго-восточном направлении и далее обозначены арабскими цифрами (№ 1—24), а перекрывающие плиты с северо-востока на юго-запад — римскими цифрами (I—VII).

¹⁷ Первоначально я ошибочно считал перекрытие гробницы двускатным. См.: И. М. Чеченов. Тайны Налычкской гробницы. Газ. «Кабардино-Балкарская правда», 1968, 16 ноября, № 299; его же. Гробница майкопского периода..., стр. 97.

противоположной (т. е. северо-восточной) стены гробницы, которую вывезли при строительно-земляных работах в 1966 г. Следовательно, данный погребальный памятник был сооружен не менее чем из 32 крупных плит.

Интересно отметить, что все щели между плитами гробницы были тщательно заложены мелким галечником. По-видимому, стремление к надежной герметизации погребальной камеры связано с определенными религиозными представлениями племен, соорудивших этот памятник. Подобные же конструктивные особенности Новосвободненских дольменов Т. Б. Попова склонна объяснить тем, что в соответствии с верованиями оставившего их древнего населения, «погребенный или душа его не должны были выйти из погребального сооружения»¹⁸. Однако, на мой взгляд, не менее приемлемым представляется и несколько иной подход к решению данного вопроса, согласно которому все щели могильного сооружения тщательно закрывались с целью максимальной изоляции погребальной камеры от проникновения сюда «злых духов» и защиты покойников от «нечистой силы».

Вдоль юго-восточной стены гробницы, в 10—15 см ниже уровня верхнего края ее стен, был насыпан слой мелкого галечника, на котором лежали выступающие за эту стену концы перекрывающих плит (рис. 7). Особенно много галечника было вблизи южного угла гробницы. Здесь ширина галечниковой площадки достигла почти 2 м, а толщина ее — 15—20 см. Кроме того, в 1,2—1,5 м от этого же угла выявлены остатки кострища, содержавшего незначительное количество древесного угля и золы. Вдоль остальной части юго-западной стены толщина слоя галечника уменьшалась до 5—10 см. Такое же скопление галечника площадью 1,2×1,5 м отмечено и у северного угла гробницы, в 60 см ниже уровня верхнего края ее стен. Галечниковая выкладка с северо-западной стороны гробницы разрушена в 1966 году.

При дальнейшем углублении участка вокруг гробницы выяснилось, что под выкладкой из галечника следовал темно-серый грунт, а еще ниже стены гробницы были со всех сторон прочно обложены речным булыжником в 3—4 слоя. Высота булыжной забутовки — 40—60 см, ширина ее — 50—60 см.

Вдоль юго-восточной и юго-западной стен погребальной камеры булыжная обкладка выявилась на глубине 60 см от ее верхнего края, а с северо-западной и с северо-восточной — на глубине 80—85 см; причем, вдоль первых двух стен булыжник был более крупным (вес камней — до 7—10 кг), чем с других двух сторон (до 5—7 кг). Определенного внимания заслуживает и тот факт, что вблизи углов гробницы камней было значительно больше, чем вдоль ее стен. Так, ширина булыжной забутовки у южного и западного углов памятника достигала 70—90 см, а высота ее — не менее 50 см. Несомненно, что булыжная забутовка была предназначена для увеличения прочности стен гробницы.

Под булыжником вдоль юго-восточной стены гробницы отмечена прослойка из измельченного туфа толщиной не более 5 см. Еще ниже, до самого материка, следовал плотный темно-серый грунт с бурым оттенком. Глубина этого предматерикового слоя, являющегося, по всем признакам, древней погребенной почвой, равна 15—20 см.

Материк — плотная желтая глина — достигнут на глубине 8,5 м от вершины курганной насыпи.

На полу погребальной камеры была выявлена такая же галечниковая выкладка, как и вокруг ее стен. Здесь же, вблизи северо-восточной стены гробницы, отмечены остатки небольшого костра (рис. 14, 27), по всей видимости, горевшего недолго.

¹⁸ Т. Б. Попова. Указ. соч., стр. 11.

Ниже галечникового пола камера гробницы была заполнена на 40—50 см плотно утрамбованным насыпным грунтом, который прочно удерживал плиты стен в вертикальном положении. Поверхность материка под гробницей ровная, но в целом слегка наклонена с юго-запада на северо-восток.

3. Особенности плит гробницы

Плиты, из которых была построена гробница, изготовлены из светло-серого вулканического туфа, имеющего розоватый оттенок. Большие запасы такого туфа, разрабатываемого и в настоящее время, находятся в 4—5 км от места обнаружения гробницы, в районе с. Каменка¹⁹.

Своеобразие форм, существенные различия в размерах, характер обработки поверхности и другие особенности плит от гробницы не только наглядно указывают на вторичное использование их при сооружении данного погребального памятника, но и не оставляют никаких сомнений в том, что первоначально все они представляли собой монументальные стелы. Очевидно, эти стелы, изготовленные совершенно для иных целей, еще задолго до постройки гробницы стояли в вертикальном положении, высоко возвышаясь над землей. Каждая из них была вкопана на относительно небольшую глубину.

На чем основаны такие суждения?

Прежде всего об этом свидетельствует тот факт, что основания стел грубо обтесаны и заострены в виде овальных или плоских клиньев, длина которых варьирует от 10—12 до 120 см (рис. 5, 13, 15). И наоборот, остальная часть у них очень тщательно обработана не только с лицевой и оборотной сторон, но и с боковых (рис. 8—12). Кроме того, поверхность всех стел, опять-таки за исключением их клиновидных оснований, сильно окатана и сглажена со всех сторон, что, несомненно, является результатом выветривания их на протяжении длительного времени. Такие внешние особенности стел явно указывают на то, что первоначально они стояли не вплотную друг к другу, а по отдельности.

Лицевые стороны почти всех стел совершенно плоские или едва закруглены у граней, а их оборотные стороны в большинстве случаев имеют умеренно или сильно выраженные округлые формы. Только у нескольких из них (№ 1, 4, 7, 10—12, 20 и 24) округлость оборотных сторон выражена очень слабо; последние в поперечном сечении имеют подпрямоугольные очертания (рис. 14). Торцовые стороны у явно преобладающего большинства плит выражены очень четко. Все стелы, за исключением углового камня № 6, были установлены плоскими (т. е. лицевыми) сторонами во внутрь гробницы, в результате чего ее камера имела ровные стены и потолок (рис. 11, 12).

Интересно отметить, что не только грубо обтесанные клиновидные основания, но и хорошо обработанные части всех плит, составляющих стены гробницы, были вкопаны на 50—100 см ниже уровня пола погребальной камеры (рис. 13).

По всем признакам, при сооружении гробницы стелы, установленные в стенах гробницы, подвергались вторичной обработке. В связи с этим необходимо напомнить, что верхние края у них «срезаны» ровно, под прямым углом к их общей длине. Характер узоров на некото-

¹⁹ Наше предположение о том, что эти плиты изготовлены из туфа, добытого именно в районе с. Каменка, было подтверждено и сотрудниками Кабардино-Балкарской геологической экспедиции. Здесь же отмечу, что, судя по находкам отдельных туфовых предметов на Агубековском поселении и Нальчикском энеолитическом могильнике, этот легко обрабатываемый материал использовался древним населением данного района не позднее первой половины III тыс. до н. э. (см.: Е. Ю. Кричевский, А. П. Круглов, Указ. соч., стр. 60—61, рис. 8, табл. II; А. П. Круглов, Б. Б. Пиотровский, Г. В. Подгаецкий, Указ. соч., стр. 99, 112, табл. X (6)).

рых плитах (особенно на стелах № 5 и 10) указывает на то, что при этом «срезалась» иногда и часть орнамента (рис. 10, 12, 13). Кроме того, у многих плит от стен длина клиновидных оснований, по сравнению с их остальной тщательно обработанной и окатанной частью, слишком мала — она не превышает 10—15 см. Мало вероятно, чтобы массивные стелы, высоко возвышавшиеся первоначально над землей, вкапывались лишь на такую незначительную глубину. Следует предполагать, что основания этих стел частично были отбиты также при их вторичной обработке для сооружения стен гробницы. Здесь же отмечу, что две стелы (№ 18 и 24), в отличие от всех остальных плит, составлявших стены гробницы, были установлены вниз «головами». Вследствие этого у них полностью сохранились верхние части, но отбиты основания (рис. 11; рис. 13, 18 и 24).

Перекрывающие плиты при сооружении гробницы совершенно не подвергались вторичной обработке. В этом убеждают общие формы четырех стел (II, IV, V и VII), почти полностью восстановленных по обломкам в первоначальном виде (рис. 16, 1—4).

Особого внимания заслуживает тот факт, что все шесть стел, от которых сохранились их верхние части (т. е. № 18, 24, II, IV, V и VII), оказались антропоморфными (рис. 16). Следовательно, вполне допустимо, что и другие нальчикские стелы, верхние края которых «срезаны» при вторичной обработке их древними строителями гробницы, также могли быть антропоморфными.

Ниже дается подробное описание всех перекрывающих плит (I—VII), а также двух антропоморфных стел, установленных в стенах гробницы (№ 18 и 24).

Плита I. От нее сохранилось только клиновидное основание, выступавшее за юго-восточную стену гробницы. Оно имеет в поперечном сечении овальную форму (рис. 15). Длина обломка — 89 см, ширина сверху — 55 см, максимальная толщина — 22 см. По всем признакам, средней частью именно этой плиты и является один из крупных обломков, найденный впоследствии в насыпи кургана. В поперечном сечении этот обломок имеет прямоугольную форму. Длина его равна 170 см; ширина обломка от верхней части к основанию увеличивается от 52 до 55 см, а толщина уменьшается от 29 до 23 см. Верхнюю часть плиты, к сожалению, отыскать не удалось.

Плита II. В числе перекрывающих плит она является наиболее интересной. При раскопках в 1968 г. обнаружены четыре ее обломка. Характер изломов и особенности орнаментации одного из них (рис. 17) несомненно указывали на то, что обломок антропоморфной стелы, найденный на кургане в 1966 г. (рис. 18), являлся верхней частью именно перекрывающей плиты II. По этим обломкам удалось полностью восстановить ее первоначальный вид. Прежде всего, примечательны необычайно большие размеры стелы — длина ее равняется 422 см; книзу ширина стелы уменьшается от 64 до 60 см, а толщина — от 26 до 20 см. Лицевая сторона изваяния плоская, оборотная — округлая; боковые грани едва заметно закруглены. «Голова» выражена в виде округлого выступа с плоской лицевой частью, который, равномерно расширяясь, плавно соединяется с непропорциональными, но четко выраженными плечами. Высота этого выступа — «головы» равна 32 см, наибольшая ширина — 35 см. Черты лица, шея и конечности на стеле совершенно не выражены. С плеч ее наклонно опускаются две группы желобков (по три параллельные линии с каждой стороны), которые соединяются на груди (имитация ребер?). Стела имеет грубо обработанное клиновидное основание длиной около 100—120 см; в сечении оно овальное (рис. 15). Вся остальная часть ее поверхности тщательно обработана и окатана со всех сторон (рис. 16, 1). Вероятно, до вторичного использования стелы как строительного материала при

сооружении гробницы она стояла в вертикальном положении, возвышаясь над землей не менее чем на 3—3,2 м.

Плита III. От нее сохранилось 3 обломка, общая длина которых равна 316 см. Верхняя часть ее, выступавшая за северо-западную стену гробницы, не найдена. Судя по сохранившимся обломкам, ширина обработанной части плиты постепенно увеличивалась сверху вниз от 51 до 62 см, а толщина уменьшалась от 23 до 20 см. Вся лицевая сторона этой стелы совершенно плоская, оборотная сторона в верхней части округлая, а в нижней — плоская. У нее слабо обработанное прямое основание, длина которого более 50 см (рис. 15).

Плита IV. Представляет антропоморфную стелу, которая в отличие от всех остальных плит от перекрытия лежала «головой» на юго-восток. Она сохранилась в трех обломках; основание ее, выступавшее за северо-западную стену гробницы, не найдено. Общая длина сохранившейся части стелы восстанавливается по обломкам; она равна 322 см (рис. 16, 2). Следует полагать, что длина ее в целом виде достигала 370—380 см. Книзу ширина стелы уменьшается от 57 до 52 см, а толщина увеличивается от 35 до 37 см. «Голова» ее также обозначена в виде округлого выступа с плоской лицевой частью, которая, слегка расширяясь книзу, плавно соединяется с непропорциональными, но четко выраженными плечами (рис. 19). Длина «головы» — 25 см, максимальная ширина — 27 см. Черты лица, шея и конечности стелы совершенно не выражены. Лицевая сторона ее плоская, оборотная — округлая.

Плита V. Первоначальный вид ее почти полностью восстановлен по четырем обломкам. Общая длина этой стелы равна 365 см. Ширина ее от верхней части к основанию равномерно увеличивается от 57 до 61 см, а толщина — от 31 до 35 см. Слегка суживающееся прямое основание плиты, выступавшее более чем на 50 см за северо-восточную стену погребальной камеры, обработано слабо. Поверхность всей ее остальной части так же хорошо обработана и окатана, как и у других стел. Лицевая сторона у плиты V совершенно плоская, а тыльная закруглена значительно сильнее, чем у всех остальных плит (рис. 16, 4). Верхняя часть плиты, имеющая миндалевидную форму (рис. 20), заметно отличается от остальных антропоморфных стел, найденных здесь же.

Плита VI. От нее сохранились две очень массивные части — грубо обтесанное основание подпрямоугольной формы (длина его — 80 см), опиравшееся на юго-восточную стену гробницы, и тщательно обработанная средняя часть, которая лежала торцом на полу погребальной камеры, вдоль ее юго-западной стены. Верхняя часть плиты не найдена. По этим двум обломкам можно судить, что она несколько отличалась от других стел гробницы: лицевая сторона плиты VI плоская, на оборотной стороне ее прослеживаются 3 продольные грани, продолжающиеся почти до основания. В результате такой обработки поверхности в поперечном сечении она имеет призмобразную форму. Сохранившаяся общая длина плиты — 320 см; от верхней части к основанию ширина ее уменьшается с 70,5 до 59,5 см, а толщина увеличивается от 29 до 37,5 см. По всем признакам, эта плита-стела была одной из наиболее массивных в гробнице.

Плита VII, как отмечалось, лежала на боку, тыльной стороной к гробнице, и плотно прикрывала снаружи место соединения перекрывающей плиты VI с верхним краем юго-западной стены (рис. 11). Верхняя половина ее найдена при доисследовании разрушенного участка курганной насыпи. В целом эта плита является одной из наиболее интересных разновидностей антропоморфных стел гробницы. Конечности и шея у нее совершенно не обозначены. Большая часть ее «головы» отбита, но все же удалось установить, что, как и у других антропоморфных изваяний, она представляла округлый выступ, который плав-

но соединялся с несимметрично выраженными плечами (рис. 16, 3). На лицевой стороне стелы, в 35 см ниже уровня ее плеч, четко прослеживаются два миндалевидных рельефных выступа с плоской поверхностью, которые, очевидно, имитировали женские груди (рис. 21). Максимальная длина их — около 30 см, ширина — 20 см, высота — не более 1,5—2 см. За исключением клиновидного основания (длина его — 80 см), вся остальная часть стелы со всех сторон тщательно обработана и имеет сильно окатанную поверхность. В поперечном сечении она имеет форму вытянутого овала; только лицевая сторона ее более плоская, чем обратная. Общая сохранившаяся длина изваяния — более 370 см. Можно полагать, что длина стелы в первоначальном виде (т. е. с учетом размеров отбитой части «головы») достигала 390—400 см. Ширина памятника выше уровня указанных миндалевидных выступов — «грудей» равна 49 см, а ниже их — 43 см. На этом же уровне обратная сторона стелы плавно вогнута во внутрь — толщина ее здесь не превышает 20 см. К основанию ширина плиты вновь равномерно увеличивается до 57 см, а толщина до 28 см. При рассмотрении стелы в целом создается впечатление, что у нее обозначена талия.

Плита № 18 представляет собой примитивное изваяние, у которого черты лица, шея и конечности совершенно не выражены. «Голова» трактована в виде округлого выступа с уплощенным лицом. Несколько расширяясь книзу, она плавно соединяется с непропорционально узкими, но четко подчеркнутыми плечами. Высота «головы» равна 12 см, ширина — 30 см. На лице стелы выгравирован своеобразный орнамент, представляющий сложную комбинацию из прямых и ломаных линий и насечек (рис. 22). Возможно, что эти узоры являются изображением татуировки или маски. Напомним, что «голова» и орнаментированная часть стелы были повернуты вниз и вкопаны ниже уровня пола гробницы. Длина сохранившейся части памятника равна 152 см, предполагаемая длина его до разрушения в 1966 г. — около 180 см, ширина — 44 см, толщина — 17,5 см. В продольном сечении стела напоминает сгорбленную человеческую фигуру (рис. 16, 5).

Плита № 24. «Голова» ее представляет миндалевидный выступ высотой около 43 см и шириной до 57 см, который, постепенно расширяясь книзу, соединяется с едва намеченными непропорциональными плечами. На уровне груди стелы имеются нарезные узоры в виде изображения дерева (рис. 16, 6). Вся «голова» и частично грудь были вкопаны так, что находились ниже уровня пола гробницы. От этой стелы, имевшей до разрушения в 1966 г. длину не менее 180 см, сохранился обломок в 122 см; ширина ее равна 75,5 см, максимальная толщина — 21 см.

Следует иметь в виду, что основания стел № 18 и 24 были отбиты не только при разрушениях кургана в последние годы, но и при вторичной обработке плит древними строителями гробницы. Поэтому первоначальная длина этих двух статуй не установлена.

Что касается остальных плит от стен, то, как уже отмечалось, при вторичной обработке у них были отбиты верхние края и частично клиновидные основания. Вследствие этого у таких стел остаются совершенно не выясненными не только первоначальные размеры, но и первоначальные формы. Однако можно быть уверенным в том, что, за исключением отдельных плит (например, № 20—23), которые, вероятно, в первоначальном виде также были очень крупными, они явно уступали по своим размерам перекрывающим стелам. В частности, на это указывает тот факт, что, по сравнению с последними, почти все плиты стен имеют значительно меньшую ширину и толщину (см. приложение, табл. 1). По всем признакам, у многих из них при вторичной обработке, кроме незначительной части их клиновидных оснований, в основном «срезались» лишь округлые или миндалевидные выступы — «головы», ко-

торые мешали созданию одинакового уровня по верхнему краю стен погребальной камеры. Можно предполагать, что у таких стел первоначальная длина не превышала 2—2,5 м. Если к этому напомнить, что длина отдельных перекрывающих плит варьировала от 365 до 422 см, то весьма существенные различия в первоначальных размерах нальчикских стел представляются очевидными.

Кроме трех описанных антропоморфных стел (№ 18, 24 и II), желобковые узоры выгравированы в верхней части еще пяти плит, установленных в стенах гробницы²⁰. Причем на плите № 11 они нанесены на лицевую сторону, на плитах № 5 и 10 — на тыльные, а на плитах № 7 и 14 — с обеих сторон (рис. 23).

Весьма интересны узоры на лицевой стороне стелы № 7. В целом они представляют сложную комбинацию из сочетания треугольников и углов, направленных вершинами к середине плиты, где изображено несколько вписанных ромбов; весь рисунок разделен на две одинаковые части вертикальной линией (рис. 23, 1 и 24). На обратной стороне этой же плиты выгравирована сетка из диагонально пересекающихся линий (рис. 23, 2; рис. 25).

Орнамент на лицевой стороне стелы № 11 состоит из семи желобковых линий, наклонно опускающихся от граней плиты к ее средней части и образующих округлые углы (рис. 23, 5);

На оборотной стороне плиты № 14 выгравирован крест (рис. 23, 4).

Узоры на стелах № 5, 10 и на лицевой стороне стелы № 14 по композиции просты и однотипны: как и изображения на стеле II, они представляют собой от одной до трех пар слегка вогнутых углубленных линий, также идущих наклонно от граней плиты к ее середине и образующих округлые углы (рис. 23, 3, 6, 7; рис. 26).

Во взаиморасположении орнаментированных стел в стенах гробницы никакой закономерности не прослеживается. Несомненно, все изображения на плитах были выгравированы до строительства погребального памятника.

Думается, что приведенные факты в достаточной мере указывают на то, что при сооружении Нальчикской гробницы декоративные особенности вторично использованных плит совершенно не учитывались; все стелы, как орнаментированные и антропоморфные, так и обычные, строителей данного памятника интересовали только как удобный строительный материал, который по мере необходимости лишь слегка дообработывался.

Как видно, нальчикские стелы заметно отличаются друг от друга и по размерам, и по формам, и по орнаментации. Однако такие отличительные черты, являющиеся чисто внешними, не могут противоречить тому очевидному факту, что все эти мегалитические изваяния были изготовлены первоначально для одних и тех же целей, относятся к единому кругу памятников одного и того же периода и оставлены одной и той же этнической группой.

4. Характеристика погребального обряда и инвентаря

Одной из интересных особенностей, прослеженных при исследовании гробницы, является использование в погребальном обряде необычайно большого количества красной краски — охры. Так, ею были преднамеренно окрашены с внутренней стороны все стены погребальной камеры и перекрывавшие ее плиты. Значительное количество такой же

²⁰ Еще один небольшой обломок стелы, на котором сохранилась только часть орнамента в виде ромба или квадрата (рис. 23, 8), обнаружен среди плит, разбитых экскаватором в 1966 г.

краски отмечено и на галечниковом полу гробницы, а также на поверхности подавляющего большинства найденных здесь предметов. И, наконец, охрой были обильно посыпаны и очень плохо сохранившиеся останки погребенных в гробнице.

Как известно, обычай посыпать погребенных и их могильные ямы охрой или суриком особенно широкое распространение на Северном Кавказе получил в эпоху энеолита и ранней бронзы (III тыс. до н. э.)²¹.

Предполагается, что красная краска могла символизировать вечно горящий огонь, якобы имевший «очистительную силу». В связи с этим напомним об остатках двух костров, которые горели на галечниковой выкладке за юго-восточной стеной Нальчикской гробницы и внутри ее (рис. 14, 27). Возможно, что они также предназначались для «первичного очищения» погребальной камеры и погребенных в ней. Кроме того, не исключено, что с функциями «очищения» связываются и вышеуказанные выкладки из светлого галечника вокруг стен и на полу гробницы.

В гробнице выявлены останки двух погребенных. Они были плотно придавлены самыми массивными перекрывающими плитами V и VI, обвалившимися сверху еще в древности (рис. 6). От покойников сохранился лишь тлен, вследствие чего определить с необходимой точностью все особенности труположения, а также пол погребенных не представляется возможным. Но все же по общим очертаниям костяков установлено, что они лежали в скорченном положении на боку, вплотную друг к другу, головами на юго-восток; руки согнуты в локтях и прижаты к туловищу (рис. 14). Фаланги их ног соприкасались с северо-западной стеной гробницы, а расстояние между противоположной (т. е. юго-восточной) стеной и покойниками (в головах) составляло около 90—100 см.

Первый погребенный, рост которого достигал 175 см, лежал на правом боку, вплотную к юго-западной стене. Во взаиморасположении костей этого покойника, как, впрочем, и второго погребенного, сохранился правильный анатомический порядок. Нет сомнения, что до наших раскопок останки их оставались совершенно непо потревоженными. В связи с этим особое недоумение вызывает то обстоятельство, что все кости черепа первого погребенного оказались расположенными в 35—40 см от его туловища, вблизи южного угла гробницы. Создавалось впечатление, что голову этого покойника положили здесь после того, как было погребено в отдельности его туловище. Не исключена возможность, что в данном случае мы имеем пример насильственного умерщвления человека, который находился в менее привилегированном или даже в зависимом положении по отношению ко второму погребенному. Это предположение в значительной мере подкрепляется и тем, что при первом покойнике, в отличие от второго, не содержалось никаких вещей.

Второй погребенный, судя по общим очертаниям скелета и обломкам костей, имевшим грацильный облик, представлял собой невысокого человека (возможно, подростка), рост которого не превышал 160 см. Он лежал на левом боку, т. е. лицом к первому покойнику. При втором погребенном, а также к северо-западу от него найдено большое количество разнообразных и весьма выразительных предметов — многочисленные золотые украшения, бронзовые орудия труда и оружие, изделия из кости и камня (рис. 14). Все золотые изделия из гробницы изготовлены из высококачественного металла — 900-й пробы²². В числе

²¹ См., например: А. П. Круглов, Б. Б. Пиотровский, Г. В. Подгаецкий. Указ. соч., стр. 70—94; Е. И. Крупнов. Древняя история и культура Кабарды. М., 1967, стр. 32; А. А. Формозов. Указ. соч., стр. 66 и сл.

²² Анализы произведены в спецкабинете Нальчикского ювелирторга.

краски отмечено и на галечниковом полу гробницы, а также на поверхности подавляющего большинства найденных здесь предметов. И, наконец, охрой были обильно посыпаны и очень плохо сохранившиеся останки погребенных в гробнице.

Как известно, обычай посыпать погребенных и их могильные ямы охрой или суриком особенно широкое распространение на Северном Кавказе получил в эпоху энеолита и ранней бронзы (III тыс. до н. э.)²¹.

Предполагается, что красная краска могла символизировать вечно горящий огонь, якобы имевший «очистительную силу». В связи с этим напомним об остатках двух костров, которые горели на галечниковой выкладке за юго-восточной стеной Нальчикской гробницы и внутри ее (рис. 14, 27). Возможно, что они также предназначались для «первичного очищения» погребальной камеры и погребенных в ней. Кроме того, не исключено, что с функциями «очищения» связываются и вышеуказанные выкладки из светлого галечника вокруг стен и на полу гробницы.

В гробнице выявлены останки двух погребенных. Они были плотно придавлены самыми массивными перекрывающими плитами V и VI, обвалившимися сверху еще в древности (рис. 6). От покойников сохранился лишь тлен, вследствие чего определить с необходимой точностью все особенности трупоположения, а также пол погребенных не представляется возможным. Но все же по общим очертаниям костяков установлено, что они лежали в скорченном положении на боку, вплотную друг к другу, головами на юго-восток; руки согнуты в локтях и прижаты к туловищу (рис. 14). Фаланги их ног соприкасались с северо-западной стеной гробницы, а расстояние между противоположной (т. е. юго-восточной) стеной и покойниками (в головах) составляло около 90—100 см.

Первый погребенный, рост которого достигал 175 см, лежал на правом боку, вплотную к юго-западной стене. Во взаиморасположении костей этого покойника, как, впрочем, и второго погребенного, сохранился правильный анатомический порядок. Нет сомнения, что до наших раскопок останки их оставались совершенно непо потревоженными. В связи с этим особое недоумение вызывает то обстоятельство, что все кости черепа первого погребенного оказались расположенными в 35—40 см от его туловища, вблизи южного угла гробницы. Создавалось впечатление, что голову этого покойника положили здесь после того, как было погребено в отдельности его туловище. Не исключена возможность, что в данном случае мы имеем пример насильственного умерщвления человека, который находился в менее привилегированном или даже в зависимом положении по отношению ко второму погребенному. Это предположение в значительной мере подкрепляется и тем, что при первом покойнике, в отличие от второго, не содержалось никаких вещей.

Второй погребенный, судя по общим очертаниям скелета и обломкам костей, имевшим грацильный облик, представлял собой невысокого человека (возможно, подростка), рост которого не превышал 160 см. Он лежал на левом боку, т. е. лицом к первому покойнику. При втором погребенном, а также к северо-западу от него найдено большое количество разнообразных и весьма выразительных предметов — многочисленные золотые украшения, бронзовые орудия труда и оружие, изделия из кости и камня (рис. 14). Все золотые изделия из гробницы изготовлены из высококачественного металла — 900-й пробы²². В числе

²¹ См., например: А. П. Круглов, Б. Б. Пиотровский, Г. В. Подгаецкий. Указ. соч., стр. 70—94; Е. И. Крупнов. Древняя история и культура Кабарды. М., 1967, стр. 32; А. А. Формозов. Указ. соч., стр. 66 и сл.

²² Анализы произведены в спецкабинете Нальчикского ювелирторга.

этих находок значительный интерес представляют 2 массивные височные подвески-кольца с несмыкающимися концами, которые лежали у черепа второго погребенного. Изготовлены они из круглой в сечении золотой проволоки. В основном подвески различаются между собой только по размерам (рис. 27, 6)²³.

Вблизи этих подвесок обнаружены 2 биконические золотые бусины, также несколько отличающиеся друг от друга лишь размерами. Поверхность их украшена узором в виде насечек (рис. 27, 7).

У груди и запястья погребенного собрано 265 мельчайших золотых бусинок. В двух случаях они сохранились в виде нанизанного на нитку ожерелья. Самые мелкие из них, составляющие численно менее чем четвертую часть, имеют шаровидные формы (рис. 27, 8). Остальные бусинки приближаются по формам к дисковидным (рис. 27, 9).

На бедренных костях погребенного лежали 3 тончайшие (фольговидные) золотые пластинки с закругленными углами, имеющие сильно удлиненные листовидные формы. Они заметно отличаются друг от друга по размерам (рис. 27, 1—3). По всей вероятности, этими пластинками украшалась одежда покойника.

У его пояса обнаружена золотая лента, свернутая в спираль из пяти витков (рис. 27, 4). Изготовлена она из такой же тонкой пластины в виде фольги, как и указанные пластинки от одежды. Напротив этой ленты, за спиной покойника, находился втульчатый наконечник в виде конуса с округлой вершиной (рис. 27, 5; рис. 28, 15). Он также был свернут из фольговидной золотой пластины. По всей видимости, эти две находки украшали несохранившуюся деревянную трость-посох, диаметр которой равнялся приблизительно 2—2,5 см. Во всяком случае, внешние формы, размеры и взаиморасположение их невольно напоминают погребения более позднего (кобанского) времени у с. Тли Южной Осетии, где в отдельных случаях на костях лежали остатки деревянных посохов с бронзовыми наконечниками, обмотанные бронзовыми же лентами²⁴. Здесь же можно отметить, что посохи — «пастушьи палки», считающиеся символом власти, выгравированы на отдельных каменных стелах эпохи энеолита и ранней бронзы Северного Причерноморья и Крыма (Новочеркасск, Астанино), а также Южной Франции (Коллорж)²⁵.

Среди прочих находок в гробнице большой интерес представляет круглая в сечении костяная стрела с цельным, но четко выделенным черенком, которая лежала вблизи наконечника посоха. Черенок частично отломан. Ударная часть стрелы имеет форму сильно удлиненного конуса (рис. 28, 14). На ней сохранилась точно такой же формы конусовидная обкладка-наконечник, изготовленная из характерной для данного погребального памятника тонкой золотой пластинки. Второй втульчатый золотой наконечник стрелы в виде конуса, аналогичный первому (рис. 28, 13), обнаружен вблизи юго-восточной стены гробницы. Он сильно деформирован; внутри него сохранился лишь небольшой обломок костяной основы.

В 60 см от костей черепа второго погребенного, вдоль юго-восточной стены гробницы (рис. 14, 3), лежала спираль длиной более полуметра, также свернутая из тончайшей золотой ленты (рис. 29, 2). Вторая

²³ Точные размеры и некоторые особенности всех металлических предметов, найденных в гробнице, указаны в табл. 2 (см. «Приложения»).

²⁴ Б. В. Техов. Археологические раскопки 1962 года в Юго-Осетии. СА, 1965, № 2, стр. 144. Пользуюсь случаем поблагодарить Б. В. Техова, подробноознакомившего меня с фотографиями погребений, с посохами.

²⁵ А. А. Формозов. Образ человека в памятниках первобытного искусства с территории СССР. ВИМК, 6, 1961, стр. 111; его же. О древнейших антропоморфных стелах Северного Причерноморья. СЭ, 1965, 6, стр. 180—181; его же. Очерки по первобытному искусству. М., 1969, стр. 179, 181, 185, 189, рис. 63 (1—2).

подобная же спираль, по длине превосходящая первую почти в два раза (рис. 29, 3), обнаружена вблизи восточного угла гробницы (рис. 14, 2). Этими лентами, очевидно, были обмотаны какие-то деревянные палки, диаметр которых равнялся 2—2,5 см.

По всей центральной части гробницы собраны 64 тонкие **золотые пластинки**, длина которых варьирует от 2 до 12 см, а ширина — от 0,4 до 1,7 см; у многих из них концы неровно оборваны (рис. 29, 1). Во взаиморасположении пластинок почти никакой закономерности не прослеживается, если не считать, что в 20—30 см к северо-востоку от второго костяка их найдено особенно много (рис. 14). Возможно, что ими украшали матерчатое покрытие какого-то шатрообразного сооружения, которое поддерживалось деревянными палками-стояками, обкрученными указанными выше золотыми лентами. В связи с этим напомним, что на полу погребальных камер большого Майкопского кургана также «попадались тонкие полоски серебра», а в основной погребальной камере (захоронение вождя) были обнаружены остатки балдахина, который поддерживался шестью серебряными трубками, украшенными на концах золотыми и серебряными фигурками быков²⁶.

Вблизи бедренных костей второго погребенного Нальчикской гробницы лежал **пластинчатый наконечник ножен** шириной 2,5 см: он изготовлен из тонкого золотого листа в виде фольги (рис. 28, 16). В полуметре к северо-востоку от него найдены обломки плоского двулезвийного **серебряного ножика-кинжалчика** с четко выраженным черенком и с округлым тупым окончанием лезвия. Стороны лезвия ножика почти параллельны между собой (рис. 28, 17). Перекрестье его окольцовано тонкой пластинкой, изготовленной из электрума — сплава золота с серебром. Поскольку обломки средней части лезвия не удалось обнаружить, то общая длина ножика определена весьма приблизительно: по всей вероятности, она не превышала 10—12 см. Ширина его лезвия достигала 2,3 см, что вполне соответствует размерам пластинчатого золотого наконечника ножен, о котором сказано выше.

В средней части гробницы, близ северо-восточной стены, лежал массивный **бронзовый черенковый кинжал** с почти параллельными сторонами клинка и с четко выраженным продольным ребром посередине (рис. 14, 17). Перекрестье его также было окольцовано золотой фольговидной пластиной. Конец кинжала раздроблен свалившейся сверху перекрывающей плитой (рис. 30, 4).

В восточном углу гробницы найдено **2 четырехгранных шила** с заметно утолщенной рабочей частью. Первое из них изготовлено из серебра со значительной примесью золота. Черенок его был обложен тонкими золотыми пластинками удлинённых пропорций, имеющими в поперечном сечении полусферическую форму; нижние края этих пластинок закруглены (рис. 28, 9—10). С внутренней стороны шильев отмечено несколько мелких кусочков дерева от рукояти. Поверх золотых пластинок, вдоль боковых сторон, прилегли обломки двух плохо сохранившихся пластинок меньшего размера, изготовленных из серебра с примесью золота. На них имеется несколько очень маленьких сквозных отверстий, в трех из которых сохранились миниатюрные гвоздики со шляпками. Любопытно необычайно малые размеры этих гвоздиков — длина их не превышает 2 мм. Очевидно, золотые пластинки были прикреплены к круглой деревянной рукояти шила при помощи серебряных гвоздиков и серебряных пластинок меньшего размера. **Второе шило** почти аналогично первому по форме, но изготовлено из бронзы (рис. 28, 11). Вблизи него, наряду с несколькими мелкими обломками серебряных пластинок и остатками почти полностью истлевшей деревянной ручки, лежала лишь одна золотая пластинчатая обкладка, весьма сходная с

²⁶ ОАК за 1897 г. СПб., 1900, стр. 4—6, 10.

соответствующими пластинками от первого шила. Другую (предполагаемую) золотую пластинку-обкладку от второго шила найти не удалось.

Третье четырехгранное шило, также оказавшееся бронзовым, несколько уступает по своим размерам двум первым и имеет более удлиненные пропорции (рис. 28, 12). Оно лежало вне погребальной камеры, вблизи ее восточного угла, на вымостке из галечника, которая была выявлена вдоль юго-восточной стены гробницы на уровне древнего горизонта. Следует обратить внимание, что это шило найдено в совершенно непо потревоженном участке до начала расчистки погребальной камеры, сразу же после того, как были убраны выступавшие за ее юго-восточную стену концы перекрывающих плит I и II. Можно полагать, что третье шило, лежавшее первоначально рядом с двумя первыми шильями, было выброшено из камеры еще в древности.

К западу от шильев (рис. 14, 4) лежал **бронзовый проушный топор** с круглой втулкой и со слабо выраженным продольным гребнем на обухе. Размеры топора относительно небольшие, хотя в целом он довольно массивный (см. табл. 2, № 22). Лезвие его (оно совершенно не проковано) расположено под небольшим углом к обушной части (рис. 30, 2). Втулка топора сверху прикрыта тонкой золотой пластинкой полусферической формы, а место соединения топорика с нижней частью втулки окольцовано такой же золотой пластинкой (рис. 30, 2А и 2Б).

В 1,5 м от первого топора, вблизи северного угла гробницы (рис. 14, 20), найден **второй проушный бронзовый топор** с округлой втулкой, в которой сохранился деревянный обломок от топорика. Топор очень массивный (см. табл. 2, № 22). Он имеет весьма архаичные формы. Его хорошо прокованное лезвие и обух с четко выраженным продольным ребром параллельны между собой (рис. 30, 1). Следы сработанности на лезвии не прослеживаются. Втулка топора имеет слабо выраженную коническую форму — к основанию (т. е. в сторону расположения топорика) она равномерно увеличивается в диаметре с 1,5 до 2 см.

Под вторым топором лежало **бронзовое долото** с четырехгранной насадкой и с желобчатой рабочей частью, на поверхности которой отмечены следы сработанности; в сечении долото имеет совершенно круглую форму (рис. 30, 3).

Рядом с долотом обнаружено плоское **бронзовое тесло**. По форме оно напоминает равнобедренную трапецию со слегка закругленным основанием (рис. 30, 5). На поверхности его тщательно проработанной и заостренной лезвийной части отчетливо прослеживаются следы сработанности.

Следует отметить, что долото, тесло и второй проушный топор были сдвинуты со своих первоначальных мест в 1966 г., когда через разрушенную северо-западную стену гробницы рабочие-строители извлекли упоминавшийся выше бронзовый котел.

Видимо, тогда же был разбит какой-то **бронзовый сосуд** (миска—?), мелкие обломки которого найдены вблизи перечисленных металлических орудий (рис. 14, 22).

Первоначальное местонахождение **бронзового котла** точно установлено нами по остаткам и четким отпечаткам **циновки** из какого-то волокнистого растения, которые хорошо сохранились на дне этого сосуда, а также на полу погребальной камеры, вблизи ее северного угла (рис. 14, 19). Котел разорван сбоку и деформирован. Изготовлен он из ковanej листовой меди с незначительной примесью мышьяка. Котел имеет яйцевидное, несколько раздутое у плеч тулово и невысокую шейку с умеренно отогнутым венчиком (рис. 31). Горловина у него широкая, а дно непропорционально маленькое; последнее несколько утолщено и слегка вогнуто во внутрь. По обе стороны от разорванной части горловины имеется несколько сквозных отверстий и

заклепок, указывающих на то, что он неоднократно ремонтировался. Размеры котла: высота — 57 см, диаметр по горловине — 50 см, максимальный диаметр тулова — 62 см, диаметр дна — 14 см и толщина стенок — 0,3 см.

В разных местах поверхности этого котла сохранились остатки **ткани** серого цвета с желтым оттенком, в которую, очевидно, он был завернут; причем на горловине прослежено несколько слоев такой ткани. Предварительные результаты анализа показали, что ткань растительного происхождения (лен)²⁷. Она весьма тонкой пряжи и характеризуется высокой техникой ткачества (рис. 32).

Рядом с котлом, в самом углу погребальной камеры, лежали фрагменты **глиняного** сосуда, большинство обломков которого было извлечено отсюда рабочими-строителями еще в 1966 г. Сосуд удалось восстановить лишь частично, что позволяет иметь о его формах и размерах весьма приблизительное представление. Он изготовлен из тщательно очищенной и отмученной глины с очень слабыми примесями. Обжиг равномерный, качественный. Поверхность сосуда тщательно заглажена и имеет красно-охристый цвет; в изломе черепка прослеживается серая прослойка. Размеры сосуда довольно крупные: высота и максимальный диаметр его шаровидного тулова достигали 50 см. Он имел невысокую вертикальную шейку с резко отогнутым и утонченным по краю венчиком. Горловина сосуда широкая (около 30 см в диаметре), а дно его, наоборот, очень узкое (не более 13 см). Следует отметить, что по форме и размерам этот глиняный сосуд сближается со стоявшим с ним рядом бронзовым котлом, описанным выше.

К юго-востоку от места расположения бронзового котла обнаружены небольшой **обсидиановый наконечник стрелы** с выемчатым основанием и с пильчатыми краями (рис. 28, 1), концевой **вкладыш составного серпа** из кремня, обработанный отжимной ретушью (рис. 28, 2), 5 кремневых **ножевидных пластин** (рис. 28, 3—7) и обломок **точила** из галечника. Кроме того, 6 кремневых **скребков** и **отщепов** найдены вблизи северо-западной стены и в средней части пола погребальной камеры (рис. 14).

И наконец, к северо-востоку от второго погребенного лежали 2 отполированных обломка **кабаньего клыка**, а также проколка длиной 4,2 см, изготовленная из расколотой трубчатой кости (рис. 28, 18).

Заканчивая описание погребального инвентаря Нальчикской гробницы, следует обратить внимание на то, что вещи, украшенные золотыми пластинами, в том виде, в каком они были положены в погребальную камеру, не могли быть использованы их древними обладателями для каких-либо соответствующих практических целей: уж слишком тонки и непрочны на разрыв золотые пластинки и слишком слабо и небрежно они были прикреплены к предметам. Напомню также, что лезвийная часть некоторых металлических орудий не только не имеет следов сработанности, но и не прокована и не проработана вообще (например, первый бронзовый топор с золотыми пластинками по обе стороны втулки, серебряный двулезвийный ножик-кинжалчик и др.). Такие особенности погребального инвентаря гробницы явно указывают на то, что многие найденные в ней предметы были специально изготовлены или украшены золотыми пластинками именно в ритуальных целях, связанных непосредственно с обрядом погребения здесь одного из выдающихся членов коллектива — вождя племени или рода.

Несмотря на то обстоятельство, что в гробнице найдено значительное количество изделий из золота и других металлов, все же мож-

²⁷ Исследование ткани проведено Б. А. Шрамко (исторический факультет Харьковского госуниверситета).

но полагать, что она была частично ограблена еще в древности. На чем основано такое предположение?

В связи с этим необходимо еще раз обратить внимание на то, что в результате разрушений данного погребального памятника в 1966 г. были сдвинуты со своих первоначальных мест и повреждены лишь те вещи, которые располагались вблизи северного угла и вдоль северо-западной стены погребальной камеры (бронзовое долото, тесло, второй топор, котел, миска и глиняный сосуд). Остальная часть гробницы тогда не была потревожена. И все же условия обнаружения многих предметов, особенности их взаиморасположения, а также степень сохранности некоторых из них, отчетливо указывают на то, что погребальный инвентарь гробницы, главным образом находившийся в средней части камеры, был в значительной степени перемешан и поврежден еще в древности.

Так, например, дулезвийный серебряный ножик и золотая пластинчатая обкладка от наконечника его ножен, как уже отмечалось, были найдены в разных местах (рис. 14, 12 и 16). Также в отдельности друг от друга лежали и две совершенно однотипные костяные стрелы с конусовидными наконечниками из золотых пластинок (рис. 14, 5 и 11). Причем от костяной основы одной из этих стрел сохранился лишь небольшой фрагмент с явными следами старых изломов на обоих концах, а ее конусовидный наконечник из золотой пластины был сильно деформирован. Можно отметить и то, что первый бронзовый топор лежал в стороне и от погребенных и от северного угла гробницы — основного места расположения таких же массивных бронзовых предметов. Здесь же напомним, что третье бронзовое шило было выброшено при каких-то обстоятельствах из погребальной камеры еще задолго до начала работ в 1966 г. И, наконец, особого внимания заслуживает почти полное отсутствие какой-либо закономерности в расположении многочисленных золотых пластинок, которые, следует думать, были прикреплены на матерчатое покрытие предполагаемого шатрообразного сооружения внутри погребальной камеры и должны были находиться в каком-то определенном порядке; весьма существенно и то, что концы некоторых из них были неровно оборваны еще до наших раскопок. На основании перечисленных фактов предположение о частичном ограблении Нальчикской гробницы в древности представляется более чем вероятным. И в этом отношении она не является исключением: как известно, подавляющее большинство богатых погребений эпохи бронзы Кавказа и других областей Евразии также представляли перед археологами полностью или частично ограбленными еще в древности.

Как уже указывалось, останки погребенных в Нальчикской гробнице ко времени раскопок сохранили полный анатомический порядок, а довольно многочисленные золотые украшения при втором костяке лежали на своих первоначальных местах. Иными словами, оба погребенных остались совершенно никем не потревоженными. Чем же это объясняется?

На мой взгляд, от разорения и ограбления их спасло то обстоятельство, что мощные обломки перекрывающих плит V и VI, достигавшие в весе 800—1000 кг, обвалились сверху еще до появления здесь древних грабителей и, прочно вклинившись своими концами между противоположными стенами погребальной камеры, плотно и надежно прикрыли оба костяка (рис. 6). Было совершенно очевидно, что без продолжительных работ с использованием специальных приспособлений (рычагов, катков и т. д.) эти плиты никто не сможет передвинуть с места.

Кроме того, нельзя не заметить, что явно преобладающая часть предметов обнаружена вдоль юго-восточной и северо-западной стен

камеры. Следует предполагать, что они здесь сохранились потому, что эти участки оказались прикрытыми самыми крупными обломками плит I—IV, которые, видимо, также обвалились до проникновения сюда древних грабителей; напомним, что изломы на концах плит были очень старыми. В то же время эти обломки лежали так, что к северо-востоку от погребенных определенно участок вдоль средней части камеры оставался совершенно свободным от них (рис. 5); вероятнее всего, именно этим и объясняется тот очевидный факт, что, кроме тончайших золотых пластинок и нескольких кремневых предметов, разбросанных в беспорядке, на данном участке гробницы нами почти ничего не обнаружено.

II. АНАЛИЗ МАТЕРИАЛОВ И ДАТИРОВКА

1. Плиты-стелы

Среди материалов, полученных при раскопках Нальчикского кургана, наиболее интересными и ценными в научном отношении являются массивные туфовые плиты-стелы, использованные для сооружения гробницы.

Следует обратить особое внимание на тот факт, что подобные стелы, к тому же обнаруженные в одном погребальном памятнике в таком большом количестве, представляют совершенно новое и неожиданное явление в археологии всего Кавказа. Дело в том, что они абсолютно не похожи на монументальные каменные стелы и идолов бронзового века Закавказья, среди которых немало и зооморфных (так называемые вишапы — изваяния высотой до 2—2,5 м, иногда изображающие рыб, а иногда украшенные рельефными изображениями бычьих голов, змей, аистов или журавлей и т. д.)¹. Почти ничего общего нальчикские стелы не имеют и с менгирами Северо-Западного Кавказа². И, наконец, они существенно отличаются от каменных статуй раннежелезного века Северного Кавказа³, а тем более от найденных здесь же средневековых каменных «баб»⁴.

Среди памятников подобного рода, известных пока на территории Кавказа, единственным исключением является каменная антропоморфная стела, которая была найдена в кромлехе кургана конца III тыс. до н. э., раскопанного в 1969 г. Ф. М. Мурадовой и Д. Н. Рустамовым

¹ Н. Я. Марр и Я. И. Смирнов. Вишапы. ТГАИМК, т. 1. Л., 1931; Б. Б. Пиотровский. Вишапы. Л., 1939; Л. М. Меликсет-Беков. Вишапы и вишапоиды Грузии. КСИИМК, вып. XV. 1947, стр. 27—37; В. С. Сорокин. Древние идолы города Тейшебани. ИАН Арм. ССР, вып. 5. Ереван, 1951, стр. 72—82; его же. Следы древнейшего населения у Кармир-Блур. СА. 1958, № 2, стр. 155—156; А. А. Мартиросян. Город Тейшебани (по раскопкам 1947—1958 гг.). Ереван, 1961, стр. 69—84, рис. 31—36; Б. А. Аракелян, Н. Г. Арутюнян. Урартская клинообразная надпись из Гарни. «Историко-филологический журнал», № 2. Ереван, 1966, стр. 290—297; А. Сихарулидзе. Некоторые новые данные о гегамских вишапах. «Исторический сборник АН Груз. ССР», т. 2. Тбилиси, 1970, стр. 515—516, табл. XIX—XX. (На груз. яз.)

² Е. Д. Фелицын. Западно-Кавказские дольмены. МАК, вып. IX. М., 1904, табл. XVII.

³ В. И. Марковин, Р. М. Мунчаев. Каменные изваяния из Чечено-Ингушетии. СА, 1964, № 1, стр. 158—164.

⁴ В. В. Латышев. Кавказские памятники в Москве. ЗРАО, т. 2. СПб., 1887, стр. 44—47; В. М. Сысоев. Археологические экскурсии по Закубанью. МАК, вып. IX. М., 1904, стр. 164, рис. 70; Т. М. Минаева. Археологические памятники на р. Гиляч, в верховьях Кубани. МИА, № 23. М.—Л., 1951, рис. 4; Г. А. Федоров-Давыдов. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966, стр. 166—193, рис. 25—29.

в Кобыстане (Азербайджан)⁵. Эта статуя стояла в несколько наклонном положении, но, вероятно, первоначально была установлена вертикально. От антропоморфных плит Нальчикской гробницы она отличается лишь более приземистыми формами: общая длина ее — около 140 см, максимальная ширина — 90 см и толщина — 40 см. Зато, так же как и у нальчикских стел II, IV и VII, «голова» у кобыстанской статуи представляет полукруглый выступ шириной до 50 см, который, равномерно расширяясь книзу, плавно соединяется с довольно четко выраженными плечами.

Итак, если не считать единственной стелы из Кобыстана, то прямых аналогий антропоморфным плитам нальчикской гробницы пока не имеется ни в Закавказье, ни на Северном Кавказе⁶. С какими же памятниками их следует сравнивать?

К настоящему времени в Северном Причерноморье и в Крыму известны десятки стел эпохи ранней бронзы, заметно отличающихся друг от друга по размерам и формам, но все же относящихся к единому кругу памятников подобного рода⁷. Большинство их покрывало погребения ямной и так называемой кеми-обинской культур, значительная часть найдена случайно, а некоторые сохранились в насыпи курганов названных же культур⁸.

Многие из этих стел, особенно из числа отличающихся более совершенными и сложными формами, сближаются с монументальными изваяниями энеолита и ранней бронзы южных областей Центральной и Западной Европы — Болгарии (Езерова, Плачидол), Румынии (Гаманджия, Герл, Байа де Криш), Италии (Багноло) и особенно Франции (Гар, Авейрон, Тарн, Брагассарг и др.)⁹. В отдельных случаях причерно-

⁵ Ф. М. Мурадова, Д. Н. Рустамов. Доклад на Всесоюзной археолого-этнографической сессии в г. Львове, посвященной итогам полевых исследований 1969 г. Пользуясь случаем поблагодарить названных исследователей, более подробно ознакомивших меня впоследствии с особенностями кобыстанской стелы.

⁶ Правда, в последние годы в Дагестане найдены две каменные стелы, которые, возможно, также относятся к эпохе бронзы. Но, по словам В. И. Марковина и В. Г. Котовича, они не могут быть включены в круг памятников типа нальчикских стел. То же самое можно сказать и об единственной каменной статуе, обнаруженной В. И. Марковиным среди разрушенных дольменов бассейна р. Кизинки: по форме и изображению она также не имеет почти ничего общего со стелами Нальчикской гробницы (см.: В. И. Марковин. Составные дольмены с ложным сводом на Западном Кавказе. КСИА, вып. 134. 1973, стр. 36, 40, рис. 76).

⁷ А. А. Щепинский. Новая антропоморфная стела эпохи бронзы в Крыму. СА, 1958, № 2, стр. 145—147; *его же*. Памятники искусства эпохи раннего металла в Крыму. СА, 1963, № 3, стр. 38—47; Т. Д. Златковская. К вопросу об этнокультурных связях племен южнорусских степей и Балканского полуострова в эпоху бронзы. СЭ, 1963, № 1, стр. 79—88; А. М. Лесков. Указ. соч., стр. 6; А. А. Формозов. О древнейших антропоморфных стелах..., стр. 177—181; *его же*. Памятники первобытного искусства. М., 1969, стр. 88—105; *его же*. Очерки по первобытному искусству, стр. 150—189; А. Häusler. Anthropomorphe Stelen des Eneolithikums im nordpontischen Raum. «Wissenschaftliche Zeitschrift der Martin Luther Universität», Halle-Wittenberg, Gesellschafts und Sprachwissenschaftliche Reihe, Bd. XV, Heft 1, 1966, s. 29—73.

⁸ Т. Д. Златковская. Указ. соч., стр. 79; А. А. Формозов. О древнейших антропоморфных стелах..., стр. 178—179; *его же*. Очерки по первобытному искусству, стр. 172—179.

⁹ См., например: П. Куриний. Білогрудівські кам'яні стели. «Записки Всеукраїнського археологічного комітету», т. 1. Київ, 1931, стр. 208—218; А. А. Формозов. Образ человека в памятниках первобытного искусства..., стр. 111; *его же*. О древнейших антропоморфных стелах..., стр. 180—181; *его же*. Очерки по первобытному искусству, стр. 180—189, 204, рис. 63; А. Häusler. Die Felzeichnungen der Kamennaja Mogila und megalitische Einflüsse un Südrussland. «Wissenschaftliche Zeitschrift der Martin Luther Universität», Halle-Wittenberg, Bd. VII, Heft 2, 1958, s. 497—509; J. Landau. Quelques problèmes poses par l'étude des sculptures funéraires et des statues francaises a la fin du neolithique. «Bulletin du Musée d' Anthropologie préhistorique de Monaco», Fascicule, № 12, 1965, стр. 207—217.

морские стелы находят возможным сравнивать и с соответствующими памятниками Передней Азии (Троя I, Алалах, Тель-Рифат) ¹⁰.

Такие каменные изваяния из Северного Причерноморья и Крыма А. А. Щепинский делит в основном на два типа. Первый тип представлен самыми примитивными стелами-плитами с миндалевидными или полукруглыми выступами, обозначающими голову; во второй тип выделены более сложные и совершенные антропоморфные изваяния, у которых зачастую изображены черты лица и руки, в отдельных случаях отмечены ребра, лопатки, на женских стелах — груди, а также выгравированы пояса, посохи, оружие и т. д. ¹¹.

Почти по такому же принципу Т. Д. Златковская делит стелы Северного Причерноморья на три хронологические группы: в первую, наиболее древнюю, группу выделены самые примитивные стелы, во вторую — более сложные, а в третью — наиболее совершенные и сложные изваяния ¹².

Представляется очевидным, что антропоморфные плиты Нальчикской гробницы наибольшее сходство проявляют с самыми примитивными причерноморскими стелами, выделенными А. А. Щепинским «в очень архаичный» первый тип, а Т. Д. Златковской — в первую хронологическую группу.

Весьма дробную классификацию причерноморских стел предлагает А. А. Формозов. По его мнению, все эти изваяния, начиная от самых примитивных и кончая наиболее сложными, «можно выстроить в один прямой эволюционный ряд», который в одном варианте классификации состоит из одиннадцати последовательно видоизменявшихся типов таких памятников ¹³, а в другом варианте — из семи типов ¹⁴. В их числе наибольший интерес для нас представляют первые два типа стел, стоящие в самом начале этого эволюционного ряда: 1) отесанные плиты миндалевидных очертаний без выступа, обозначающего голову, но как бы с намеченными плечами (например, стелы из г. Никополя, Преслава, Каушаны и Астанино); 2) плиты с выступом-«головой», но с необозначенными чертами лица и других частей тела (Белозерка, Первомаевка, Каланчак, Одесса, Мамайский курган, Новоемельяновка, Чокурча, Новофилипповка, Широкое, Глубокое, Гороховка, Чернобаевка, Балцаты, Новый Водопои и др.) ¹⁵. Именно с этими наиболее примитивными каменными изваяниями первых двух рядов и сближаются в той или иной степени антропоморфные стелы Нальчикской гробницы. Нальчикские плиты № 24 и V могут быть отнесены с некоторыми оговорками к кругу памятников первого ряда, а плиты № 18, II, IV и VI — ко второму ряду.

В то же время тщательная обработка поверхности и завершенность форм всех стел Нальчикской гробницы, а также характер выгравированных узоров на некоторых из них и рельефное изображение женских грудей на антропоморфной плите VII позволяют в какой-то мере сблизить эти памятники и с более совершенными и сложными каменными статуями Причерноморья и Западной Европы.

Так, например, нальчикскую антропоморфную плиту VII можно сравнить со стелой из Тиритаки в Крыму, на которой также изображены женские груди. Эта стела занимает в эволюционном ряду по

¹⁰ Цит.: Т. Д. Златковская. По поводу письма А. А. Формозова «О древнейших антропоморфных стелах Северного Причерноморья». СЭ, 1965, № 6, стр. 182; А. М. Лесков. Указ соч., стр. 7.

¹¹ А. А. Щепинский. Новая антропоморфная стела..., стр. 145—146.

¹² Т. Д. Златковская. О связях племен южнорусских степей..., стр. 81—84.

¹³ А. А. Формозов. О древнейших антропоморфных стелах..., стр. 179.

¹⁴ А. А. Формозов. Очерки по первобытному искусству, стр. 179.

¹⁵ Там же, стр. 173, 179, рис. 62 (1—3).

классификации А. А. Формозова четвертое место¹⁶. В то же время, тиритакская стела заметно отличается от нальчикской тем, что на ней выгравированы руки и черты лица¹⁷. В Крыму же, у г. Евпатории, найдена другая антропоморфная стела, у которой, как и на нальчикской плите VII, «двумя крупными, но сглаженными выступами как бы изображена женская грудь»¹⁸. Для обеих сопоставляемых стел характерно и то, что на них совершенно не обозначены черты лица, руки или какие-либо иные детали. Но в отличие от нальчикской плиты VII поверхность стелы из Евпатории обработана слабо и весьма грубо¹⁹.

Желобковые узоры на нальчикской антропоморфной стеле II, идущие наклонно от ее плеч к средней части груди, напоминают имитацию ребер на изваянии из Новочеркасского музея (Ростовская обл.). В известной мере у обоих памятников совпадают также приемы изображения головы и плеч; сближаются они между собой и тем, что у них не отмечены черты лица²⁰. Однако, в отличие от нальчикской стелы, на новочеркасской статуе выгравированы руки, пояс и посох; поэтому в эволюционном ряду классификации А. А. Формозова она занимает седьмое место, т. е. включена в число наиболее совершенных и сложных каменных изваяний²¹. Почти то же самое можно сказать и о стеле из Белогрудовки (Украина), занимающей в этом же эволюционном ряду пятое место; на ней, как и на нальчикской плите II, обозначены ребра, но, кроме того, выгравированы черты лица и руки²². Несомненно, к весьма сложному и совершенному типу памятников рассматриваемого вида относится и антропоморфная стела, найденная А. А. Щепинским в 1968 г. на р. Каче в Крыму; кроме имитации ребер, что сближает ее с нальчикской стелой II, у нее изображены черты лица, руки, пояс с заткнутым за него топором, лук и колчан²³. Орнамент плиты II из Нальчикской гробницы напоминает гравированные узоры на груди одной из относительно примитивных стел с территории Франции (Брагассарг), у которой не выделены плечи и голова, но обозначены черты лица²⁴. Статуя с изображением ребер найдена и в Италии (Багноло)²⁵.

Что же касается орнамента на лицевой части нальчикской стелы № 18, напоминающего татуировку или маску, то ничего похожего в памятниках Кавказа и европейской территории СССР пока еще не обнаружено. Можно лишь отметить, что изображения масок или татуировки, но совершенно иного рисунка, известны на лицах монументальных каменных идолов эпохи бронзы Минусинской котловины в Сибири, а также на отдельных древних статуях Франции²⁶.

И, наконец, узоры в виде изображения дерева на нальчикской стеле № 24 в какой-то мере напоминают орнамент на плите каменного ящика, раскопанного в 1968 г. в кургане эпохи ранней бронзы у с. Старогорожено, на р. Ингуле (Николаевская область); причем желобковые линии на этой старогороженской плите были заполнены красной краской²⁷. Схематическое изображение дерева, выгравированное

¹⁶ А. А. Формозов. Очерки по первобытному искусству, стр. 173, 179, рис. 62 (6).

¹⁷ Там же; А. А. Щепинский. Памятники искусства..., стр. 45, рис. 4 (7).

¹⁸ А. А. Щепинский. Там же, стр. 44, рис. 4 (2).

¹⁹ Там же.

²⁰ А. А. Формозов. Очерки по первобытному искусству, стр. 173, 179, рис. 63 (1).

²¹ Там же.

²² Там же, стр. 179.

²³ Там же, стр. 189.

²⁴ J. Landau. Quelques problemes..., стр. 213, рис. 2 (1).

²⁵ Цит.: А. А. Формозов. Очерки по первобытному искусству, стр. 204.

²⁶ Там же, стр. 193—204, рис. 66—67.

²⁷ О. Г. Шапошникова. Сообщение на Всесоюзной археолого-этнографической сессии в г. Львове, посвященной итогам полевых исследований 1969 г.

на стене подкурганного каменного ящика эпохи бронзы, известно и из Крыма²⁸.

Уже указывалось, что стелы Нальчикской гробницы характеризуются весьма тщательной обработкой поверхности, завершенностью форм и тем, что лицевые стороны у них плоские. Вполне допустимо, что первоначально на этих стелах черты лица, рук и другие детали могли быть изображены краской, которая полностью стерлась при вторичном использовании плит для сооружения гробницы. В связи с этим напомним вполне правомерное суждение А. А. Формозова, что «на причерноморских стелах без гравировки черты лица и другие детали могли быть нанесены краской» подобно тому, как это имело место на сибирских идолах эпохи бронзы²⁹. Нет никаких оснований считать подобные предположения не приемлемыми и для нальчикских стел.

Однако, несмотря на отмеченные признаки сходства, нальчикские стелы заметно отличаются от каменных изваяний Причерноморья более стройными пропорциями, более четкими и строгими очертаниями форм и более крупными размерами. Напомним, что длина перекрывающих плит Нальчикской гробницы составляет от 365 до 422 см. А максимальная длина причерноморских антропоморфных изваяний, судя по имеющимся в литературе сведениям, не превышала 2,5 м³⁰.

При таких различиях между причерноморскими и нальчикскими антропоморфными стелами имеющиеся черты сходства между ними можно было бы считать случайными, если бы они не подкреплялись особенностями орнамента остальных плит гробницы.

Так, геометрические узоры на лицевой стороне Нальчикской плиты № 7 в значительной мере напоминают вписанные ромбы, которые выгравированы на плитах № 18, 20 и 22, обнаруженных в кромлехе кургана ямной культуры у с. Вербовка на Украине³¹. Следует отметить, что изображение на плитах Вербовского кургана А. А. Формозов находит возможным сравнивать с орнаментом на отдельных дольменах эпохи бронзы Северо-Западного Кавказа (Шапсугская, Жанэ, Геленджик)³². Кроме того, эти же узоры нальчикской стелы № 7 обнаруживают явные черты сходства с изображениями на обломке гранита, который найден в 1965 г. у г. Черкассы на Украине; на этом обломке выгравирован квадрат, разделенный крестом на четыре равных поля, в которые вписаны геометрические фигуры — углы, ромбы, треугольники³³. Узоры в виде вписанных ромбов выгравированы и на отдельных камнях, из которых сооружались погребальные камеры в Триалетских курганах (Грузия), раскопанных в последние годы³⁴. И, наконец, орнамент на лицевой стороне нальчикской плиты № 7 довольно отчетливо напоминает черно-красную роспись на стенах подкурганного каменного ящика кеми-обинской культуры в Крыму (с. Дуванкой, Украинка, Белогорск, Чокурча и др.)³⁵. В Крыму же обнаружены ящики с росписью в виде ромбов в сочетании с треугольниками (с. Кояш), а также в виде одних вписанных ромбов или квадратов (г. Бахчисарай)³⁶.

С геометрическими изображениями на камнях этих же погребальных памятников Северного Причерноморья и Крыма можно сблизить и

²⁸ А. М. Лесков. Указ. соч., стр. 3—4.

²⁹ А. А. Формозов. Очерки по первобытному искусству, стр. 179.

³⁰ Там же, стр. 186; А. А. Шепинский. Новая антропоморфная стела..., стр. 145, рис. 3—4.

³¹ А. А. Формозов. Изображения на плитах кромлеха из кургана у с. Вербовка. КСИА АН УССР, вып. 5. 1955, стр. 72—73, рис. 3—4.

³² А. А. Формозов. Очерки по первобытному искусству, стр. 157—158.

³³ Там же, стр. 156 и 161, рис. 56 (2).

³⁴ О. М. Джапаридзе. Археологические раскопки в Триалети. Тбилиси, 1969, табл. XXVIII—XXXII, рис. 66—73. (На груз. яз.)

³⁵ А. А. Шепинский. Памятники искусства..., стр. 40, рис. 2.

³⁶ Там же, стр. 40—41, рис. 4 (16).

гравированный орнамент в виде ромба или квадрата, который частично сохранился на одном из обломков стелы, найденном в насыпи Нальчикского кургана (рис. 23, 8).

Орнамент из диагонально-пересекающихся линий на оборотной стороне нальчикской плиты № 7 проявляет определенное сходство с расписными полосами «в косую клетку» на ящике из кургана у г. Симферополя³⁷, а также со знаками в виде решеток, выгравированных на скале у ст. Самурской в Прикубанье³⁸.

Косой крест на оборотной стороне плиты № 14 из Нальчикской гробницы аналогичен нарезному кресту, выгравированному на каменном ящике из кургана у с. Баратовка (Северное Причерноморье)³⁹ и росписи на стене ящика у с. Ново-Софиевка (Крым)⁴⁰.

Орнамент на лицевой стороне нальчикской стелы № 11, который состоит из семи пар наклонных линий, образующих в середине плиты округлые углы, можно сравнивать с изображением ребер на новочеркасской стеле⁴¹, а также с орнаментом на изваянии из Брагассарга во Франции⁴².

Для узоров в виде одного или двух-трех углов, выгравированных на плитах № 5, 10 и 14 изучаемой гробницы (рис. 23, 3, 6, 7), мне не удалось подобрать прямых аналогий. Но все же можно отметить, что в какой-то мере они сближаются с отдельными деталями орнамента, выгравированного в камере малого Геленджикского дольмена (Северо-Западный Кавказ)⁴³, а также с черными расписными полосами, которые обнаружены в одном из подкурганых каменных ящиков близ г. Симферополя⁴⁴. Впрочем, необходимо обратить внимание и на то, что в росписях каменных ящиков кеми-обинской культуры Крыма преобладает орнамент из черных и красных полос, также идущих «от краев плит углами, вершины которых направлены к центру» (Украинка, Азиз-оба, Чокурча и др.)⁴⁵.

Таким образом, несмотря на определенное своеобразие, узоры на стелах Нальчикской гробницы обнаруживают гораздо больше черт сходства с изображениями на камнях погребальных памятников эпохи ранней бронзы Северного Причерноморья и Крыма, чем с орнаментом дольменов соседнего Северо-Западного Кавказа, хотя по технике орнаментации (гравировка) они явно отличаются от черно-красных росписей на ящиках кеми-обинской культуры. Такое заключение находится в прямом соответствии с вышеизложенным выводом о заметной близости нальчикских антропоморфных стел с каменными изваяниями этой же эпохи южной части Восточной Европы.

Для чего же первоначально предназначались нальчикские стелы? И где они стояли до вторичного использования их как строительного материала при сооружении гробницы?

Пока еще трудно решить эти вопросы. Но, опираясь на отдельные факты и аналогии, можно высказать некоторые соображения.

Как отмечалось, каменные изваяния Северного Причерноморья и Крыма, в большинстве случаев покрывавшие погребения ямной и ке-

³⁷ А. А. Щепинский. Памятники искусства..., стр. 41.

³⁸ В. М. Сысоев. Указ. соч., стр. 123, табл. XVII.

³⁹ Н. Г. Елагина, В. Г. Петренко. Раскопки курганов на Ингульце. АО 1968 г. М., 1969, стр. 252.

⁴⁰ «Известия Таврической ученой архивной комиссии» (протоколы заседаний), вып. 49, 1913, стр. 253—255; А. А. Щепинский. Памятники искусства..., стр. 41, рис. 4 (17).

⁴¹ А. А. Формозов. Очерки по первобытному искусству, стр. 173 и 179, рис. 63 (1).

⁴² J. Landau. Quelques problemes..., стр. 213, рис. 2 (1).

⁴³ А. Лещенко. Матеріали до орнаментики дольменів на північно-західному Кавказі. «Антропологія», т. IV. Київ, 1931, стр. 244—246, рис. 4, 7.

⁴⁴ А. А. Щепинский. Памятники искусства..., стр. 40—41, рис. 3.

⁴⁵ Там же, стр. 40.

ми-обинской культур, были использованы при этом также вторично: первоначально же «все они возвышались над насыпями курганов»⁴⁶. На это указывают внешние особенности самих стел: как и у нальчик-ских плит, нижние концы многих из них, в отличие от остальной части поверхности, небрежно обработаны, в меньшей степени подверглись выветриванию, совершенно не имеют каких-либо изображений и зачастую заострены. Об этом же свидетельствует и тот факт, что некоторые изваяния сохранились в насыпях курганов ямной культуры⁴⁷.

Весьма примечательны и условия обнаружения причерноморских статуй. В одних случаях погребения ямной и кеми-обинской культур были покрыты одной, двумя и тремя стелами, в других случаях могилы перекрывались не только такими же изваяниями, но и несколькими крупными необработанными камнями; причем в особенностях расположения этих статуй в погребальных ямах не прослеживается какой-нибудь определенной последовательности⁴⁸.

В тех причерноморских могилах со стелами, где удалось определить возраст погребенных, приблизительно третья часть оказалась детскими захоронениями. Кроме того, следует иметь в виду, что количество погребений со стелами, по отношению к общему числу уже известных могил ямной и кеми-обинской культур, весьма незначительно⁴⁹. И, наконец, если сравнивать могилы со стелами и без них, то существенных различий в количестве и в качестве погребального инвентаря таких захоронений как будто бы не прослеживается.

Весь этот разнородный и почти полное отсутствие каких-либо закономерностей распространения причерноморских стел в могильных сооружениях ямной и кеми-обинской культур не только лишний раз подтверждает правомерность суждений о том, что в эти могилы изваяния попадали вторично, но и наглядно указывает на отсутствие сколько-нибудь устойчивого погребального ритуала, непосредственно связанного с их повторным использованием⁵⁰. Следует предполагать, что, как и при сооружении Нальчикской гробницы, при вторичном использовании причерноморских стел в конструкции той или иной могилы эпохи бронзы, ими прежде всего интересовались как доступным и удобным строительным материалом, который находился поблизости на насыпях курганов предшествующего времени.

Правда, при этом полностью не исключается возможность того, что повторно используемые стелы могли еще в известной мере оставаться «предметом поклонения» как у племен-носителей ямной и кеми-обинской культур, так и у более поздних обитателей южной части Восточной Европы⁵¹. Но при всех случаях кажется несомненным то, что по сравнению с первоначальным периодом распространения стел функции этих изваяний, а следовательно, и связанные с ними идеологические представления племен эпохи ранней бронзы данной территории стали заметно изменяться и даже отмирать. Именно такие изменения и нашли свое отражение в том, что причерноморские стелы, первоначально устанавливавшиеся в вертикальном положении на насыпях курганов ямной культуры, более поздние представители этой же культуры теперь уже использовали для закладки своих могил.

По мнению А. А. Формозова, «древнейшие каменные бабы в грубой форме запечатлели черты умерших сородичей», и причем лишь только выдающихся среди них — вождей, старейшин⁵². Основными ар-

⁴⁶ А. А. Формозов. Очерки по первобытному искусству, стр. 178 и сл.

⁴⁷ Там же, стр. 173—179.

⁴⁸ Там же; Н. Г. Елагина, В. Г. Петренко. Указ. соч, стр. 252.

⁴⁹ А. А. Формозов. Очерки по первобытному искусству, стр. 178.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Там же, стр. 188—189.

⁵² Там же, стр. 186—188.

гументами для подтверждения такого вывода послужили: во-первых, то обстоятельство, что общее число таких изваяний, известных к настоящему времени в Северном Причерноморье, по отношению ко всем курганам ямной культуры на данной же территории весьма незначительно; во-вторых, тот факт, что на пяти из них выгравированы знаки власти — пояс (Казанки), булава и пояс (Натальевка), пояс и пастушья палка (Новочеркасск), пояс и декоративный топорик (Бахчисарайский эфирсовхоз и Чобручи)⁵³.

В целом нет особых оснований сомневаться в том, что древнейшие причерноморские изваяния, как, впрочем, и нальчикские антропоморфные стелы, были одной из наиболее ранних попыток воплотить в монументальной каменной скульптуре именно образ человека. Однако вывод о том, что все они являются якобы изображениями лишь выдающихся членов рода — «вождей и старейшин», представляется пока недостаточно убедительным. В частности, безоговорочному признанию такого положения в значительной мере препятствует то обстоятельство, что среди многих десятков стел рассматриваемого круга на территории СССР, включая в их число и нальчикские, знаки власти, как указывалось, выгравированы всего лишь на пяти причерноморских изваяниях. На большинстве же подобных статуй не только не имеется этих знаков, но и вообще не изображены какие-либо иные детали; зачастую у них не отмечены черты лица, руки, ребра и даже не всегда четко обозначены голова и плечи. К тому же весьма сомнительно, чтобы вождей или старейшин в патриархальном обществе стали бы изображать в виде монументальных женских статуй, каковыми являются стелы из Тиритаки и Евпатории или антропоморфная плита VII из Нальчикской гробницы. Трудно себе представить также образ вождя и в виде трехголового идола — типа, найденного, например, в 1969 г. при раскопках кургана ямного времени близ с. Лупарево у Бугского лимана⁵⁴.

Правда, типологические различия между причерноморскими стелами в известной мере могут быть и следствием их эволюции в течение продолжительного времени⁵⁵. Но все же такое многообразие форм и весьма существенные отличительные особенности между ними, на мой взгляд, главным образом объясняются тем, что они изготовлялись не только в честь отдельных вождей и старейшин, но и для более широкого круга людей, которые заметно различались между собой по возложенным на них функциям и по занимаемому в жизни коллектива положению. К числу таких лиц могли относиться и жрецы, «посредничавшие» между тайными силами природы и своими сородичами, и наиболее удачливые охотники, и прославившиеся при защите интересов племени воины, и опытные гончары, и мастера, познавшие тайны металлургии и металлообработки.

Правомерность такого предположения не может быть исключена тем фактом, что число известных к настоящему времени причерноморских стел относительно невелико по сравнению с общим количеством курганов ямной культуры, расположенных на соответствующей же территории. Наоборот, показалось бы весьма удивительным, если бы не было такого явного численного разрыва между теми и другими: ведь следует иметь в виду, что эти древнейшие каменные изваяния, стоявшие открыто на курганных насыпях, представляли собой легко доступный и удобный строительный материал для вторичного исполь-

⁵³ А. А. *Формозов*. Очерки по первобытному искусству, стр. 187.

⁵⁴ Н. Г. *Елагина*, В. Г. *Петренко*. Раскопки курганов на Бугском лимане. АО 1969 г. М., 1970, стр. 234—235.

⁵⁵ А. А. *Щепянский*. Новая антропоморфная стела..., стр. 145—146; Т. Д. *Златковская*. К вопросу об этнокультурных связях..., стр. 81—87; А. А. *Формозов*. Очерки по первобытному искусству, стр. 183—184.

зования в конструкции могил ямной и кеми-обинской культур той же эпохи; кроме того, они постоянно уничтожались и терялись при различных обстоятельствах на протяжении последующих 4000—3500 лет. Так, например, некоторые стелы ямного времени (Михайловское, Белогрудовка, Тиритаки и др.), снятые прямо с насыпи курганов, были использованы повторно и в более позднее время; в частности, предполагается, что пять изваяний, обнаруженных вблизи скифского поселения у Белогрудовки, были преднамеренно зарыты здесь обитателями этого же района уже в раннежелезном веке⁵⁶.

Подобные факты, наряду с довольно быстрым увеличением из года в год числа вновь найденных стел раннебронзового века Северного Причерноморья и Крыма, явно указывают на то, что здесь они имели весьма интенсивное распространение. По всей вероятности, таких изваяний на данной территории в свое время было во много раз больше, чем об этом можно судить по их количеству, фактически известному к настоящему времени. Во всяком случае, нельзя быть уверенным в том, что численный разрыв между общим количеством причерноморских стел и возвышавшимися здесь же курганами ямной культуры, был в древности слишком значительным. Следовательно, нет и достаточных оснований полагать, что такие каменные изваяния изготовлялись лишь в честь ограниченного круга людей в коллективе — вождей и старейшин. Это заключение в полной мере может быть отнесено и к нальчикским стелам.

Однако, используя все эти сведения и суждения для решения вопросов, связанных с первоначальным местонахождением и предназначением стел Нальчикской гробницы, необходимо иметь в виду, что, в отличие от каменных статуй Северного Причерноморья и Крыма, они появились и бытовали в иной этнокультурной и географической среде. К тому же не следует забывать о специфических особенностях форм и размеров этих памятников, а также об условиях их обнаружения.

В этой связи особого внимания заслуживает тот факт, что нальчикские стелы, составляющие почти третью часть всех известных пока изваяний раннебронзового века Восточной Европы, найдены в одном и том же месте, при раскопках одного и того же памятника. Вполне допустимо, что до вторичного использования их при сооружении гробницы они стояли на незначительном расстоянии друг от друга, возможно, даже на одном определенном участке.

Исходя из этих соображений, можно предполагать, что в отличие от причерноморских изваяний нальчикские стелы первоначально стояли не на курганах, а возвышались над отдельными грунтовыми погребениями какого-то родового кладбища, каким, например, является известный позднеэнеолитический могильник в г. Нальчике⁵⁷. Более того, не исключена возможность, что стелы для сооружения гробницы были взяты именно с этого грунтового могильника. Прежде всего, на такую мысль наводит то, что на его поверхности «имелись какие-то надмогильные знаки, которыми руководствовались при последних захоронениях»⁵⁸. И действительно, несмотря на одновременность и необычайную скученность погребений в каждой из основных групп Нальчикского могильника, во взаиморасположении их сохранялись определенная последовательность и порядок⁵⁹. Этому же предположению в значительной мере соответствует и то обстоятельство, что данный могильник располагался, как уже отмечалось, вблизи раскопанного

⁵⁶ А. А. Формозов. Там же, стр. 177 и 187.

⁵⁷ А. А. Круглов, Б. Б. Пиотровский, Г. В. Подгаецкий. Указ. соч., стр. 67—146.

⁵⁸ Там же, стр. 90.

⁵⁹ Там же.

нами кургана. Важно отметить также, что основные группы захоронений могильника предшествуют времени сооружения гробницы (см. ниже). Ко всему этому следует добавить, что имеющиеся поблизости мощные залежи вулканического туфа, из которого изготовлены нальчикские стелы, разрабатывались и населением, оставившим Нальчикский грунтовой могильник. Так, например, головы некоторых погребенных «разделялись положенными между ними валунами... вулканического туфа», а в числе находок здесь имеется туфовый же тёрочник для растирания красок⁶⁰.

Но если даже стелы для сооружения гробницы были собраны не с территории Нальчикского могильника, то все же предположение о их первоначальной связи именно с бескурганными грунтовыми погребениями остается наиболее вероятным. В связи с этим значительный интерес представляет одно из древних грунтовых захоронений, раскопанное в 1935 г. Е. И. Крупновым на территории обширного могильника у с. Галиат в Дигории (Северная Осетия)⁶¹. Погребенный, обнаруженный на глубине 60 см, лежал на спине, головой на юго-юго-запад; ноги его были сильно подогнуты, руки покоились у таза. Череп и кости ног покойника завалились вправо — это создавало впечатление, что он был захоронен в скорченном положении на правом боку. Но, судя по очень четкому фотоснимку, опубликованному Е. И. Крупновым, погребенный, несомненно, лежал на спине с подогнутыми ногами. По погребальному обряду и инвентарю (две медные височные подвески с несмыкающимися концами, медное же кованое колечко, крупный кобаний клык) данное захоронение сближается с некоторыми ранними погребениями Нальчикского могильника и датируется в пределах второй половины III тыс. до н. э.⁶²

Галиатская грунтовая могила нас интересует главным образом в связи с тем, что у изголовья покойника был установлен в вертикальном положении «каменный столб». К сожалению, от этой надгробной плиты сохранилось лишь врытое в землю «грубо обтесанное» основание четырехгранной формы, длина которого равнялась 55 см, а ширина сторон — от 13 до 19 см⁶³. Вследствие этого о всей ее полностью отбитой верхней части, выступавшей над уровнем могильной ямы, мы не имеем никакого представления. Можно лишь допустить, что от вкопанной в землю нижней части она отличалась более тщательной обработкой поверхности, несколько иными формами, наличием каких-нибудь узоров и т. д. Но для нас важно то, что над Галиатским захоронением возвышалась каменная надмогильная плита, возможно, стела. И думается, что в этом отношении данная могила не являлась единственным исключением среди погребальных памятников подобного же типа эпохи ранней бронзы Центрального Предкавказья.

Таковы основные факты и суждения, которые указывают на то, что до повторного использования при сооружении гробницы нальчикские стелы скорее всего могли стоять на бескурганых грунтовых могилах.

Хотя такое предположение о первоначальном назначении стел Нальчикской гробницы представляется наиболее вероятным, однако нельзя полностью отрицать и иной подход к решению данного вопроса. В частности, не исключена возможность, что плиты Нальчикской гробницы, как, например, и монументальные каменные изваяния эпохи

⁶⁰ А. П. Круглов, Б. Б. Пиотровский, Г. В. Подгаецкий. Указ соч., стр. 99 и 122, табл. X, 6.

⁶¹ Е. И. Крупнов. Материалы по археологии Северной Осетии докобанского периода. МИА, № 23. М.—Л., 1951, стр. 26—28, рис. 2.

⁶² Там же.

⁶³ Там же, стр. 26, рис. 2.

нами кургана. Важно отметить также, что основные группы захоронений могильника предшествуют времени сооружения гробницы (см. ниже). Ко всему этому следует добавить, что имеющиеся поблизости мощные залежи вулканического туфа, из которого изготовлены нальчикские стелы, разрабатывались и населением, оставившим Нальчикский грунтовой могильник. Так, например, головы некоторых погребенных «разделялись положенными между ними валунами... вулканического туфа», а в числе находок здесь имеется туфовый же тёрочник для растирания красок⁶⁰.

Но если даже стелы для сооружения гробницы были собраны не с территории Нальчикского могильника, то все же предположение о их первоначальной связи именно с бескурганными грунтовыми погребениями остается наиболее вероятным. В связи с этим значительный интерес представляет одно из древних грунтовых захоронений, раскопанное в 1935 г. Е. И. Крупновым на территории обширного могильника у с. Галиат в Дигории (Северная Осетия)⁶¹. Погребенный, обнаруженный на глубине 60 см, лежал на спине, головой на юго-юго-запад; ноги его были сильно подогнуты, руки покоились у таза. Череп и кости ног покойника завалились вправо — это создавало впечатление, что он был захоронен в скорченном положении на правом боку. Но, судя по очень четкому фотоснимку, опубликованному Е. И. Крупновым, погребенный, несомненно, лежал на спине с подогнутыми ногами. По погребальному обряду и инвентарю (две медные височные подвески с несмыкающимися концами, медное жекованое колечко, крупный кобанский клык) данное захоронение сближается с некоторыми ранними погребениями Нальчикского могильника и датируется в пределах второй половины III тыс. до н. э.⁶²

Галиатская грунтовая могила нас интересует главным образом в связи с тем, что у изголовья покойника был установлен в вертикальном положении «каменный столб». К сожалению, от этой надгробной плиты сохранилось лишь врытое в землю «грубо обтесанное» основание четырехгранной формы, длина которого равнялась 55 см, а ширина сторон — от 13 до 19 см⁶³. Вследствие этого о всей ее полностью отбитой верхней части, выступавшей над уровнем могильной ямы, мы не имеем никакого представления. Можно лишь допустить, что от вкопанной в землю нижней части она отличалась более тщательной обработкой поверхности, несколько иными формами, наличием каких-нибудь узоров и т. д. Но для нас важно то, что над Галиатским захоронением возвышалась каменная надмогильная плита, возможно, стела. И думается, что в этом отношении данная могила не являлась единственным исключением среди погребальных памятников подобного же типа эпохи ранней бронзы Центрального Предкавказья.

Таковы основные факты и суждения, которые указывают на то, что до повторного использования при сооружении гробницы нальчикские стелы скорее всего могли стоять на бескурганых грунтовых могилах.

Хотя такое предположение о первоначальном назначении стел Нальчикской гробницы представляется наиболее вероятным, однако нельзя полностью отрицать и иной подход к решению данного вопроса. В частности, не исключена возможность, что плиты Нальчикской гробницы, как, например, и монументальные каменные изваяния эпохи

⁶⁰ А. П. Круглов, Б. Б. Пиотровский, Г. В. Подгаецкий. Указ соч., стр. 99 и 122, табл. X, 6.

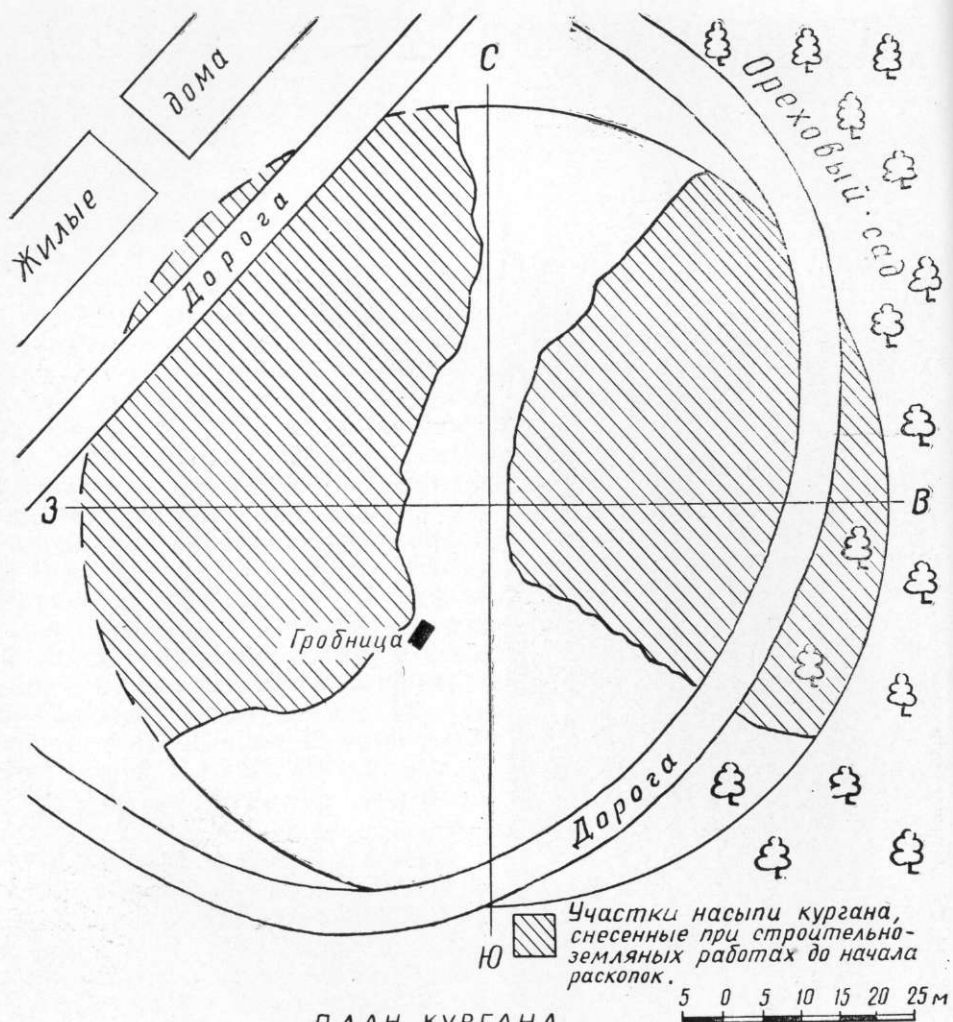
⁶¹ Е. И. Крупнов. Материалы по археологии Северной Осетии докобанского периода. МИА, № 23. М.—Л., 1951, стр. 26—28, рис. 2.

⁶² Там же.

⁶³ Там же, стр. 26, рис. 2.

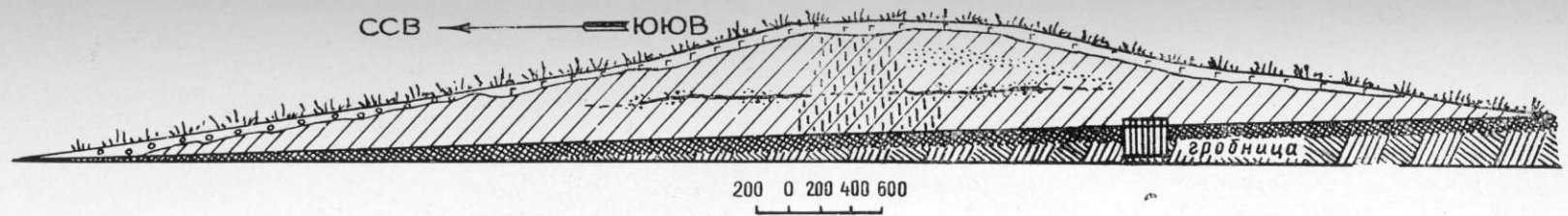

Рис. 1. Общий вид кургана с юга

ПЛАН КУРГАНА

Рис. 2

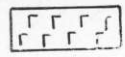
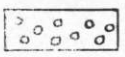
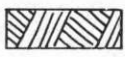
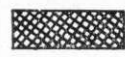
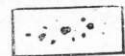
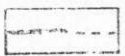
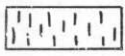
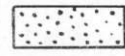
Гумус	Строительный мусор	Материк	Древняя погребенная почва
Древесный уголь	Утрамбованная площадка	Следы грабительской ямы (?)	Гуммированная прослойка серого цвета

Рис. 3. Разрез кургана

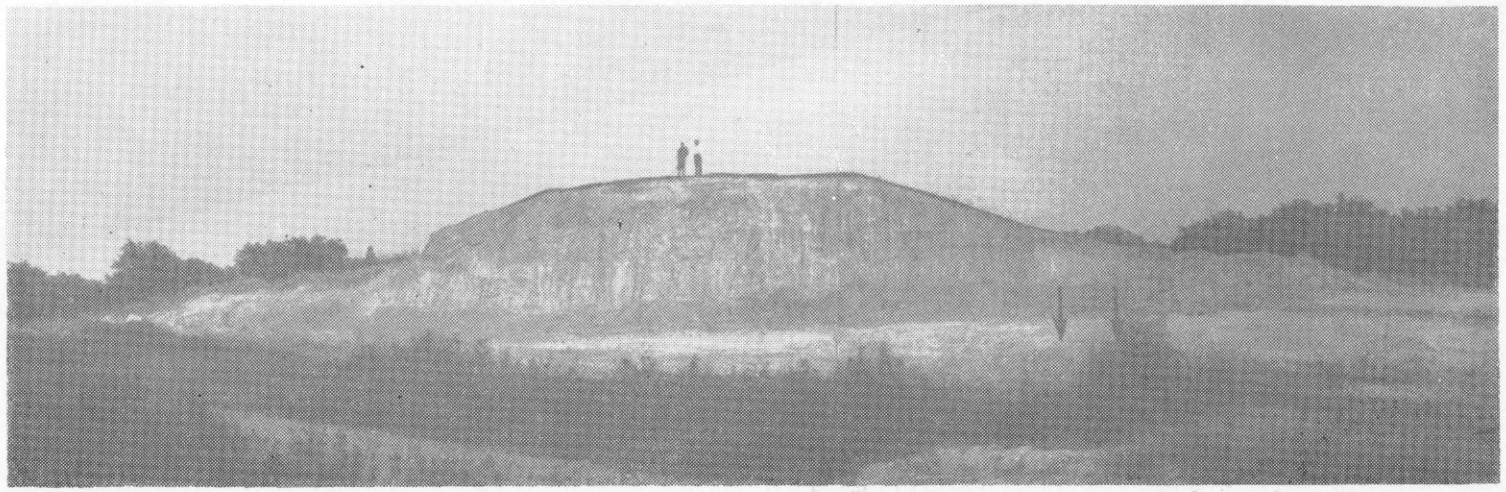

Рис. 4. Профиль кургана; вид с запада (стрелками обозначено место обнаружения гробницы)

Рис. 5. Общий вид гробницы с вершины кургана до расчистки от обломков перекрывающих плит

Рис. 6. Юго-западная часть гробницы; вид с северо-запада (справа — обломки перекрывающих плит V и VI)

Рис. 7. Вид с востока на юго-восточную часть гробницы; слева — выкладка из галечника

Рис. 8. Вид курганной насыпи и гробницы с северо-запада

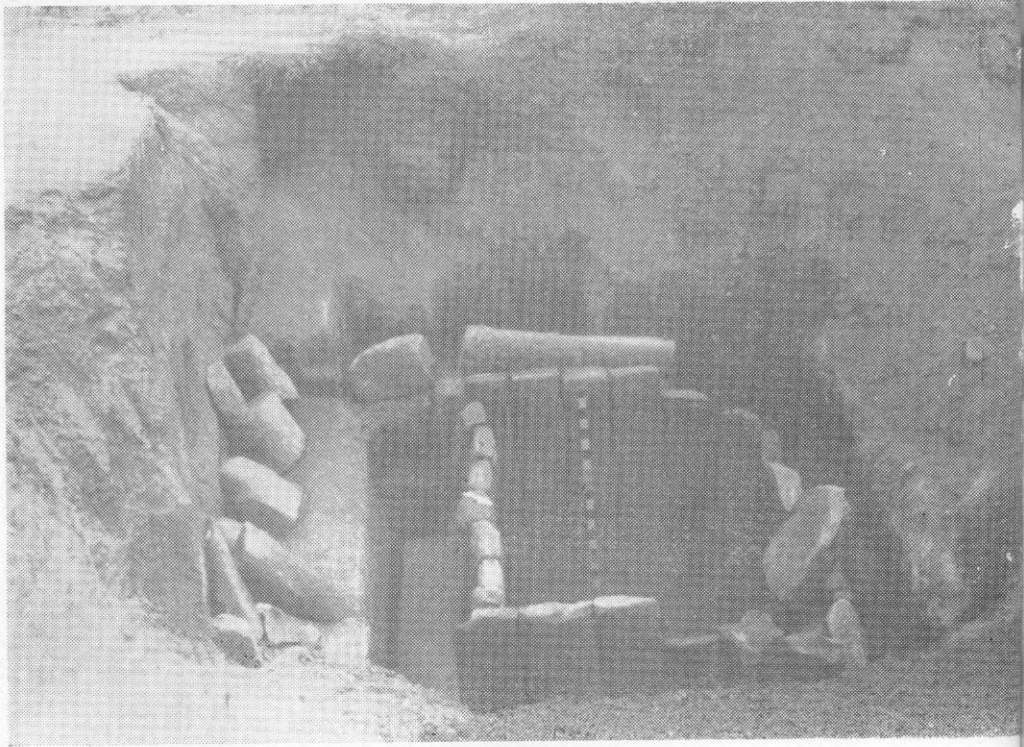

Рис. 9. Общий вид гробницы с вершины кургана после расчистки

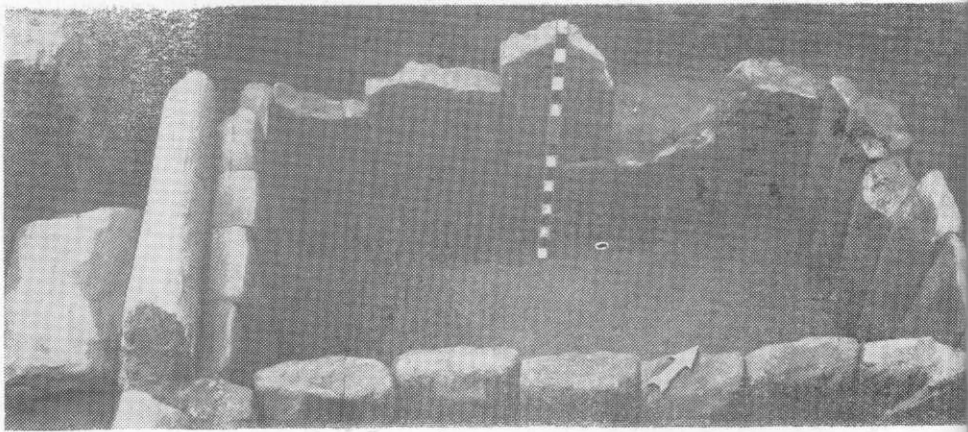

Рис. 10. Вид гробницы с юго-востока; на переднем плане (справа налево) — узоры плит № 7 и 10

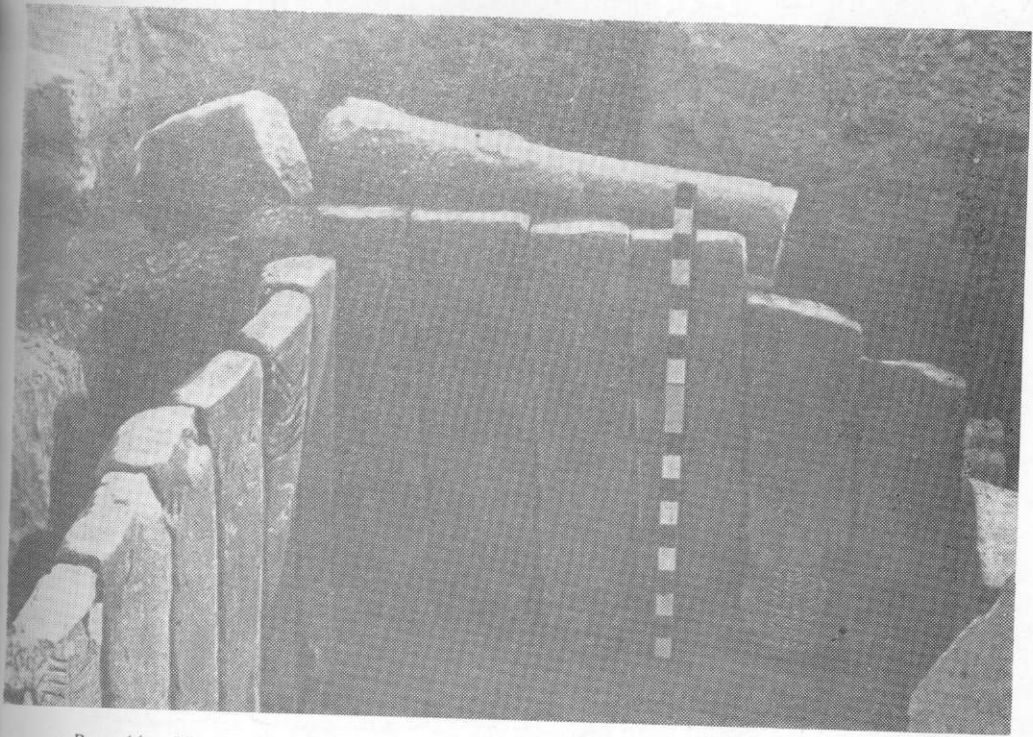

Рис. 11. Юго-западная часть гробницы; справа антропоморфная стела № 18, установленная в стене погребальной камеры вниз «головой»

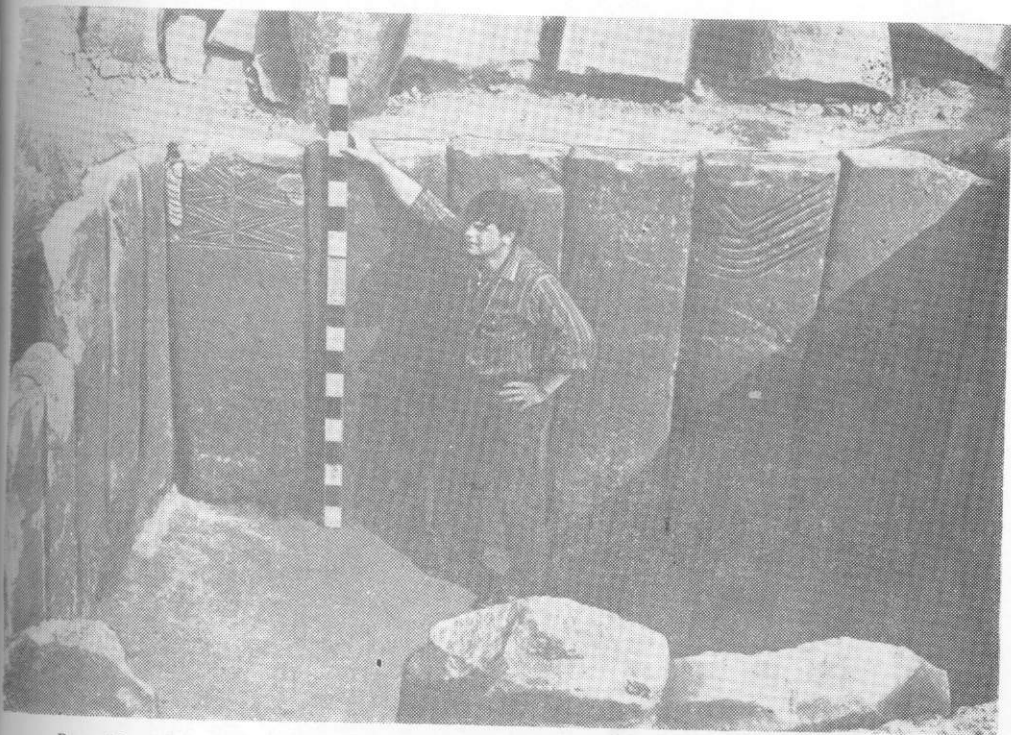

Рис. 12. Юго-восточная стена гробницы; на втором плане (слева направо) — узоры плит № 7 и 11

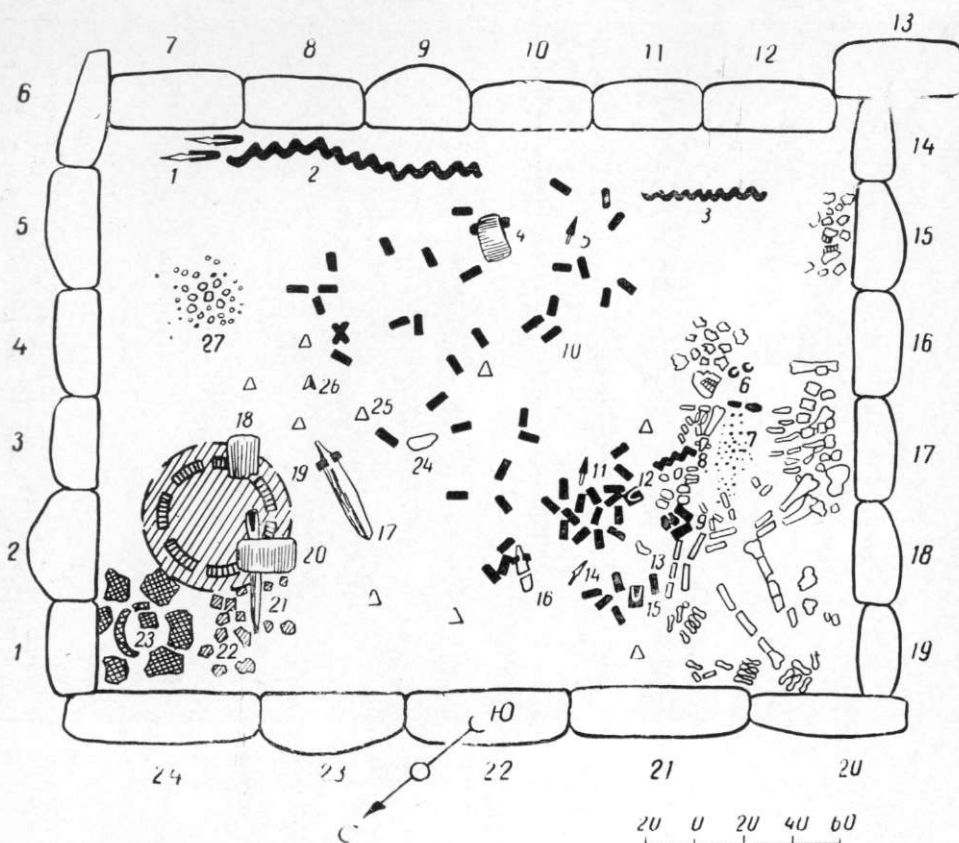

Рис. 14. План гробницы: 1—шилья; 2, 3, 8—ленты, свернутые в спираль; 4, 20—топоры; 5, 11—стрелы с конусовидными наконечниками, изготовленными из тончайших (фольговидных) золотых пластинок; 6—височные кольца; 7—бусы; 9, 10—пластинки; 12—конусовидный наконечник; 13—клык кабана; 14—проколка; 15—пластинчатая обкладка ножен; 16—двулезвийный ножик; 17—кинжал; 18—тесло; 19—котел; 21—долото; 22—обломки миски (?); 23—фрагменты красноглиняного сосуда; 24—обломок точила из галечника; 25—кремневые предметы; 26—обсидиановый наконечник стрелы; 27—угли и зола. 2—3, 6—12, 15—золото; 1 (одно из шильев) и 16—серебро; 1, 4, 17—22 — бронза; 5, 11, 14—кость

Рис. 15. Вид с юга на северо-восточную часть гробницы; на переднем плане (справа налево) — основания перекрывающих стел I—III

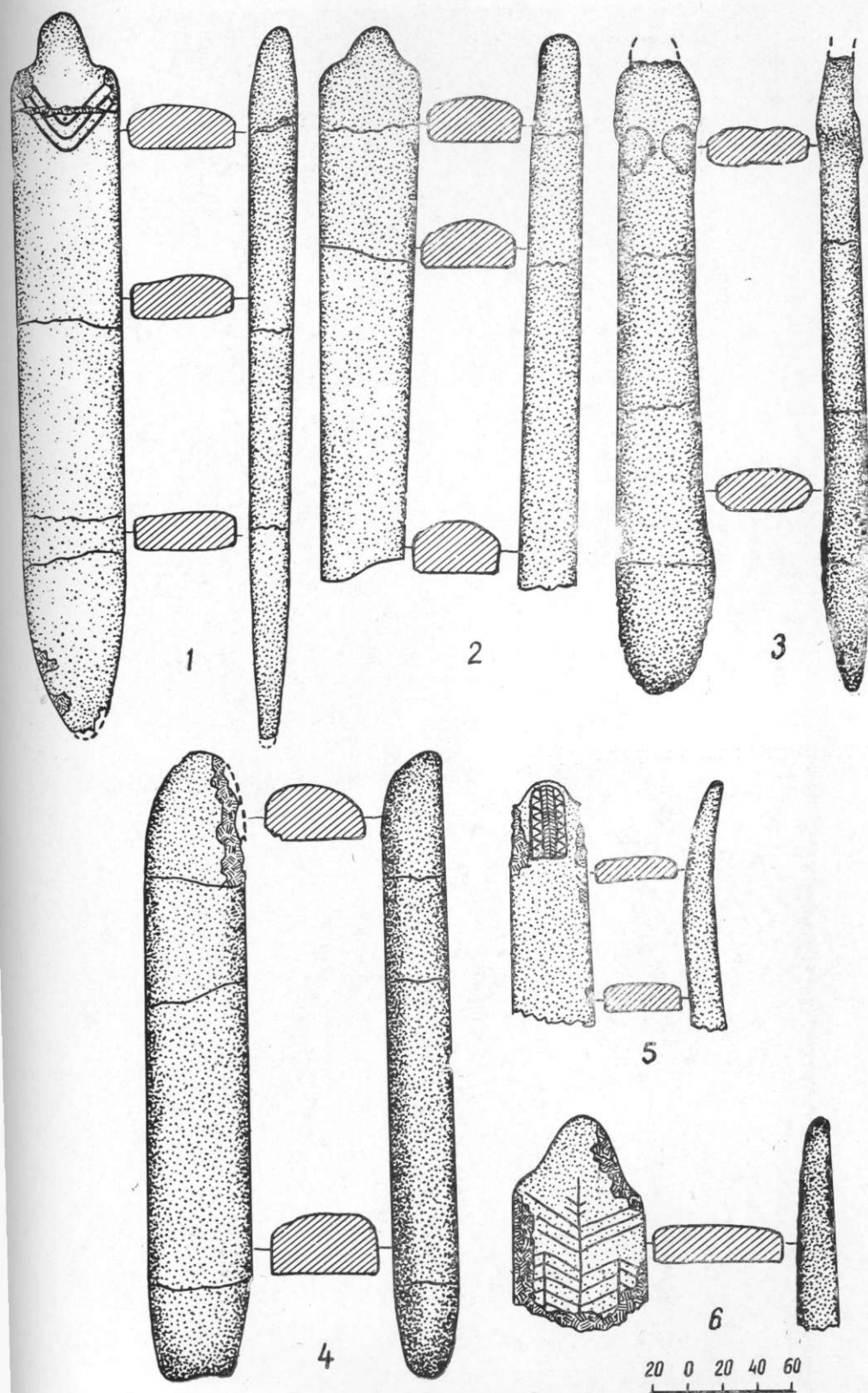

Рис. 16. Антропоморфные стелы: II (1), IV (2), V (4), VII (3), № 18 (5), № 24 (6)

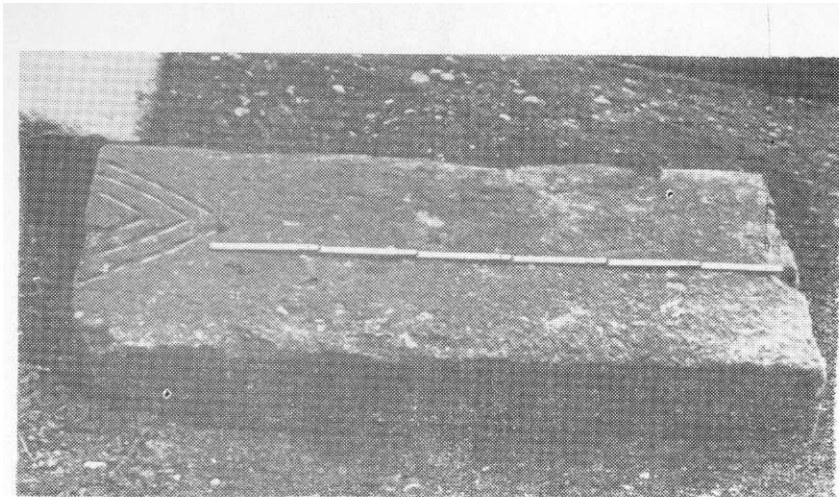

Рис. 17. Средняя часть антропоморфной стелы II ▲

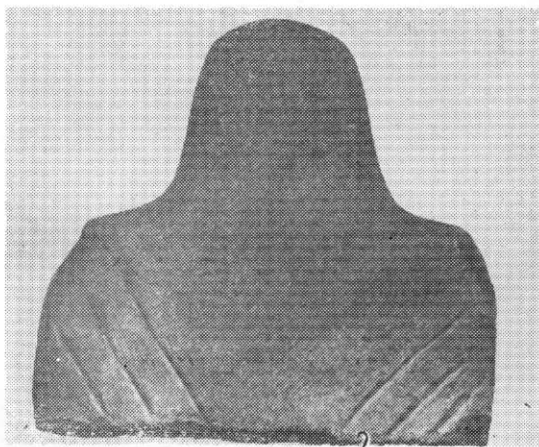

Рис. 18. Верхняя часть антропоморфной стелы II ▶

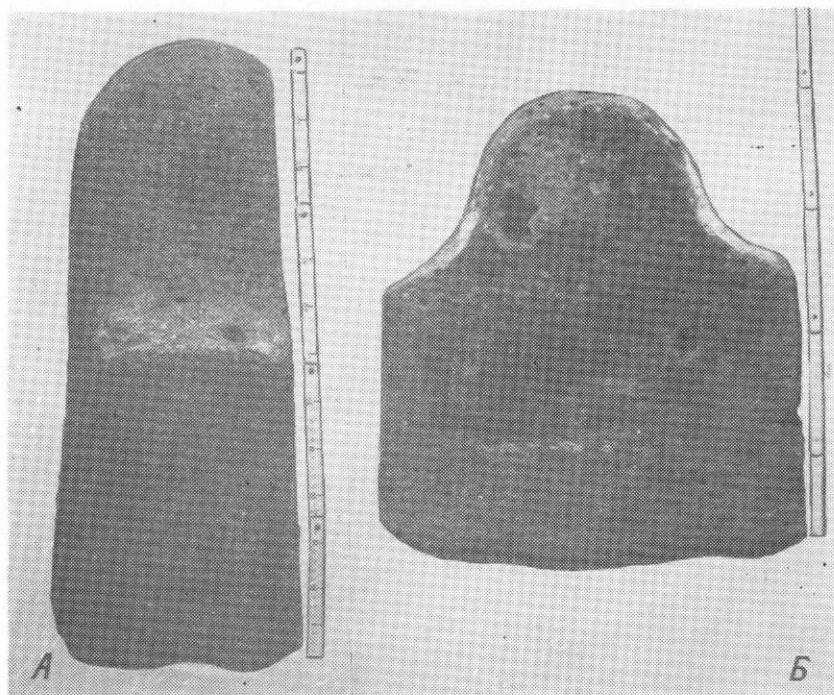

Рис. 19. Верхняя часть антропоморфной стелы IV;
А — вид справа, Б — лицевая сторона

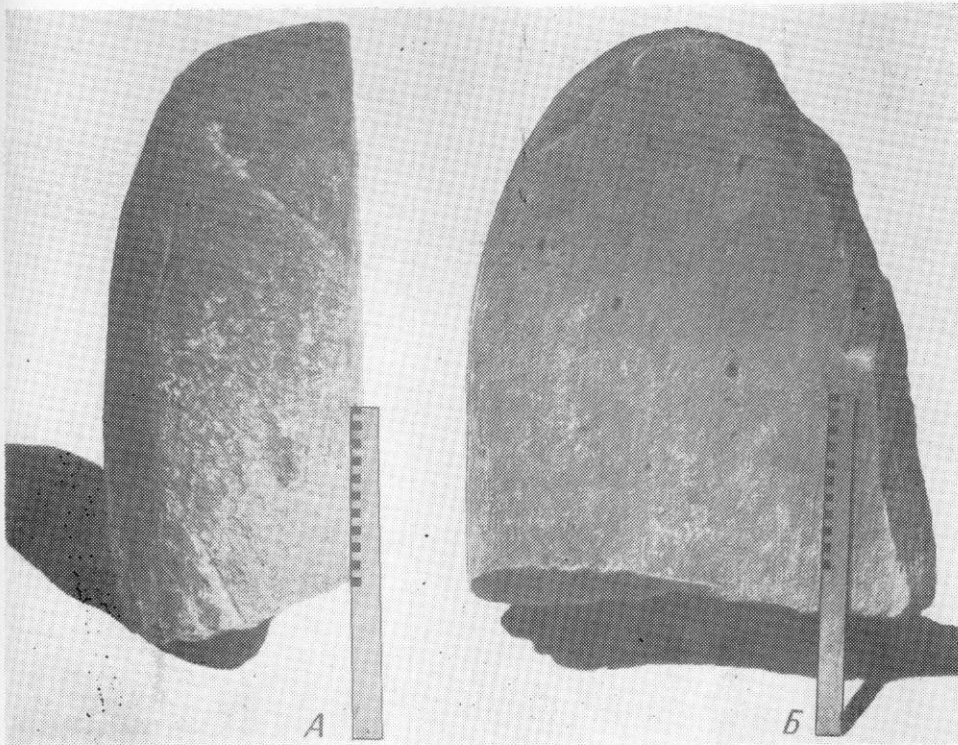

Рис. 20. Верхняя часть стелы V; А — вид справа,
Б — лицевая сторона

Рис. 21. Средняя часть антропоморфной стелы VII

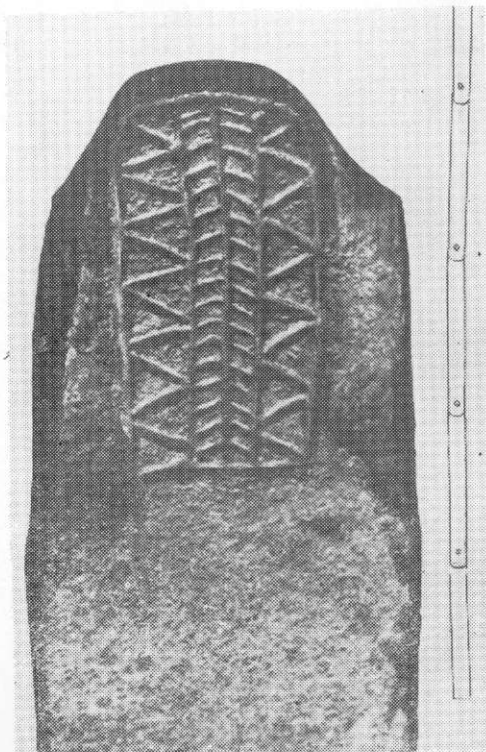

Рис. 22. Верхняя часть антропоморфной стелы № 18

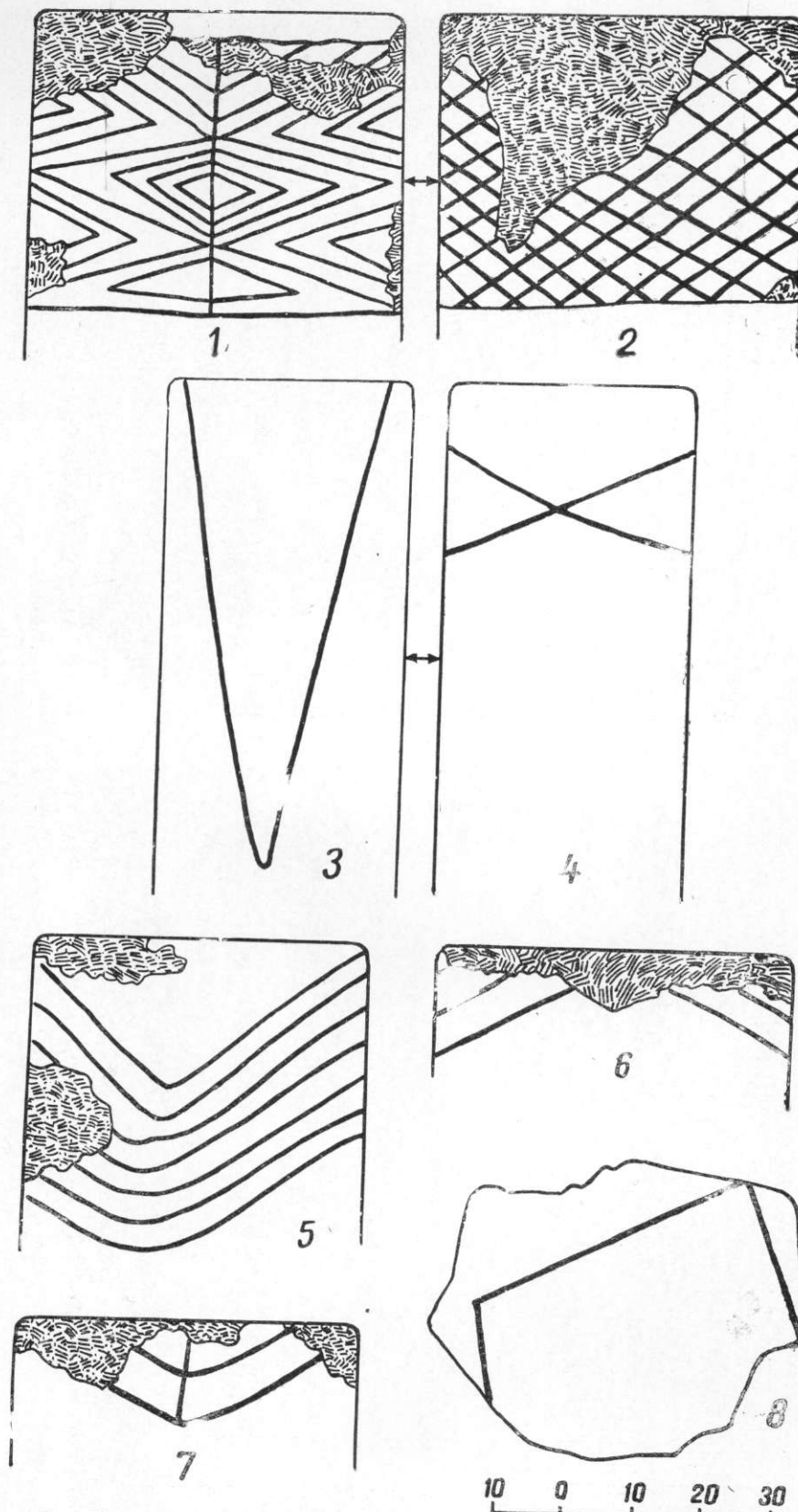

Рис. 23. Прорисовка орнамента на плитках № 5 (6), 7 (1-2), 10 (7), 11 (5) и 14 (3-4); 8 — обломок стелы, найденный в курганной насыпи

Рис. 24. Слева — лицевая сторона
орнаментированной плиты № 7

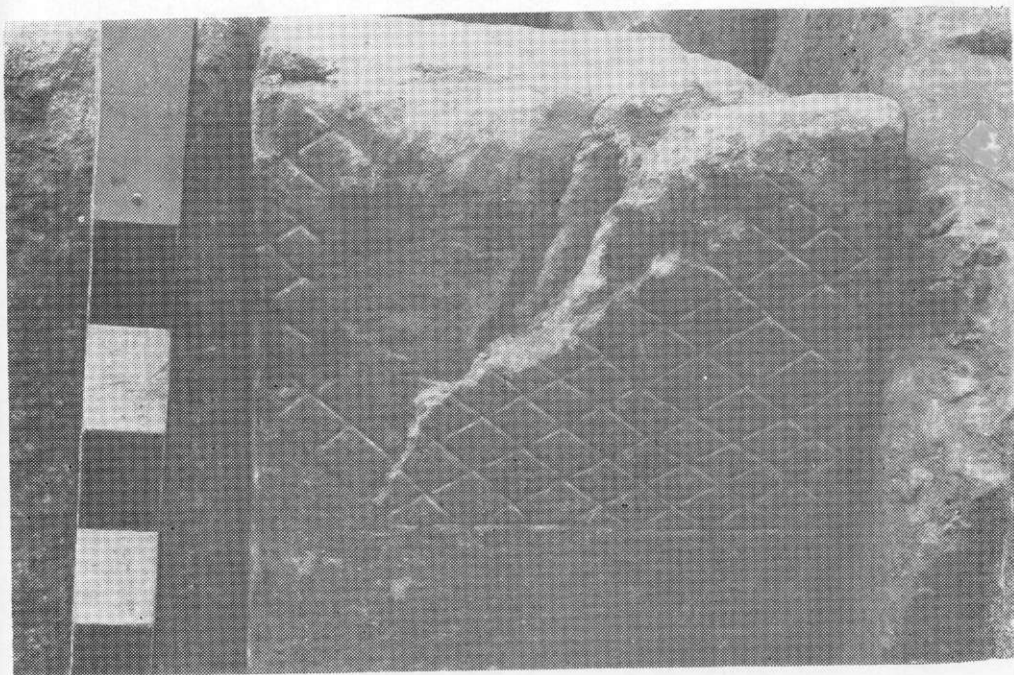
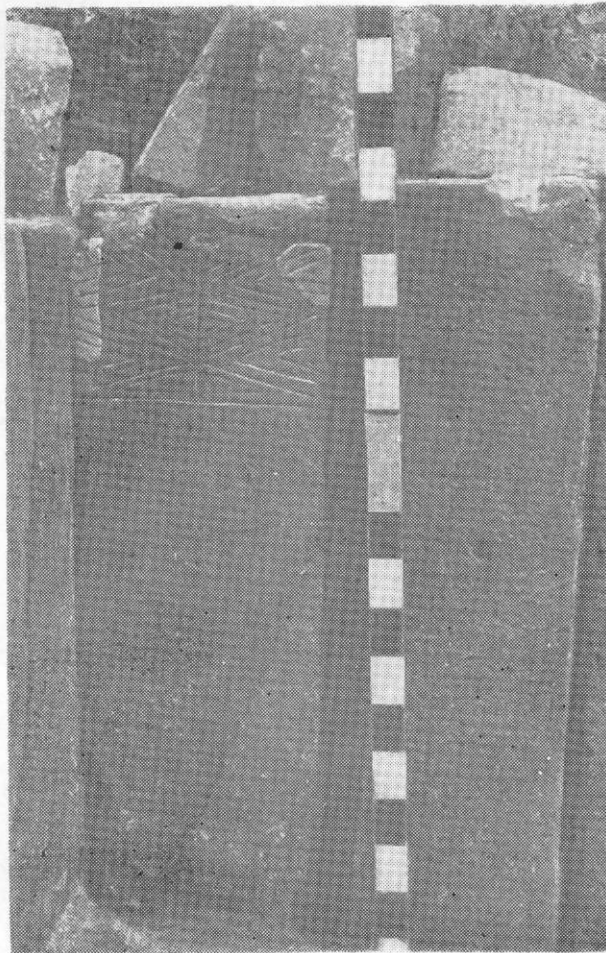

Рис. 25. Орнамент на тыльной стороне плиты № 7

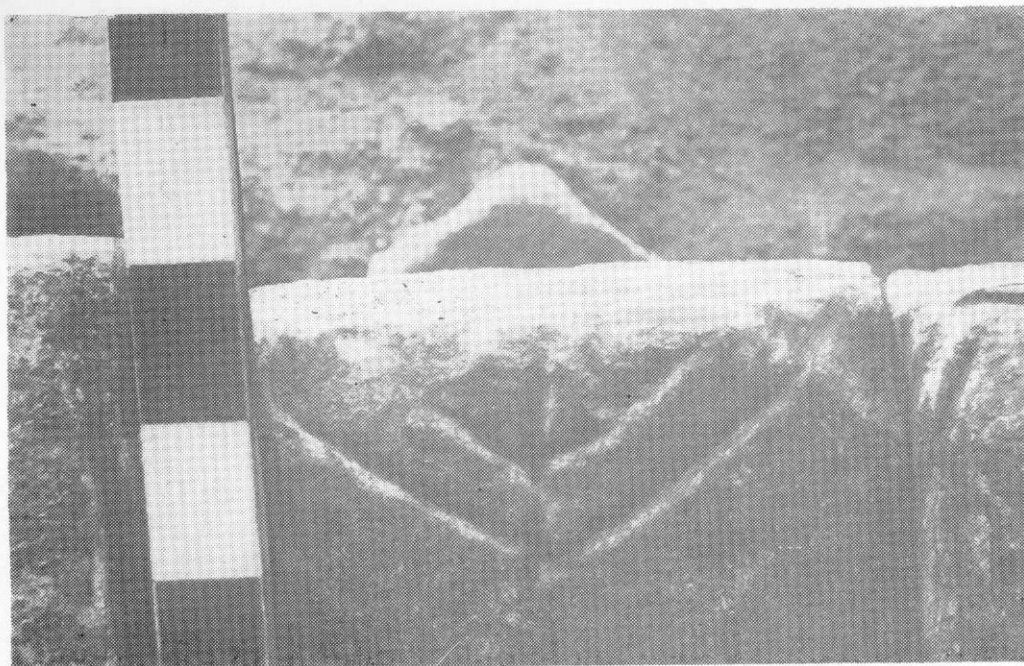

Рис. 26. Орнамент на тыльной стороне плиты № 10

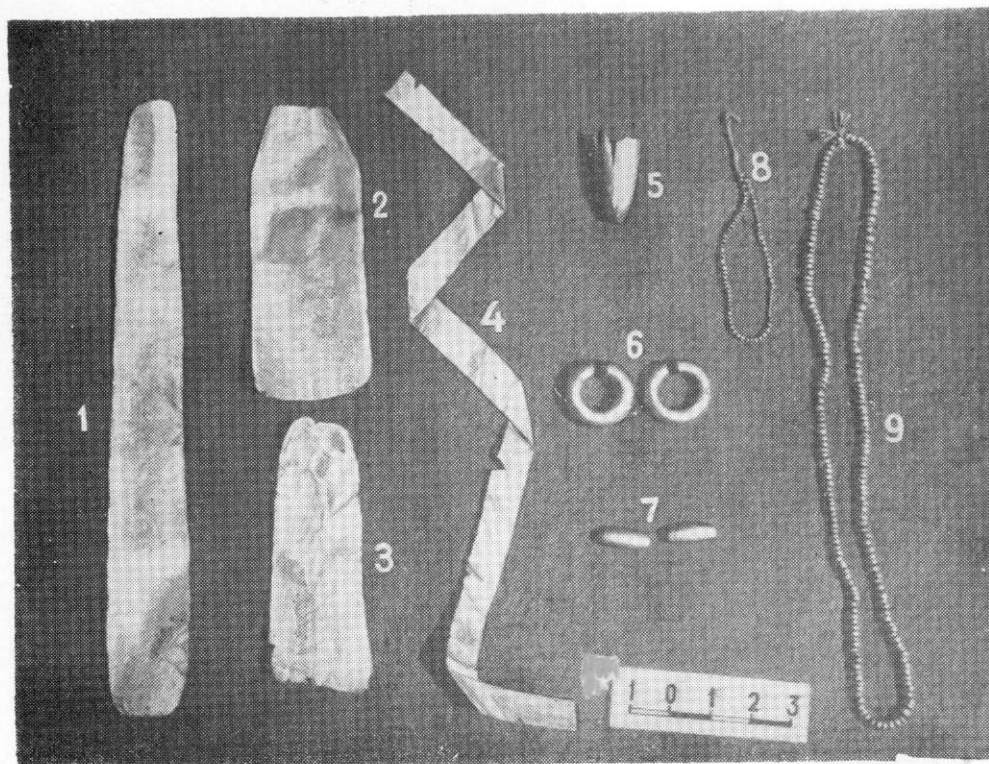

Рис. 27. Золотые украшения, найденные при втором погребенном:
 1—3 — пластинки; 4 — лента; 5 — конусовидный наконечник «посоха»;
 6 — подвески; 7 — биконические бусины; 8—9 — мелкие бусинки

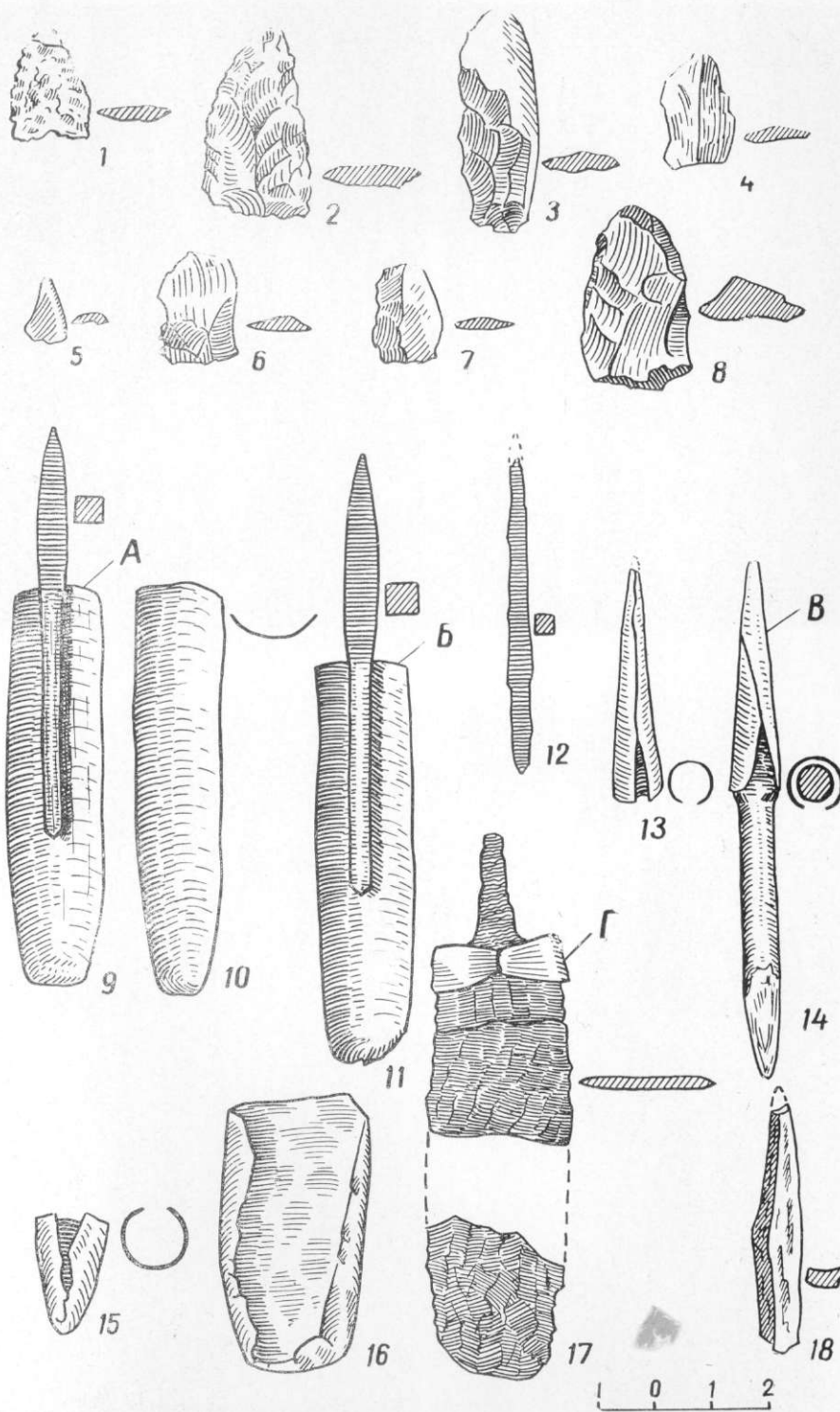

Рис. 28. Прорисовка некоторых предметов из гробницы:
 1—наконечник стрелы; 2—вкладыш серпа; 3—7—ножевидные пластины;
 8—скребок; 9, 11, 12—шилья; 9А, 10, 11В—пластинчатые обкладки
 от ручек шильев; 13, 14В—наконечники стрел; 14—стрела; 15—наконечник
 от «посоха»; 16—наконечник ножен; 17—двулезвийный ножик; 18—проколка;
 1—обсидиан; 2—8—кремень; 11В, 12—бронза; 9, 11—серебро;
 9А, 10, 11В, 13, 14В, 15, 16—золото; 17Г—электрум (сплав золота с серебром);
 14В, 18—кость

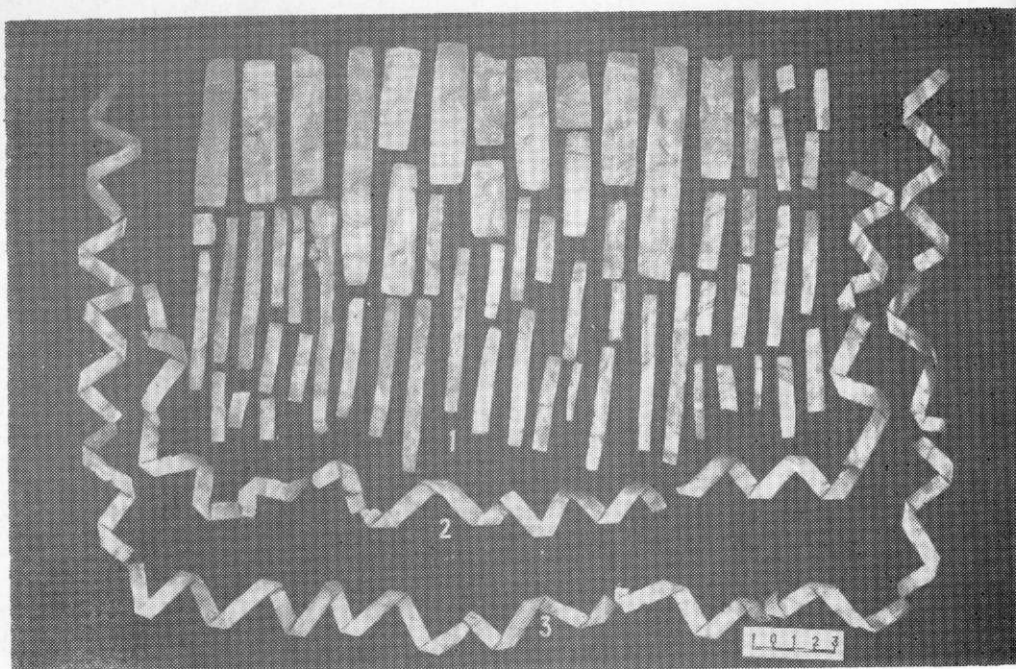

Рис. 29. Золотые пластинки (1) и ленты (2—3)

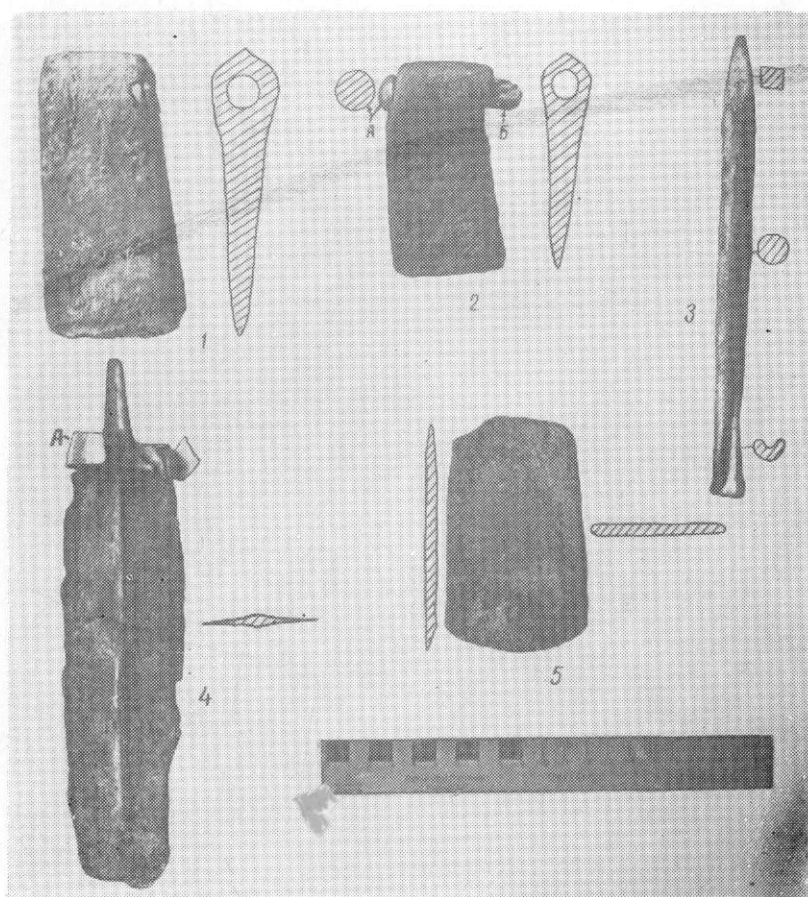

Рис. 30. Бронзовые предметы (2А, 2Б и 4А — золото)

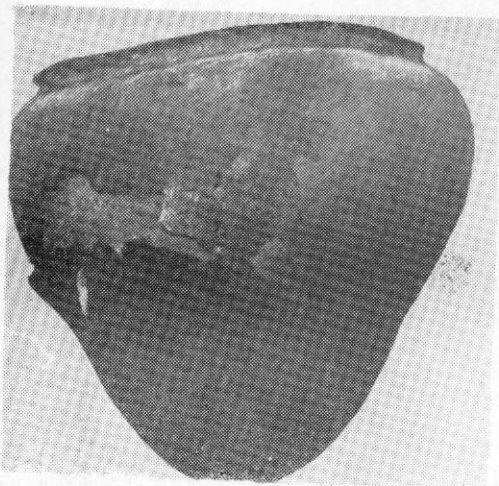

Рис. 31. Бронзовый котел

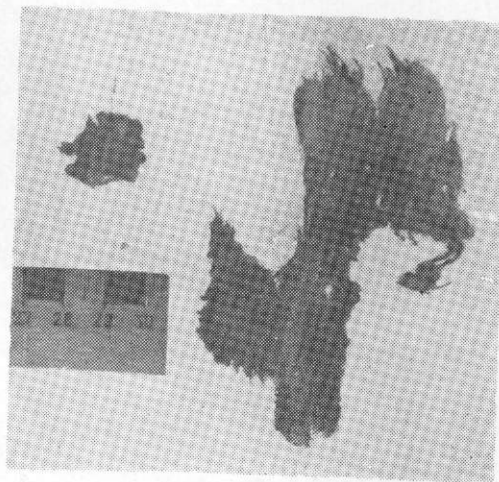

Рис. 32. Остатки ткани

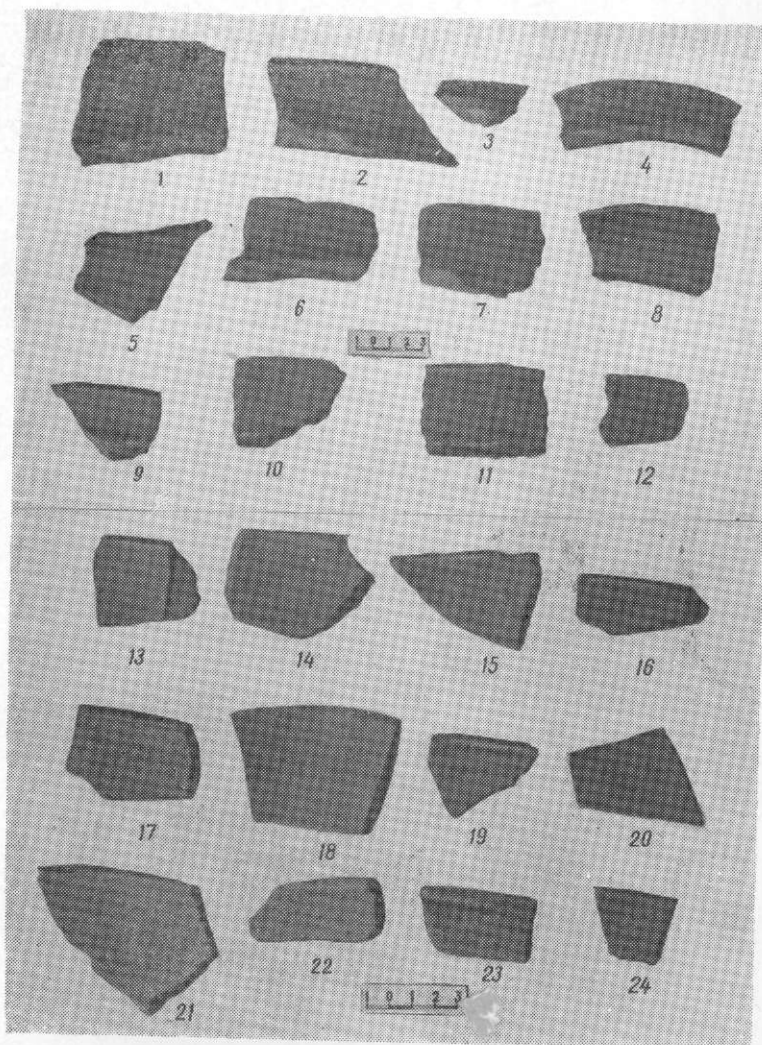

Рис. 33. Фрагменты керамики из поселения (1—12— венчики крупных сосудов и горшков; 13—24 — обломки мисок)

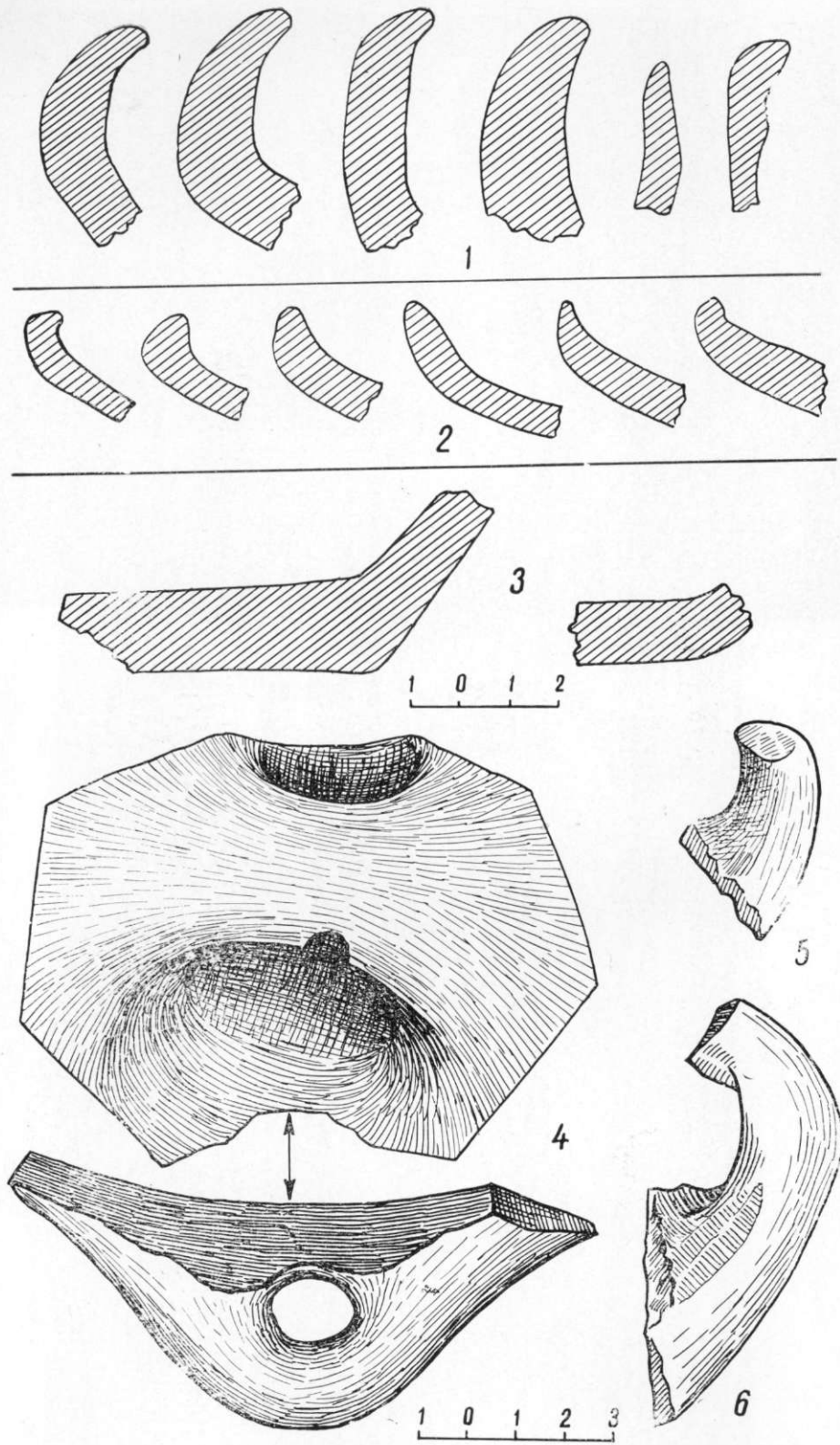

Рис. 34. Прорисовка некоторых образцов керамики из поселения

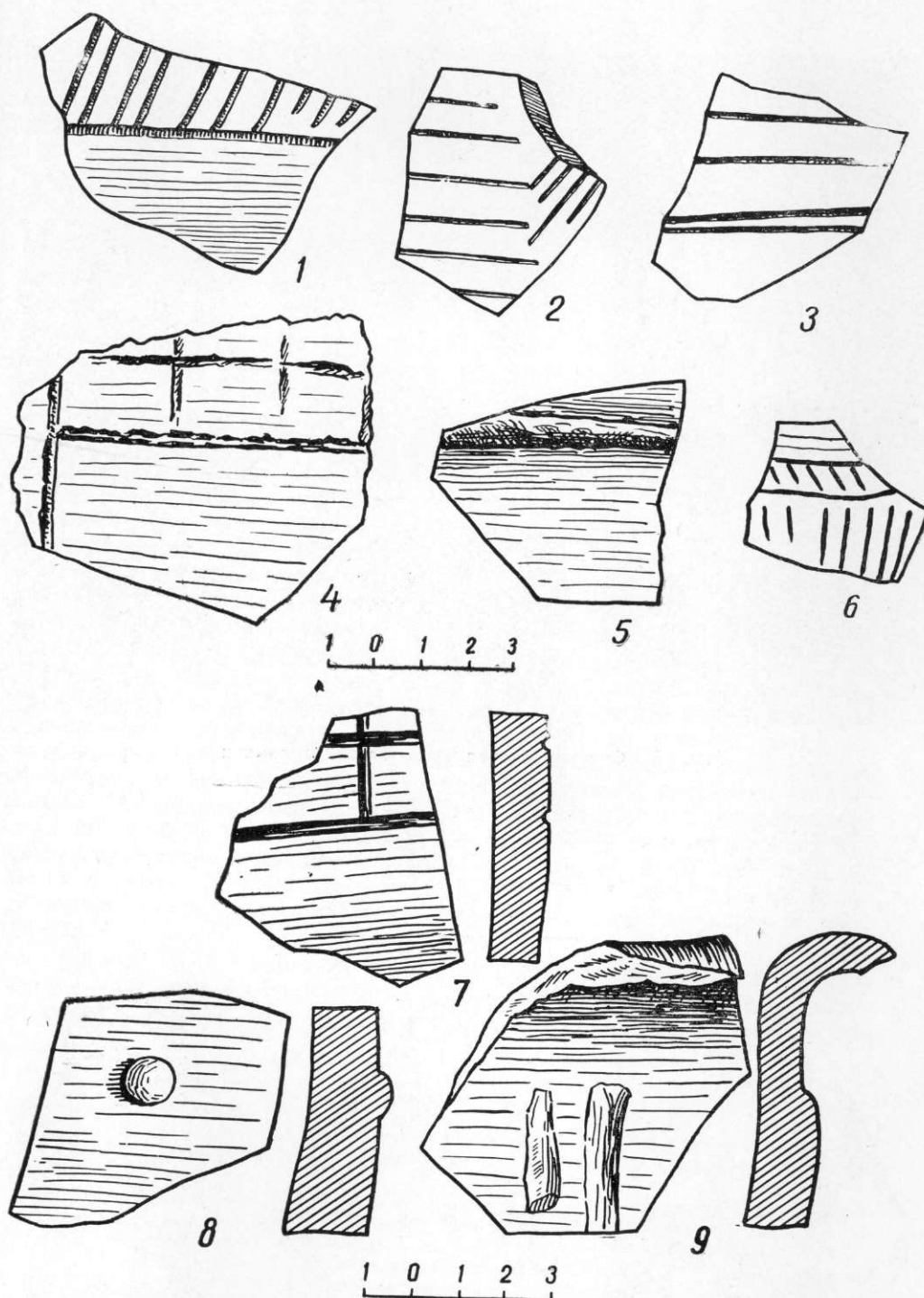

Рис. 35. Прорисовка некоторых образцов орнаментированной керамики

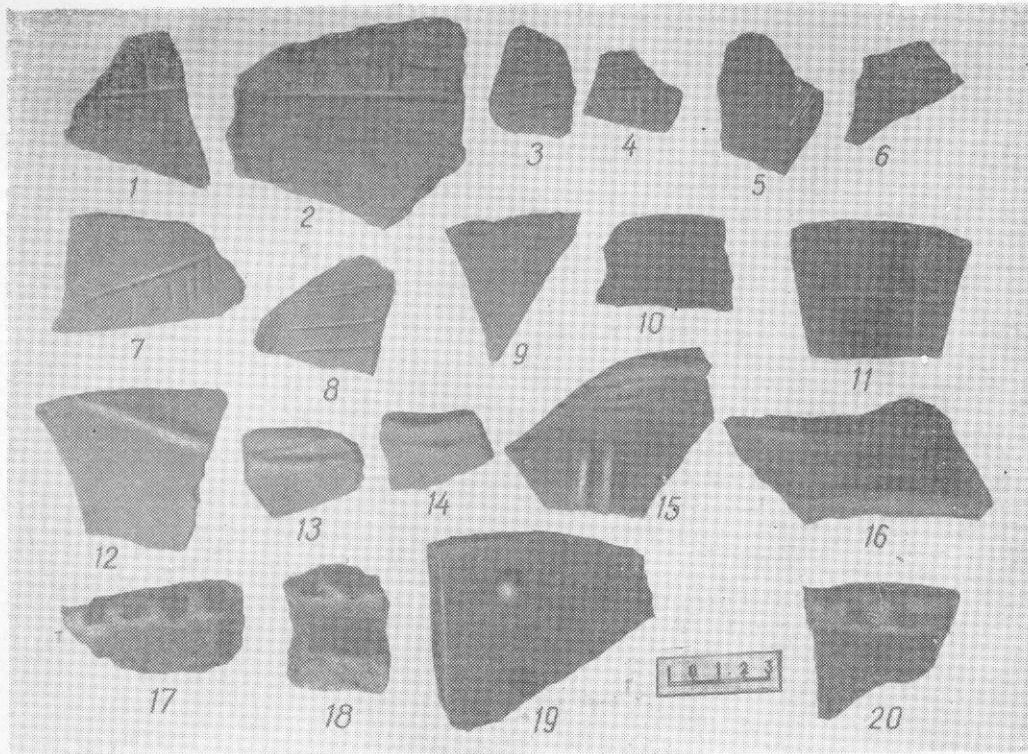

Рис. 36. Фрагменты орнаментированной керамики

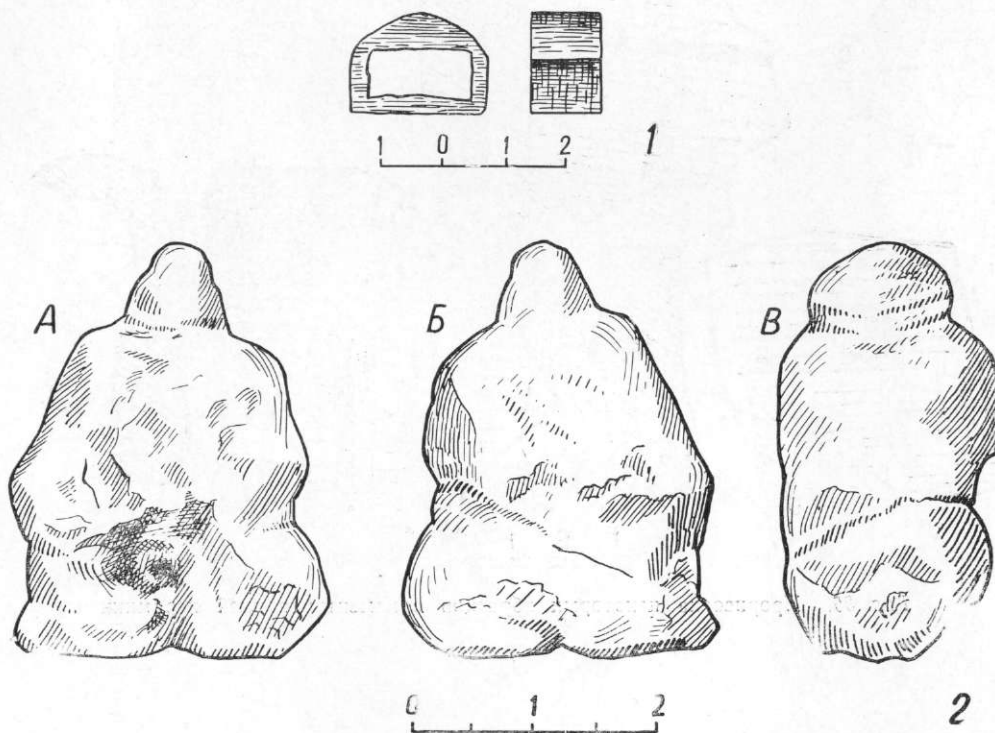

Рис. 37. Костяная поделка — «пряжка» (1) и статуэтка из известняка в трех проекциях (2), найденные на поселении

бронзы Минусинских степей в Сибири⁶⁴, с самого начала являлись не надгробными памятниками-стелами, а представляли собой изображения идолов⁶⁵. В таком случае они могли стоять компактно на определенном участке древнего святилища (капища). Такой вариант решения вопроса о первоначальном назначении нальчикских плит пока не может быть подкреплен почти никакими конкретными данными и поэтому предлагается здесь лишь как одна из рабочих гипотез. Но с какой бы целью ни изготовлялись эти каменные изваяния, все же кажется несомненным, что они представляют древнейшую попытку кавказских племен создать в монументальной скульптуре человеческий образ.

Как же датируются нальчикские стелы? Время, когда они перестали служить своей первоначальной цели, не вызывает особых сомнений — оно соответствует периоду сооружения гробницы. Что же касается определения более или менее точного времени изготовления их, то это представляется несколько затруднительным.

Сложность этого важного вопроса обусловлена не только полным отсутствием других четко датированных кавказских аналогий нашим стелам, но и крайне неудовлетворительной разработанностью абсолютной хронологии соответствующих каменных изваяний Причерноморья и Западной Европы. Правда, к настоящему времени твердо установлено, что такие памятники относятся не к эпохе поздней бронзы (т. е. киммерийскому периоду), как это считали некоторые исследователи⁶⁶, а к энеолиту и ранней бронзе⁶⁷. Кроме того, теперь уже можно считать устаревшими и суждения А. А. Щепинского о том, что более примитивные стелы Причерноморья якобы относятся к ямной культуре, а сложные и совершенные — к кеми-обинской⁶⁸. И, наконец, после появления ряда работ А. А. Формозова, в которых уделено значительное внимание дальнейшей разработке данного вопроса⁶⁹, представляется не вполне соответствующей действительности и датировка причерноморских изваяний Т. Д. Златковской. Ее хронология слишком растянута: самые примитивные стелы (I группа) она относит к III тыс. до н. э., более сложные (II группа) — к рубежу III—II тыс. до н. э., а наиболее сложные и совершенные (III группа) — ко второй половине II тыс. до н. э.⁷⁰

Видимо, А. А. Формозов ближе всех стоит к истине, полагая, что «даже наиболее совершенные изваяния недалеко отстоят во времени от самых примитивных», и датируя их в целом в пределах второй по-

⁶⁴ М. П. Грязнов. Минусинские каменные бабы в связи с некоторыми новыми материалами. СА, 1950, № 12, стр. 129—130, 153—156.

⁶⁵ Впрочем, почти такого же мнения придерживался А. Хойслер относительно причерноморских и западноевропейских стел (цит.: А. А. Формозов. Очерки по первобытному искусству, стр. 178).

⁶⁶ См., например: В. Г. Гайдукевич. Боспорские города Тиритака и Миримекий на Керченском полуострове. ВДИ, 1937, № 1, стр. 219—220; Т. Н. Книпович и Л. М. Славин. Раскопки юго-западной части Тиритаки. МИА, № 4. М.—Л., 1944, стр. 38—39; П. Н. Шульц. О киммерийских каменных изваяниях. ВДИ, 1946, № 3, стр. 233; Э. А. Сымонович. Погребение киммерийского времени на Тидигульском лимане. КСИА, вып. 3, 1954, стр. 84—85.

⁶⁷ А. И. Тереножкин. Археологические исследования в 1951 г. на территории строительства Молочанского водохранилища. КСИА, вып. 1. 1952, стр. 16—17; Т. Г. Тищенко. Каменная стела с Первомаевки. КСИА, вып. 5. 1955, стр. 78; А. А. Щепинский. Новая антропоморфная стела..., стр. 145—146; его же. Памятники искусства..., стр. 44—46; А. А. Формозов. О древнейших антропоморфных стелах..., стр. 179—185; его же. Очерки по первобытному искусству, стр. 179—185.

⁶⁸ А. А. Щепинский. Памятники искусства..., стр. 44—46.

⁶⁹ А. А. Формозов. О древнейших антропоморфных стелах..., стр. 177—179; его же. Очерки по первобытному искусству, стр. 179—185.

⁷⁰ Т. Д. Златковская. К вопросу об этнокультурных связях..., стр. 81—85.

ловинны бытования ямной культуры⁷¹. Но отсутствие сколько-нибудь прочной опоры для конкретной датировки большинства из причерноморских стел не позволило ему разработать их четкую хронологическую классификацию. Поэтому в своих выводах он вынужден ограничиться лишь отдельными взаимонесключающими суждениями. Так, в одном случае А. А. Формозов считает вполне возможным, что сложный тип изваяний Северного Причерноморья возник в результате непрерывной эволюции примитивных стел, у которых, в свою очередь, изначальные формы выработались из единичных камней — менгиров. В другом же варианте решения этого вопроса он не исключает, что «примитивные стелы моложе сложных и возникли путем их упрощения»⁷².

Не лучше обстоит дело с разработкой абсолютной хронологии древнейших каменных изваяний в Западной Европе⁷³, хотя датировка отдельных стел здесь по методу С₁₄ представляет определенный интерес⁷⁴.

Вполне понятно, что при таком состоянии изучения хронологии интересующих нас памятников вышеуказанные черты сходства между южноевропейскими и нальчикскими стелами могут указывать только на то, что и последние также относятся к III тыс. до н. э. Что же касается определения более или менее точных хронологических рамок бытования нальчикских стел, то едва ли ни единственной опорой при этом могут служить местные (центральнокавказские) археологические материалы и прежде всего погребальный инвентарь самой гробницы.

2. Погребальный инвентарь

В числе разнообразных предметов, найденных в Нальчикской гробнице, одним из наиболее интересных является бронзовый котел. По своим особенностям он связывается с другими немногочисленными металлическими сосудами, происходящими из погребальных памятников майкопской культуры Северного Кавказа.

В то же время нальчикский котел заметно отличается от них по некоторым признакам. Прежде всего обращает на себя внимание его необычайно большие размеры. Во всей серии известных к настоящему времени металлических сосудов из майкопских комплексов он является наиболее крупным. Правда, мы не знаем точных размеров бронзовых котлов из курганов у ст. Новосвободной и Тульской в Прикубанье, так как от них сохранились фрагменты⁷⁵. Но, судя по особенностям их обломков, можно быть уверенным в том, что они меньше котла из Нальчикской гробницы. Явно уступают по размерам последнему и хранящийся в Государственном Эрмитаже большой бронзовый сосуд из известного Майкопского кургана, раскопанного в 1897 г. Н. И. Веселовским, а также два бронзовых котла, обнаруженных Р. М. Мунчаевым в курганах позднемайкопской культуры у с. Бамут в Чечено-Ингушетии⁷⁶. По размерам, а в отдельных случаях и по форме, нальчикский котел в известной мере сближается с некоторыми

⁷¹ А. А. Формозов. О древнейших антропоморфных стелах..., стр. 179; *его же*. Очерки по первобытному искусству, стр. 180 и сл.

⁷² А. А. Формозов. Очерки по первобытному искусству, стр. 183—184.

⁷³ Там же, стр. 184.

⁷⁴ J. Landau. Quelques problemes..., стр. 209—210.

⁷⁵ Т. Б. Попова. Указ. соч., стр. 24, табл. VII; А. А. Формозов. Каменный век..., стр. 67; Коллекция ГИМ, № 42403.

⁷⁶ Р. М. Мунчаев. Памятники майкопской культуры в Чечено-Ингушетии. СА, 1962, № 3, стр. 194, рис. 10; В. И. Марковин, Р. М. Мунчаев. Археология Чечено-Ингушетии в свете новейших данных. КСИА, вып. 100, 1964, стр. 42, рис. 16; Ф. А. Махмудов, Р. М. Мунчаев, И. Г. Нариманов. О древнейшей металлургии Кавказа. СА, 1968, № 4, стр. 8.

крупными керамическими сосудами майкопской культуры⁷⁷, в том числе и с найденным в этой же гробнице красноглиняным сосудом.

Как известно, металлические сосуды из Новосвободненского кургана и один из бамутских котлов украшены круглыми выпуклинами — жемчужным орнаментом⁷⁸. Нальчикский котел не имеет украшений. Но в погребальных памятниках эпохи ранней бронзы Северного Кавказа обнаружены и неорнаментированные металлические котлы. В частности, орнамент отсутствует на отмеченном выше большом сосуде из Майкопского кургана. Нет никакого орнамента и на втором котле из Бамутского курганного могильника. К тому же этот бамутский металлический сосуд близок нальчикскому и по форме: он имеет яйцевидное тулово, невысокую вертикальную шейку и узкое дно, которое вогнуто во внутрь и утолщено⁷⁹. Интересно, что результаты спектрального анализа нальчикского и бамутского котлов свидетельствуют об их близости и по составу металла (медь с небольшим содержанием мышьяка)⁸⁰.

Если учесть, что подобные металлические сосуды найдены только лишь в комплексах эпохи ранней бронзы Северного Кавказа⁸¹, то принадлежность нальчикского котла к кругу памятников майкопской культуры представляется вполне очевидной. Можно сказать, что этот бронзовый сосуд из гробницы является одним из замечательных образцов местного металлургического производства майкопских племен.

Значительный интерес представляют остатки тонкой льняной ткани, в которую был завернут нальчикский котел. Напомню, что остатки материи от одежды, характеризующейся почти подобной же высокой техникой ткачества, но двуцветной и вытканной из шерстяных ниток, сохранились в дольменном погребении кургана № 2 у ст. Новосвободной⁸².

Крупные красноглиняные сосуды типа найденного в Нальчикской гробнице вместе с охарактеризованным выше металлическим котлом в эпоху ранней бронзы были распространены на обширной территории Северного Кавказа. Причем они являются одной из наиболее характерных форм позднемайкопской керамики, известной от Прикубанья до Чечено-Ингушетии⁸³. В частности, в большом количестве подобные сосуды представлены в Бамутском курганном могильнике⁸⁴.

Массивные золотые височные подвески с несмыкающимися концами, лежавшие у костей черепа второго погребенного, аналогичны найденным в дольмене ст. Новосвободной в Прикубанье⁸⁵, в курганах конца III тыс. до н. э. у с. Шалушка в Кабардино-Балкарии⁸⁶ и у ст. Ме-

⁷⁷ См., например: А. П. Круглов, Г. В. Подгаецкий. Указ. соч., рис. 25 (6), табл. IX (1—2), XI (6—7); А. А. Формозов. Каменный век..., стр. 117—118; Р. М. Мунчаев, В. И. Сариниди. Исследование Бамутского курганного могильника в 1963 г. КСИА, вып. 106, стр. 76, рис. 32 (4, 5).

⁷⁸ Т. Б. Попова. Указ. соч., стр. 24—25, табл. VII; Р. М. Мунчаев. Указ. соч., стр. 194, рис. 10; В. И. Марковин, Р. М. Мунчаев. Археология Чечено-Ингушетии..., стр. 42, рис. 16.

⁷⁹ Ф. А. Махмудов, Р. М. Мунчаев, И. Г. Нариманов. Указ. соч., рис. 8.

⁸⁰ Спектральные анализы выполнены И. Р. Селимхановым и Е. Н. Черных.

⁸¹ Ф. А. Махмудов, Р. М. Мунчаев, И. Г. Нариманов. Указ. соч., стр. 25; Р. М. Мунчаев. Кавказ в эпоху энеолита и ранней бронзы. Автореферат докторской диссертации. Тбилиси, 1971, стр. 55.

⁸² Т. Б. Попова. Указ. соч., стр. 14, рис. 7.

⁸³ Там же, табл. XII—XV; А. А. Формозов. Каменный век..., стр. 117—118; Р. М. Мунчаев. Древнейшая история Северо-Восточного Кавказа. М., 1961, стр. 102—103, табл. XII и др.

⁸⁴ Р. М. Мунчаев. Там же; его же. Памятники майкопской культуры..., стр. 197—199; Р. М. Мунчаев, В. И. Сариниди. Указ. соч., стр. 76, рис. 32 (4, 5) и др.

⁸⁵ ОАК за 1898 г., стр. 34 и 38, табл. I (5), IV (43).

⁸⁶ Раскопки И. М. Мизиева, А. Х. Нагоева и Р. Ж. Бетророва в 1972 г.

кенской в Чечено-Ингушетии⁸⁷. В Закавказье и на Ближнем Востоке этот тип украшений появился гораздо раньше⁸⁸.

Биконические золотые бусины типа обнаруженных в Нальчикской гробнице были также найдены в Новосвободненском дольмене⁸⁹. Известно, что подобные украшения распространены на обширной территории — от Средиземного моря до Индии (Сирия, Ливан, Палестина, Западная Индия)⁹⁰. Но бусы из дольмена у ст. Новосвободной и из некоторых других мест отличаются от нальчикских более удлиненными формами и отсутствием на поверхности узоров-насечек.

Многочисленные мелкие золотые бусинки, собранные у груди и запястья второго погребенного в гробнице, явно напоминают этот же тип украшений из большого Майкопского кургана⁹¹. Они близки также бусинкам, найденным в большом количестве при раскопках древнего Ура (Месопотамия) и Мохенджо-Даро (Западная Индия)⁹².

Серебряный двулезвийный ножик из гробницы по размерам, а отчасти и по форме, сближается с малыми бронзовыми ножами-кинжалчиками, обнаруженными в курганах у с. Бамут⁹³ и хут. Новый Аршти (Чечено-Ингушетия)⁹⁴, ст. Новосвободной и Костромской (Прикубанье)⁹⁵, а также в основном погребении большого Майкопского кургана⁹⁶. Такой же бронзовый ножик найден и в одном из позднемайкопских погребальных комплексов у с. Шалушка в Кабардино-Балкарии⁹⁷.

Что же касается найденного в Нальчикской гробнице массивного бронзового кинжала с продольным ребром на клинке, то близких аналогий ему в кавказских комплексах раннебронзового века мне не удалось подобрать. Можно лишь отметить, что по размерам и форме, а также по четко выраженному ребру он напоминает кинжалы переднеазиатского типа досаргоновского периода (Ур, Библ, Силалк, Хиссар)⁹⁸.

Разновидности металлических четырехгранных шильев, три экземпляра которых обнаружены в гробнице, являются довольно частыми находками в бытовых и погребальных комплексах эпохи бронзы Северного Кавказа (поселения Мешоко, Верхнегунибское, курганы у ст. Новосвободной, Воздвиженской, Ново-Лабинской, Махосhevской, хут. Штурбина, с. Бамут и т. д.)⁹⁹, а также Закавказья, Крыма и других

⁸⁷ Е. И. Крупнов, Н. Я. Мерперт. Курганы у станицы Мекенской. Сб. «Древности Чечено-Ингушетии». М., 1963, стр. 24, рис. 9.

⁸⁸ Там же, стр. 41.

⁸⁹ ОАК за 1898 г., стр. 34, табл. I (11); см. также: Т. Б. Попова. Указ. соч., стр. 40, табл. II (6), XX (1—4).

⁹⁰ Г. Чайльд. Древнейший Восток в свете новых раскопок. М., 1956, стр. 277; Т. Б. Попова. Там же; Е. И. Крупнов. О связях Юга СССР и Кавказа со странами Ближнего Востока. ВИМК, 1958, № 1, стр. 74—75; *его же*. Древнейшая культура Кавказа и кавказская этническая общность. СА, 1964, № 1, стр. 39.

⁹¹ Экспозиция Гос. Эрмитажа; см. также: ОАК за 1897 г., стр. 4.

⁹² Г. Чайльд. Указ. соч., стр. 246 и 277, табл. XXV (в), XXXI (а).

⁹³ Р. М. Мунчаев. Памятники майкопской культуры..., стр. 194—195, рис. 11 (2).

⁹⁴ Р. М. Мунчаев, В. И. Сарцианиди. Указ. соч., стр. 78, рис. 33 (6).

⁹⁵ ОАК за 1897 г., стр. 34, табл. 11 (25—28); Т. Б. Попова. Указ. соч., стр. 33, табл. X (2, 4—8).

⁹⁶ А. А. Иссен. К хронологии «больших Кубанских курганов». СА, 1950, № 12, стр. 165, 172, табл. III (3).

⁹⁷ Раскопки И. М. Мизиева, А. Х. Нагоева и Р. Ж. Бетрзова в 1972 г.

⁹⁸ Г. Чайльд. Указ. соч., стр. 243, 293, 334, табл. XXIX.

⁹⁹ А. Д. Столяр. Мешоко — поселение майкопской культуры. СМАА, т. 2. Майкоп, 1961, стр. 80, рис. 6 (2); В. И. Марковин. Культура племен Северного Кавказа, стр. 94; Р. М. Мунчаев. Памятники майкопской культуры..., стр. 194, рис. 11 (3); Р. М. Мунчаев, В. И. Сарцианиди. Указ. соч., стр. 75, рис. 33 (5); *они же*. Бамутские курганы эпохи бронзы. КСИА, вып. 98. 1964, стр. 99, рис. 27 (13); Т. Б. Попова. Указ. соч., стр. 34, табл. VIII (6—10); В. М. Котович. Верхнегунибское поселение — памятник эпохи бронзы горного Дагестана. Махачкала, 1965, стр. 122—123, рис. 48.

областей¹⁰⁰. И хотя периодизация этих предметов весьма затруднительна, все же А. А. Иессен отмечал, что шилья, происходящие из майкопских комплексов, отличаются менее удлиненными формами (такowymi являются и нальчикские экземпляры), чем шилья, обнаруженные в «среднекубанских» курганах (II тыс. до н. э.)¹⁰¹.

К числу весьма выразительных и необычайно широко распространенных металлических предметов эпохи ранней бронзы принадлежат найденные в Нальчикской гробнице проушные топоры, плоское тесло и желобчатое долото. Разновидности подобных орудий труда весьма характерны для памятников эпохи бронзы Передней Азии, Закавказья, бассейнов Дуная, Дона и Волги¹⁰². Ближайшие же аналогии нашим находкам известны в комплексах майкопской культуры Северного Кавказа (ст. Новосободная, Воздвиженская, Костромская, Махошевская, Андрюковская, с. Бамут и др.)¹⁰³.

Особого внимания заслуживает тот факт, что бронзовые топоры, близкие по размерам и формам найденным в исследованной нами гробнице, а также другие металлические изделия позднемайкопского времени обнаружены за последние годы и на южных склонах Главного Кавказского хребта, в северо-восточной части Сванетии (в верховьях р. Ингури)¹⁰⁴.

Следует отметить, что нальчикские топоры относятся к числу древнейших металлических орудий этого вида, известных на Кавказе. Особенно архаичным представляется 2-й (более массивный) топор: прямая, слабо расширяющаяся к лезвийной части (клиновидная) форма, удлиненные пропорции и круглая втулка явно сближают его с бронзовым проушным топором из большого Майкопского кургана¹⁰⁵.

Весьма широкое распространение во времени и в пространстве имеют и те неметаллические изделия, которые сходны с найденными в Нальчикской гробнице: кремневые или обсидиановые наконечники стрел с выемчатым основанием, вкладыши составных серпов, ножевидные пластины и скребки, каменные точила или лощила, костяные острия, шилья и т. д. На огромной территории Евразии, в том числе и на Кавказе, подобные предметы, несколько изменяясь в формах, бытовали от энеолита до эпохи средней бронзы. Здесь нет возможности и необходимости перечислять все их местонахождения даже в пределах Северного Кавказа. Отмечу только, что от Прикубанья до Дагестана такие

¹⁰⁰ О. А. Абибуллаев. Энеолитическая культура Азербайджана. МАД, т. 2. Махачкала, 1961, стр. 75—76, табл. IV (4); *его же*. Некоторые итоги изучения холма Кюль-Тепе в Азербайджане. СА, 1963, № 3, стр. 161—163, рис. 4, 8, 14; О. М. Джапаридзе. К истории грузинских племен на ранней стадии медно-бронзовой культуры. Тбилиси, 1961, рис. 351; А. И. Джавахишвили, Л. И. Глотни. Археологические раскопки, проведенные в 1954—1961 гг. на селище Квацхелеби (Твлепиа-кохи). Тбилиси, 1962, табл. IV (285); Ф. А. Махмудов, Р. М. Мунчаев, И. Г. Нариманов. Указ. соч., стр. 21, рис. 5 (3—5); А. А. Шепинский. Культура энеолита и бронзы в Крыму. СА, 1966, № 2, стр. 12, 18, рис. 3 (22—23), 7 (8).

¹⁰¹ А. А. Иессен. К хронологии..., стр. 173.

¹⁰² Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети, вып. 1. Тбилиси, 1941, стр. 10—13, рис. 5 и 10; Г. Чайльд. Указ. соч., рис. 30, 83, 88, 99, 100, 104; О. М. Джапаридзе. К истории грузинских племен..., рис. 10 (а), 20, 30; Н. Я. Мерперт, К. Ф. Смирнов. Археологические работы в зоне строительства Сталинградской ГЭС. КСИА, вып. 84. 1961, стр. 5, рис. 1 (2); Т. Б. Попова. Указ. соч., стр. 29—31, 34; Ф. А. Махмудов, Р. М. Мунчаев, И. Г. Нариманов. Указ. соч., стр. 21—22, рис. 5 (1, 2) и др.

¹⁰³ ОАК за 1897 г., стр. 16—17, рис. 59, 60; ОАК за 1898 г., стр. 34—35, 37—38, табл. I (12—14), II (23), III (35—40), IV (51—53); А. А. Иессен. К хронологии..., стр. 171—173, табл. II (1, 2, 6); *его же*. К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе. ИГАИМК, вып. 120. М.—Л., 1935, стр. 84, рис. 4; Т. Б. Попова. Там же, стр. 28—31, табл. V, VIII (1—5), IX, XVII (2, 3), XIX (2, 3), XXI (2—4); Р. М. Мунчаев, В. И. Сариниди. Бамутские курганы..., стр. 96, рис. 27 (55).

¹⁰⁴ Ш. Чартолани. Древнейшие медные орудия и оружие. Исторический сборник АН Груз. ССР, т. 2. Тбилиси, 1970, стр. 301—303, табл. IX (2,3). (На груз. яз.)

¹⁰⁵ ОАК за 1897 г., стр. 16, рис. 59.

изделия особенно многочисленны в комплексах середины—конца III тыс. до н. э. (поселения Мешоко, Хаджох III, Ясенева Поляна, Долинское, Луговое, Великентское, Каякентское, Верхнегунибское и многие другие)¹⁰⁶.

Круглые в сечении костяные стрелы из гробницы, украшенные золотыми конусовидными наконечниками из тончайших (фольговидных) золотых пластин, аналогичны костяной стреле, происходящей из кургана конца III тыс. до н. э. у с. Шалущка¹⁰⁷. По всем данным, такие находки мало характерны для памятников майкопской культуры. Зато сходные с ними по форме костяные стрелы, но без металлических наконечников, найдены в комплексах раннебронзового века Закавказья. В частности, отдельные экземпляры их хранятся в экспозициях краеведческих музеев городов Мцхета и Ахмета (Грузия).

Как видно, разнообразные находки из Нальчикской гробницы имеют многочисленные аналогии в погребальных и бытовых комплексах энеолита и ранней бронзы Кавказа и других областей Евразии. Причем особое сходство ее могильный инвентарь (как, кстати, и погребальный обряд) проявляет с материалами майкопской культуры Северного Кавказа, на территории бытования которой располагалось и данное погребальное сооружение.

Близость Нальчикской гробницы памятникам этой культуры, в частности, большому Майкопскому кургану, наглядно прослеживается и при сравнении результатов спектрального анализа металлических изделий, найденных при их раскопках. В связи с этим следует напомнить, что, по исследованиям Е. Н. Черных, бронзовые предметы майкопской культуры по составу примесей в металле делятся главным образом на две группы. Металлические изделия I майкопской группы (МК I) характеризуются высоким содержанием примесей никеля (от 0,10 до 4,4%), а бронзы II майкопской группы (МК II) отличаются полным отсутствием или весьма незначительным содержанием этого элемента (от 0 до 0,045%)¹⁰⁸. Причем все уникальные бронзовые изделия из большого Майкопского кургана (плоский нож-«бритва», мотыга и топор-мотыга), которые имеют переднеазиатское происхождение и считаются наиболее древними металлическими орудиями на Северном Кавказе, относятся к I (высоконикелевой) группе; кроме того, в эту же группу, наряду с несколькими случайными находками в Прикубанье, включены отдельные предметы из курганов у ст. Новосвободной, Костромской, Андриюковской, с. Бамут и др.¹⁰⁹. Остальные бронзовые изделия майкопской культуры, включая и несколько находок из основного погребения большого Майкопского кургана (топор, тесло, два долота и шило), входят во II группу¹¹⁰.

Особого внимания заслуживает вывод Е. Н. Черных о том, что в отличие от мышьяковистых бронз (МК II), имеющих кавказское происхождение, источники высоконикелевых металлов (МК I) «следует искать к югу от Закавказья — в Иране, Передней Азии и Анатолии»¹¹¹.

¹⁰⁶ См., например: А. Д. Столяр. Указ. соч., стр. 98, рис. 14 (10); А. А. Формозов. Каменный век..., стр. 110—112, рис. 54 (7, 9, 11), 55 (6—11); А. П. Круглов, Б. Б. Пиотровский, Г. В. Подгаецкий. Указ. соч., стр. 109—112, рис. 63; А. П. Круглов, Г. В. Подгаецкий. Указ. соч., стр. 174—181, рис. 22 и 25; Р. М. Мунчаев. Древнейшая культура..., стр. 61—66, рис. 14—16; *его же*. Памятники майкопской культуры..., стр. 179, рис. 1; А. П. Круглов. Северо-Восточный Кавказ во II—I тыс. до н. э. МИА, № 68. М.—Л., 1958, стр. 23—25, 35, рис. 2 (1—8), 8 (1—5); В. М. Котович. Указ. соч., стр. 109—111, 115, 125, рис. 43, 45 (1—3, 9, 10, 12, 17, 21), 49 (4, 6) и др.

¹⁰⁷ Раскопки И. М. Мизнева, А. Х. Нагоева и Р. Ж. Бетрзова в 1972 г.

¹⁰⁸ Е. Н. Черных. История древнейшей металлургии Восточной Европы. М., 1966, стр. 36—40, табл. I и II.

¹⁰⁹ Там же, стр. 39, 97—99, табл. I, рис. 27.

¹¹⁰ Там же, стр. 100—103, табл. II, рис. 28.

¹¹¹ Там же, стр. 44—45.

Результаты приближенного количественного спектрального анализа бронзовых предметов из Нальчикской гробницы, проведенного Е. Н. Черных (кабинет спектрального анализа ИА АН СССР), показали, что оба топора, долото, тесло и обломки предполагаемой миски относятся к I майкопской (высоконикиелевой) группе металла, а котел и 2-е шило — ко II группе (см. «Приложения» — табл. 3)¹¹². Весьма примечательно, что Нальчикская подкурганная гробница является пока единственным погребальным памятником эпохи энеолита и бронзы Северного Кавказа, не исключая и большой Майкопский курган, в котором явно подавляющее большинство металлических орудий и оружия изготовлено из высоконикиелевой бронзы.

По последней периодизации А. А. Иессена, майкопская культура делится на два хронологических этапа: I этап, соответствующий периоду сооружения большого Майкопского кургана и близких ему по времени памятников, датируется 2500—2400 гг. до н. э.; II этап, представленный подкурганными дольменами у ст. Новосвободной и другими памятниками этого же периода, определяется в пределах 2300—2100 гг. до н. э.¹¹³

Очевидно, что Нальчикская гробница как по погребальному обряду, так и по характеру значительной части могильного инвентаря наибольшее сходство проявляет с дольменами ст. Новосвободной, т. е. относится ко II этапу развития майкопской культуры.

В то же время нельзя не заметить, что в материалах гробницы прослеживается ряд признаков, не вполне характерных для новосвободных дольменов и других памятников этого же периода, но отмеченных в большом Майкопском кургане. К числу этих признаков относятся: юго-западная ориентировка погребальной камеры, коллективность захоронения, цинковка под бронзовыми предметами, выложенные галечником полы, архаичность форм некоторых предметов (например, 2-го бронзового топора), наличие золотых или серебряных пластинок, которые, очевидно, украшали матерчатую основу какого-то шатровидного навеса над покойниками, и т. д.

Такие архаичные черты в погребальном обряде и инвентаре Нальчикской гробницы указывают на то, что она была сооружена если не в самом начале II этапа развития майкопской культуры, то во всяком случае значительно раньше конца этого же этапа.

Основываясь на совокупности всех этих наблюдений, данный погребальный памятник можно датировать временем, близким к XXII в. до н. э.

Нет необходимости доказывать, что туфовые стелы, использованные при сооружении гробницы вторично, были изготовлены еще раньше. Однако едва ли хронологический разрыв между их изготовлением и временем постройки гробницы мог быть слишком длительным.

Для обоснования этого тезиса напомним о некоторых особенностях Нальчикского грунтового могильника, располагавшегося, как указывалось, поблизости от гробницы. Его наиболее ранние захоронения, по вполне аргументированному заключению А. А. Формозова, хронологически сближаются с большим Майкопским курганом и с нижними горизонтами поселения Мешоко¹¹⁴. Однако по погребальному обряду и инвентарю эти же захоронения могильника, имевшие в основном широтную ориентировку, не относятся к кругу памятников раннемайкопской культуры, а представляют собой иную культуру того же периода, харак-

¹¹² Спектральный анализ 3-го шила не произведен.

¹¹³ А. А. Иессен. Майкопская культура и ее датировка. «Тезисы докладов на заседаниях Отделения исторических наук АН СССР, посвященных итогам полевых исследований 1961 года». М., 1962, стр. 21.

¹¹⁴ А. А. Формозов. Каменный век..., стр. 146—147.

терную для племен именно центральной части Северного Кавказа. По всем данным, эти племена, по сравнению с населением Прикубанья, в гораздо меньшей степени подверглись воздействию южных культур и достигли к тому времени лишь **энеолитической ступени** развития. Иными словами, в период, соответствующий I этапу майкопской культуры (т. е. в 2500—2400 гг.), население Центрального Предкавказья и, в частности, территории современной Кабардино-Балкарии находилось только в самой начальной стадии знакомства с наиболее ранними металлическими изделиями, проникавшими сюда лишь спорадически¹¹⁵. Во всяком случае пока нет почти никаких доказательств, свидетельствующих о сколько-нибудь значительном распространении бронзовых орудий труда на данной территории ранее конца I — начала II этапов майкопской культуры.

Значение всего этого для датировки нальчикских стел станет вполне понятным, если обратить внимание на характер обработки поверхности плит и, в частности, на особенности техники их орнамента: они наглядно указывают не только на применение образцов, но и на использование металлических орудий труда с довольно высоким коэффициентом полезного действия¹¹⁶. Такими орудиями могли быть массивные бронзовые топоры, тесла и долота, аналогичные найденным в самой же гробнице¹¹⁷.

Руководствуясь указанными фактами и соображениями, я склонен полагать, что нальчикские стелы были изготовлены не ранее самого конца майкопского — начала новосвободненского этапов майкопской культуры (по А. А. Иессену — около 2400—2300 гг. до н. э.). Если напомнить, что по своему первоначальному назначению эти стелы использовались не позднее времени сооружения гробницы, то наиболее вероятной и приемлемой датировкой для них можно признать период, ограниченный **в пределах XXIV—XXII вв. до н. э.**

Следовательно, нальчикские стелы следует отнести к числу древнейших памятников этого вида, известных сейчас на территории СССР и в южных областях Западной Европы.

III. КЕРАМИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛ

На исследованном нами участке древнего поселения, перекрытом Нальчикским курганом и гробницей, а также в насыпи этого кургана собрано более 1200 обломков разнообразной глиняной посуды. К сожалению, столь значительный материал состоит из мелких разрозненных черепков с окатанными краями. Поэтому наши представления о формах и размерах сосудов весьма приблизительны.

По фактуре, характеру обработки поверхности и качеству обжига всю керамику можно в основном разделить на три группы.

I группа представлена фрагментами разнообразных сосудов с розовато-желтой, красно-охристой и красно-оранжевой поверхностью. Они были изготовлены из хорошо отмученной глины, очищенной от всяких примесей, или содержащей лишь незначительные включения мелкозернистого песка и чешуек слюды. Обжиг посуды равномерный, хотя и не всегда достаточно сильный.

¹¹⁵ А. А. Формозов. Каменный век..., стр. 147; см. также: А. П. Круглов, Б. Б. Пиотровский, Г. В. Подгаецкий. Указ. соч., стр. 125 и сл.

¹¹⁶ Мысль об использовании металлических орудий при изготовлении и обработке стел Нальчикской гробницы подтверждает и скульптор Э. Ж. Озон.

¹¹⁷ Кстати, интересно отметить, что ширина желобчатой (рабочей) части бронзового долота, обнаруженного в гробнице, почти полностью совпадает с шириной желобковых узоров на некоторых из нальчикских стел.

В этой группе керамики можно выделить три типа.

1-й тип составляют 83 обломка (почти 10% всей керамики I группы), отличающиеся наиболее тонкими стенками (до 0,5—0,8 см), сквозным высококачественным обжигом и лощеной поверхностью; преобладает красно-оранжевое и розовато-желтое лощение. Большинство горшков этого типа не превышало в высоту 25 см; они имели шаровидное тулово, небольшое уплощенное дно, короткую, но довольно широкую шейку и умеренно или слабо отогнутый венчик с утонченным краем. На поселении Мешоко аналогичная керамика обнаружена лишь в нижних горизонтах, синхронных с большим Майкопским курганом¹. Обломки подобных же тонкостенных лощеных сосудов найдены и на поселении «Замок» у г. Кисловодска, значительная часть материалов которого представлена различными предметами весьма архаичных форм, хронологически близкими к середине III тыс. до н. э. (каменные долотца и клиновидные топоры, глиняные статуэтки типа найденных на Агубековском поселении и в Нальчикском могильнике, многочисленные обломки каменных браслетов и т. д.)².

Во 2-й тип керамики I группы выделены 735 обломков от сосудов среднего и крупного размеров, толщина стенок которых составляет от 1—1,5 до 2 см; по всем данным, высота таких сосудов варьировала от 25—30 до 50 см. Среди этой керамики можно выделить сосуды с яйцевидным, а также с шаровидным или уплощенно-шаровидным (раздутым у плечиков) туловом. Для них характерны плоские днища с относительно малыми размерами диаметра, которые иногда утолщены по самому краю, у места перегиба в тулово. Большинство сосудов имеет широкую, но не высокую горловину, почти вертикально соединяющуюся с округлыми или подчеркнута выраженными плечиками тулова. У них умеренно отогнутый венчик с утонченным и плавно закругленным краем; изредка встречаются сосуды и с прямым или, наоборот, круто отогнутым венчиком (рис. 33, 1, 2, 6, 7; рис. 34, 1; рис. 35, 9). В очень редких случаях к тулову некоторых сосудов 2-го типа I группы прикреплялись овальные в сечении ручки. Из трех таких ручек одна отличается крупными размерами и красно-оранжевым лощением (рис. 34, 4), а две другие имеют розовато-желтую пачкающую поверхность (рис. 34, 5, 6).

По характеру обработки поверхности керамика 2-го типа неоднородна. Так, поверхность более половины черепков сильно пачкающая, а у остальной части тщательно заглажена и умеренно залощена. В изломах черепков прослеживается серая прослойка, которая свидетельствует о слабом прокале стенок посуды при обжиге.

Кстати, специальное термическое изучение нескольких образцов аналогичной керамики из Долинского поселения, проведенное еще в довоенные годы, «показало, что температура обжига ее была ниже 850° С и была недостаточной для получения нормального черепка из подобного сорта охристой глины, не давая возможности силикатам закиси железа перейти в окисные... Обжиг производился без печей, вероятно, на костре, защищенном с боков глиняной стенкой»³.

В связи с этим здесь же можно указать, что в 25—30 м к югу от Нальчикского кургана с гробницей были открыты необычайно мощные скопления сильно пережженной земли, керамического шлака, пепла и золы, среди которых встречались многочисленные обломки крупных сосудов 2-го типа I группы. Судя по всему, в этом месте распола-

¹ А. Д. Столяр. Указ. соч., стр. 88; А. А. Формозов. Каменный век..., стр. 75—78, 83, 118—119, табл. II.

² А. П. Рунин. Энеолитическое поселение близ Кисловодска. СА, 1967, № 1, стр. 228—233.

³ А. П. Круглов, Г. В. Подгаецкий. Указ. соч., стр. 185.

галась примитивная гончарная печь открытого (кострового) типа, которая могла обеспечить хотя и недостаточно сильный, но весьма равномерный прокал стенок посуды при обжиге. К сожалению, об особенностях этого памятника не удалось получить почти никаких сведений, так как он был разрушен до основания. Примечательно, что вблизи от места нахождения печи, а также в прилегающих к ней участках полностью отсутствовал культурный слой — она располагалась за пределами обследованного нами Нальчикского поселения. Очевидно, как и на некоторых поселениях эпохи ранней бронзы других областей (например, Великентское в Дагестане⁴ и Лука-Врублевское на Украине⁵), здесь также обжигательная печь в противопожарных целях была сооружена на определенном отдалении от жилищ.

Сосуды 2-го типа рассматриваемой группы проявляют значительное сходство с керамикой многочисленных памятников майкопской культуры. В числе их можно указать: навесы Хаджох I и Хаджох III, курганы у ст. Новосвободной, Костромской, Тбилисской и Усть-Джегутинской в Прикубанье⁶, Долинское и Урухское поселения, курганы у с. Старый Лескен, Старый Урух, близ хут. Соломенка и насыпь Нальчикского грунтового могильника в Кабардино-Балкарии⁷, прот Шау-Лебет у с. Дзигвис в Северной Осетии⁸, Луговое и Сержень-Юртское поселения, Бамутские и Бачи-Юртские курганы в Чечено-Ингушетии⁹ и многие другие пункты.

За пределами Северного Кавказа подобная керамика найдена в комплексах энеолита и ранней бронзы юга Украины (например, курганы близ г. Одессы, у с. Михайловки и Грушевки)¹⁰, в Армении (Джерарат)¹¹ и особенно много в Грузии (Греми, Сиони, Земо-Бодбе, Арашанда, Тетрицкаро и пр.)¹².

3-й тип керамики I группы представлен обломками мисок. В общей массе керамического материала I группы они составляли около 10% (не менее 80 черепков и в том числе 22 фрагмента венчиков). Судя по особенностям венчиков этих сосудов, можно предполагать,

⁴ В. Г. Котович. Новые археологические памятники Южного Дагестана. МАД, т. 1. Махачкала, 1959, стр. 123—126; Р. М. Мунчаев. Древнейшая культура..., стр. 45.

⁵ С. Н. Бибииков. Раннетрипольское поселение Лука-Врублевская на Днестре. МИА, № 38, 1953, стр. 21.

⁶ ОАК за 1897 г., стр. 16, рис. 54—57; ОАК за 1900 г., стр. 42; А. А. Формозов. Археологические исследования пещер в верховьях реки Белой в Краснодарском крае. СМАА, т. 2. Майкоп, 1961, стр. 50—67; *его же*. Каменный век..., стр. 79—80, 117—119; Т. Б. Попова. Указ. соч., стр. 18—20, табл. XII (3), XV (1—3); Р. М. Мунчаев, А. Л. Нечитайло. Комплексы майкопской культуры в Усть-Джегутинском могильнике. СА, 1966, № 3, стр. 147—148.

⁷ А. П. Круглов, Б. Б. Пиотровский, Г. В. Подгаецкий. Указ. соч., стр. 124—125; А. П. Круглов, Г. В. Подгаецкий. Указ. соч., стр. 185—190, 197, рис. 25 (6), рис. 26 (1—2), 29, табл. VIII, IX (1—2), XI (6—7); Е. И. Крупнов. Отчет о работе археологической экспедиции 1947 г., стр. 285; *его же*. Археологические исследования в Кабардинской АССР в 1948 г., стр. 226—230; *его же*. Древняя история и культура..., стр. 56—66, рис. 12; Л. Г. Нечаева, И. М. Мизиев. Поселение раннебронзового века на р. Урух. АО 1968 года. М., 1969, стр. 104—105.

⁸ В. П. Любин. Энеолитический комплекс из грота Шау-Лебет. КСИА, вып. 108. 1966, стр. 51—53.

⁹ Р. М. Мунчаев. Древнейшая культура..., стр. 101—105, табл. IV (2), XII; *его же*. Памятники майкопской культуры..., 180—181, 191—196, рис. 13; В. И. Марковин. Археологические разведки в Чечено-Ингушетии. КСИА, вып. 93. 1963, стр. 63, рис. 23 (2) и др.

¹⁰ А. В. Добровольский. Раскопки кургана в предместье Одессы Слободка-Романовка. ЗООИД, XXXII. Одесса, 1915, стр. 134, табл. II (1—2); Д. У. Бліфельд. Курган эпохи бронзы в с. Грушівка. АП, X. Київ, 1961, стр. 47, табл. I (1).

¹¹ Цит.: Р. М. Мунчаев. Древнейшая культура..., стр. 102.

¹² Ш. Ш. Дедабришвили. Памятники эпохи ранней и средней бронзы. В сб. «Труды Кахетской археологической экспедиции (1965—1966 гг.)», т. I. Тбилиси, 1971, стр. 69—75; *его же*. Работы второго отряда Кахетской археологической экспедиции. АО 1970 г. М., 1971, стр. 366—367.

что они имели невысокие стенки, широко расходящиеся от плоского днища. Края мисок загнуты во внутрь, заметно утончены и закруглены; имеются отдельные экземпляры и с прямым краем (рис. 33, 13—24, рис. 34, 2). Максимальный диаметр многих из них, видимо, равнялся 15—20 см, высота — не более 7—10 см, а наиболее распространенная толщина их стенок варьировала в пределах 0,5—0,9 см. Фрагментов крупных мисок, достигавших в диаметре 25—30 см и толщиной стенок более 1 см найдено очень мало. В целом обломков мисок с лощеной и тщательно заглаженной поверхностью значительно больше, чем с пачкающей поверхностью. Фрагменты аналогичной посуды найдены при раскопках Долинского¹³ и Лугового¹⁴ поселений, а также в насыпи Нальчикского могильника¹⁵. Отдельные экземпляры мисок, но несколько иной формы, известны и в некоторых позднемайкопских комплексах Северо-Западного Кавказа (ст. Новосвободная, полуостров Фонтан и др.)¹⁶.

Формы, размеры и иные типологические особенности остальных 5% керамики I группы (более 40 мелких черепков) совершенно не поддаются определению.

Во II группу, условно названную «промежуточной», можно выделить обломки таких сосудов, которые по одним признакам сближаются с керамикой I группы, а по другим — с керамикой III группы (см. ниже).

Так, по аналогии со 2 и 3-м типами керамики I группы фрагменты сосудов рассматриваемой группы имеют тщательно заглаженную, пачкающую или лощеную поверхность красно-оранжевого и реже светло-коричневого цвета; черты сходства между ними прослеживаются также в формах и размерах. Однако, подобно керамике III группы, сосуды II группы изготовлены из слабо отмученной глины со значительными примесями песка, шамота и чешуек слюды. Их стенки при обжиге прокалены не всегда равномерно. Изломы черепков на всю толщину стенки имеют темно-серый или бурый цвет.

Среди всей керамики поселения обломки таких сосудов составляют 20% (255 черепков). Из них 93 фрагмента имеют толщину стенок от 0,7 до 1 см, 139 фрагментов — от 1 до 1,5 см и 19 фрагментов — от 1,5 до 2—2,3 см. По приблизительным подсчетам, около 82% черепков (более 200) керамики II группы относятся к сосудам среднего и крупного размеров, приближающимся по формам и габаритам ко 2-му типу керамики I группы, а 12% (29 черепков, включая и 7 венчиков) представляют собой обломки мисок, которые сходны с 3-м типом керамики той же I группы.

В целом фрагменты сосудов II группы можно сравнивать с определенной частью керамики из насыпи Нальчикского грунтового могильника¹⁷, Долинского поселения¹⁸ и некоторых других памятников ранне-бронзового века Северного Кавказа.

К III группе керамики относятся обломки сосудов весьма грубой выделки, которые изготовлены из слабо отмученной глины с большими примесями шамота, крупнозернистого песка и мелких камешков. Обжиг посуды некачественный, прокал стенок неравномерный. Черепок в изломе имеет бурый или темно-серый цвет. Поверхность этих сосудов

¹³ А. П. Круглов, Г. В. Подгаецкий. Указ. соч., стр. 187, рис. 27 (6—13).

¹⁴ Р. М. Мунчаев. Древнейшая культура..., стр. 114—115, табл. IX (16—23).

¹⁵ М. И. Ермоленко. Редкая археологическая находка в Кабардино-Балкарской автономной области. Нальчик, 1929, стр. 1—2; А. П. Круглов, Б. Б. Пиотровский, Г. В. Подгаецкий. Указ. соч., стр. 124.

¹⁶ Т. Б. Попова. Указ. соч., стр. 22, табл. XIV (1); А. А. Формозов. Каменный век..., стр. 118.

¹⁷ А. П. Круглов, Б. Б. Пиотровский, Г. В. Подгаецкий. Указ. соч., стр. 123 и сл.

¹⁸ А. П. Круглов, Г. В. Подгаецкий. Указ. соч., стр. 185, 187, 188.

(она такого же бурого и реже темно-серого цвета) небрежно заглажена и в редких случаях обмазана желтой жидкой глиной.

Фрагменты сосудов III группы являются самыми малочисленными: из общего количества керамического материала они составляют лишь 10% (109 черепков). Среди них представляется возможным выделить два типа сосудов.

Для 1-го типа сосудов (35 черепков с толщиной стенок в 1—1,5 см) характерны приземистые формы, округлые плечики, широкие горловины и невысокие, умеренно или слабо отогнутые венчики с округлым краем. Их плоские или слегка вогнутые во внутрь днища имеют относительно большие размеры (от 10 до 15 см в диаметре). К некоторым из сосудов на уровне плечиков прикреплялись овальные ручки (их найдено 5 экземпляров). По приблизительным подсчетам, высота посуды данного типа варьировала в пределах 25—35 см, а максимальный диаметр тулова достигал 30—40 см.

Во 2-й тип керамики III группы выделено более 60 обломков от небольших кухонных горшков с толщиной стенок 0,7—1 см. Высота их не превышала 20—25 см при таких же почти размерах диаметра тулова, имевшего в большинстве случаев округлую форму. Днища горшков плоские, венчики прямые или умеренно отогнутые наружу, горловины короткие и относительно широкие.

Ближайшие аналогии керамике III группы имеются в материалах Долинского поселения¹⁹, а также нижнего слоя поселения у с. Урух II²⁰. Кроме того, по ряду признаков, и прежде всего по составу глины, качеству обжига и особенностям обработки поверхности, значительная часть фрагментов этой группы проявляет заметное сходство с неощенной грубой керамикой из позднемайкопских комплексов Прикубанья (нижние горизонты Мешоко, Ясенева Поляна, Скала, хут. Веселый и др.)²¹. И, наконец, по технологии же изготовления некоторые обломки сосудов III группы, отличающиеся темно-серым цветом черепка или обмазанные по поверхности жидкой глиной, можно сравнивать с определенной частью керамики раннебронзового века Дагестана, выделенной Р. М. Мунчаевым во II группу²². Как известно, последняя также изготовлена из плохо отмученной глины, содержащей большое количество различных примесей (более всего сланца), почти всегда слабо и неровно обожжена и имеет черный, темно-серый и реже бурый цвет черепка²³. Причем керамика этой группы, особенно та ее часть, поверхность которой обмазывалась жидкой глиной, характерна главным образом именно для территории Дагестана (поселение Великентское, Каякентское, Гинчинское и т. д.)²⁴. Но образцы подобной керамики обнаружены и на поселениях Чечено-Ингушетии (Луговое и Сержень-Юртовское)²⁵, а также далеко за пределами Северного Кав-

¹⁹ А. П. Круглов, Г. В. Подгаецкий. Указ. соч., стр. 185, 187, 189, 190, табл. VII (2), VIII (1, 2, 4), IX (5—9).

²⁰ Хранятся в отделе археологии ЛОИЭ АН СССР.

²¹ А. Д. Столяр. Указ. соч., стр. 88; А. А. Формозов. Каменный век..., стр. 76—79; *его же*. Периодизация поселений майкопской культуры. Историко-археологический сборник, посвященный 60-летию А. В. Арциховского. М., 1962, стр. 33—37; А. А. Формозов, Е. Н. Черных. Новые поселения майкопской культуры в Прикубанье. КСИА, вып. 101. 1964, стр. 106—109.

²² Р. М. Мунчаев. Древнейшая культура..., стр. 75, 93—97.

²³ Там же.

²⁴ А. П. Круглов. Указ. соч., стр. 60—61; Р. М. Мунчаев. Древнейшая культура..., стр. 96—97; В. М. Котович. Указ. соч., стр. 146—196; М. Г. Гаджиев. Новые данные о южных связях Дагестана в IV—III тысячелетиях до н. э. КСИА, вып. 108, стр. 57—59.

²⁵ Р. М. Мунчаев. Там же, стр. 116—117; *его же*. Памятники майкопской культуры..., стр. 184—185; Н. Я. Мерперт. Раскопки Сержень-Юртовского поселения в 1960 году. КСИА, вып. 88, 1962, стр. 38; А. А. Иерусалимская, В. И. Козенкова, Е. И. Крупнов. Древние поселения у с. Сержень-Юрт в Чечено-Ингушетии. КСИА, вып. 94. 1963, стр. 46.

каза — в Триполье (правобережная Украина), Уре (Месопотамия), Трое (восточное Средиземноморье)²⁶.

Таковы основные сведения о формах, размерах, технологии изготовления и иных особенностях трех явно доминирующих групп керамики, найденной при раскопках Нальчикского кургана с гробницей.

Кроме того, среди выявленного здесь же керамического материала выделяются 10 обломков **чернолощеных** сосудов с толщиной стенок 0,7—1 см. Поверхность пяти из них залощена до зеркального блеска. Подобная посуда изготовлялась из хорошо отмученной глины с примесями мелкозернистого песка. Обжиг слабый, но равномерный. Черепок в изломе имеет серый или темно-серый цвет. Формы и размеры сосудов совершенно не поддаются определению.

Чернолощеная керамика в относительно небольшом количестве найдена в навесах Хаджох I²⁷ и Хаджох III²⁸, в кургане у ст. Мекенской²⁹, близ с. Заюково³⁰ и в других комплексах майкопской культуры. Но необычно интенсивное и широкое распространение керамическая посуда с черным лощением получила в ареале куро-аракской культуры, бытовавшей на весьма обширной территории Закавказья, Иранского Азербайджана, Восточной Анатолии, а также на Северо-Восточном Кавказе³¹.

Касаясь других характерных особенностей анализируемого нами керамического материала, необходимо обратить внимание на крайнюю малочисленность **орнаментированных** фрагментов: найдено всего 20 экземпляров (менее 0,17%)³².

На 11 черепках орнамент представляет нарезные и желобковые линии, проведенные в горизонтальном направлении, нередко в сочетании с вертикальными или наклонными нарезками и вдавлениями (рис. 35, 1—4, 6—7; рис. 36, 1—11). Причем шесть фрагментов, включая и два обломка мисок, относятся к I группе керамики, два фрагмента — к II группе и остальные три — к III группе. В целом узоры на них явно напоминают «вдавленный орнамент в виде нескольких параллельных линий», а также «в виде горизонтальных лент» из параллельных же линий, заштрихованных косыми или перпендикулярными вдавлениями, которые известны на определенной части керамики раннебронзового века Дагестана (например, из первого слоя Верхнегуньбского поселения)³³. Кроме того, эти узоры можно сравнивать с орнаментом в виде нарезных заштрихованных лент, отмеченным на немногочисленных обломках майкопской керамики Прикубанья (Ясенева Поляна, верхние горизонты Мешоко)³⁴ и на отдельных сосудах эпохи бронзы Закавказья (верхние слои холма Наохваму, Триалетские курганы)³⁵. Однако некоторые нарезные ленты на закавказской посуде, в отличие от опи-

²⁶ Цит.: Р. М. Мунчаев. Древнейшая культура..., стр. 96—97; В. М. Котович. Указ. соч., стр. 197—199.

²⁷ А. А. Формозов. Археологические исследования пещер..., стр. 51—52, рис. 13.

²⁸ А. А. Формозов. Периодизация поселений..., стр. 38.

²⁹ Е. И. Крупнов, Н. Я. Мерперт. Указ. соч., стр. 40, рис. 6 (9).

³⁰ А. А. Иессен. Отчет о работе Баксанской экспедиции 1934 года. «Археологические исследования в РСФСР в 1934—1936 гг.». М.—Л., 1941, стр. 223—224.

³¹ См., например: К. Х. Кушнарева, Т. Н. Чубиншвили. Древние культуры Южного Кавказа (V—III тыс. до н. э.). Л., 1970, стр. 136—161; Р. М. Мунчаев. Древнейшая культура..., стр. 79—93; Е. И. Крупнов, Н. Я. Мерперт. Указ. соч., стр. 40—41; М. Г. Гаджиев. Указ. соч., стр. 60.

³² Впрочем, почти такой же незначительный процент орнаментированной керамики характерен для всей майкопской культуры, а также для древнейших культур Северо-Западного Кавказа и Закавказья (А. А. Формозов. Каменный век..., стр. 119; Р. М. Мунчаев. Древнейшая культура..., стр. 78 и сл.).

³³ В. М. Котович. Указ. соч., стр. 186, рис. 65 (11, 15, 18).

³⁴ А. А. Формозов. Каменный век..., стр. 76, 79, рис. 38 (1—2).

³⁵ Там же, стр. 76—78, рис. 38 (3—4); см. также: Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети. Тбилиси, 1941, стр. 383—384, табл. XXIV—XXV.

санного орнамента на нальчикской и верхнегунибской керамике, образованы из ломаных линий³⁶.

На пяти фрагментах изучаемой нами керамики, относящихся к I группе, имеются прямолинейные рельефные валики полуовальной и подтреугольной в сечении форм, которые в четырех случаях окружали тулово сосуда на уровне плечика или ниже венчика (рис. 35, 5; рис. 36, 12—14, 16), а в одном случае опускались вертикально из-под горловины (рис. 35, 9; рис. 36, 15). И хотя по своим основным признакам такие сосуды считаются характерными для майкопской культуры, но орнамент на них наибольшее сходство проявляет с орнаментом в виде прямолинейного рельефного валика с гладкой поверхностью, который довольно часто встречается на местной керамике из второго слоя Верхнегунибского поселения³⁷. Здесь же отмечу, что на глиняной посуде Центрального Предкавказья прямолинейный валиковый орнамент появился не позднее первой половины III тыс. до н. э. (Агубековское поселение)³⁸. В многослойных памятниках куро-аракской культуры, как, впрочем, и на поселении Мешоко, керамика с различными рельефными изображениями почти всегда залегает ниже керамики с нарезными узорами³⁹.

Среди найденного нами керамического материала имеется и три обломка сероглиняных сосудов III группы, которые украшены у венчика горизонтальным рельефным валиком, расчлененным округлыми и косыми вдавлениями (рис. 36, 17, 18, 20). Отдельные аналогии им представлены в материалах Долинского⁴⁰ и Лугового⁴¹ поселений. Но особенно многочисленны фрагменты сосудов с таким орнаментом в комплексах эпохи ранней бронзы Дагестана (Каякентское, Великентское, Мамайтутанское, Верхнегунибское, Гинчинское поселения и др.)⁴². Интересно отметить, что по наличию подобного же орнамента, а также по формам, качеству глины, характеру обработки поверхности и другим признакам данная группа керамики сближается с определенной частью кухонной посуды, выявленной на поселениях трипольской культуры Правобережной Украины⁴³.

И, наконец, один из красноощенных обломков керамики II группы украшен крупным сосцевидным налепом (рис. 35, 8; рис. 36, 19). Такие рельефные налепы, характерные для керамики из средних горизонтов поселения Мешоко, А. Д. Столяр считает прообразом жемчужного орнамента⁴⁴, а А. А. Формозов связывает с сосудами типа лицевых урн, которые имеют переднеазиатское происхождение⁴⁵. Фрагменты сосудов с сосцевидными выступами, расположенными иногда попарно или в сочетании с другим орнаментом, найдены на поселениях Ясенева Поляна⁴⁶, в насыпи Нальчикского могильника⁴⁷, в Луговом поселении⁴⁸.

³⁶ А. А. Формозов. Периодизация поселений..., стр. 36, рис. 1 (11); *его же*. Каменный век..., стр. 78, рис. 38.

³⁷ В. М. Котович. Указ. соч., стр. 178, рис. 60 (6) и сл.

³⁸ Е. Ю. Кричевский, А. П. Круглов. Указ. соч., стр. 54—55, рис. 3 (3—4).

³⁹ К. Х. Кушнарёва, Т. Н. Чубиншвили. Указ. соч., рис. 44 (табл.); Р. М. Мунчаев. Древнейшая культура..., стр. 160; А. А. Формозов. Каменный век..., стр. 75—77.

⁴⁰ А. П. Круглов, Г. В. Подгаецкий. Указ. соч., табл. IX (5—7).

⁴¹ Р. М. Мунчаев. Древнейшая культура..., стр. 116—117.

⁴² Там же, стр. 95—96, табл. XI; А. П. Круглов. Северо-Восточный Кавказ..., стр. 26—27, рис. 4 (7—9); В. М. Котович. Указ. соч., стр. 158, 178, 184, рис. 55 (1, 4, 11), 56 (14), 59 (5, 7, 8), 62 (4, 9), 63 (8), 64 (10); М. Г. Гаджиев. Указ. соч., стр. 57—58, рис. 19 (14); *его же*. Раскопки памятников бронзового века в горном Дагестане. АО 1968 года, стр. 102—103.

⁴³ Р. М. Мунчаев. Древнейшая культура..., стр. 96—97; В. М. Котович. Указ. соч., стр. 198—199, 208.

⁴⁴ А. Д. Столяр. Указ. соч., стр. 88, рис. 15 (4—11).

⁴⁵ А. А. Формозов. Каменный век..., стр. 130—131.

⁴⁶ Там же, стр. 132.

⁴⁷ А. П. Круглов, Б. Б. Пиотровский, Г. В. Подгаецкий. Указ. соч., стр. 124.

⁴⁸ Р. М. Мунчаев. Древнейшая культура..., стр. 118, рис. 36 (12—13).

В значительном количестве они обнаружены также в Каякентском, Верхнегунибском и других поселениях Дагестана⁴⁹. Керамика с подобным орнаментом известна и в памятниках Закавказья (Шулавери, Илто, Квацхелеби, Амиранис-гора, Баба-Дервиш и т. д.)⁵⁰, а также более южных областей (Элар, Геой-Тепе и пр.)⁵¹.

Как видно из всего вышеизложенного, охарактеризованная нами керамика имеет в целом многочисленные аналогии в различных комплексах эпохи ранней бронзы Северного Кавказа, Закавказья и более отдаленных областей. Причем явно подавляющая часть ее проявляет наибольшее сходство с керамикой как раннего, так и позднего этапов майкопской культуры. Именно из этого и следует исходить при датировке Нальчикского поселения, на юго-восточной окраине которого была сооружена подкурганная гробница.

Прежде всего, для определения времени возникновения этого поселения весьма существенно то, что фрагменты тонкостенных лощеных сосудов 1-го типа I группы сближаются с наиболее ранней керамикой майкопской культуры, характерной для нижних горизонтов Мешоко (около середины III тыс. до н. э.). Однако следует иметь в виду, что в районе современного г. Нальчика такая керамика могла распространиться несколько позднее: напомним, что в тот период культура племен территории Кабардино-Балкарии находилась еще на энеолитической ступени развития и представлена лишь комплексами типа наиболее древних погребений Нальчикского могильника. С учетом этого керамику 1-го типа I группы из Нальчикского поселения следует относить не к середине III тыс. до н. э., а к последующему времени, которое знаменуется переходом от I этапа ко II этапу развития майкопской культуры (около XXIV—XXIII вв. до н. э.).

На возможность возникновения данного поселения в этот период может указывать и относительная многочисленность обломков красноглиняной посуды с пачкающей поверхностью, рассмотренных нами в составе керамики I и II групп. Дело в том, что результаты археологических изысканий последнего времени позволяют говорить о распространении подобной керамики в средней части Северного Кавказа не во II этапе майкопской культуры и причем не с территории Прикубанья, а в более ранний период из Закавказья. На чем же основано такое предположение?

Во-первых, керамика с пачкающей поверхностью, найденная во многих закавказских памятниках, особенно в Грузии, представляет «собой раннюю группу глиняной посуды куро-аракской культуры»⁵². Так, на поселении Тетрицкаро такая керамика характерна для нижних горизонтов (вторая половина IV тыс. до н. э.); в верхних слоях этого же поселения она встречается вместе с чернолощеной керамикой и другими предметами, относящимися к первой половине III тыс. до н. э.⁵³ Как видно, в Закавказье подобная посуда была в употреблении значительно раньше времени распространения в Предкавказье памятников майкопской культуры.

⁴⁹ А. П. Круглов. Указ. соч., стр. 27, рис. 5 (4, 6); В. М. Котович. Указ. соч., стр. 207, рис. 56 (2, 3, 16, 17), 62 (20, 23, 26), 65 (1, 2).

⁵⁰ Ш. Ш. Дедабришвили. Памятники эпохи ранней и средней бронзы, стр. 55, 60, рис. 13 (5—9); К. Х. Кушнарева, Т. Н. Чубинишвили. Указ. соч., рис. 44 (17, 40, 64, 122).

⁵¹ См., например: К. Х. Кушнарева, Т. Н. Чубинишвили. Там же, рис. 44 (84, 86, 88, 93, 94).

⁵² Ш. Ш. Дедабришвили. Работы второго отряда Кахетской экспедиции, стр. 366—367; *его же*. Памятники эпохи ранней и средней бронзы, стр. 69—73.

⁵³ Цит.: Ш. Ш. Дедабришвили. Памятники эпохи ранней и средней бронзы, стр. 72; Р. Ж. Бетров. К вопросу о культуре племен Центрального Предкавказья в эпоху раннего металла. Вестник КБНИИ, вып. 6. Нальчик, 1972, стр. 304; *его же*. Культура племен Центрального Предкавказья в эпоху раннего металла. Автореферат канд. диссертации. Тбилиси, 1972, стр. 11—12.

Во-вторых, некоторые из закавказских местонахождений керамики с пачкающей поверхностью расположены вблизи перевальных путей (например, Греми), ведущих через Главный Кавказский хребт в среднюю часть Северного Кавказа⁵⁴.

В-третьих, при раскопках почти всех памятников Кабардино-Балкарии, Северной Осетии и особенно Чечено-Ингушетии, содержащих такую керамику (Долинское, Шау-Лебет, Луговое, Сержень-Юртовское и т. д.), найдено большое количество и других глиняных предметов, которые здесь также получили распространение под влиянием культуры племен эпохи ранней бронзы Закавказья (разнообразная чернолощенная посуда с характерным рельефным орнаментом, трехручные сосуды, глиняные, роговидные, подковообразные и цилиндрические очажные подставки, дисковидные керамические крышки от сосудов, плоские глиняные плиты — «жаровни» и пр.)⁵⁵. Причем эти находки имеют наибольшее сходство с материалами, происходящими из северных районов центральной и восточной Грузии⁵⁶. Словом, нет сомнений в том, что интенсивные взаимосвязи между племенами Северного Кавказа и Закавказья в эпоху ранней бронзы поддерживались не только по приморской полосе, но и через удобные перевалы центральной и восточной части Кавказского хребта.

В-четвертых, керамика с пачкающей поверхностью гораздо чаще встречается на Центральном и Северо-Восточном Кавказе⁵⁷, чем в Прикубанье (т. е. чем на основной территории формирования и развития майкопской культуры)⁵⁸.

В-пятых, отдельные памятники, содержащие подобную керамику, на северных склонах центральной и восточной части Главного Кавказского хребта появились значительно раньше периода формирования майкопской культуры. Так, грот Шау-Лебет в Северной Осетии (Куртатинское ущелье), где наряду с чернолощенной керамикой куро-аракской культуры были найдены и обломки красноглиняной посуды с пачкающей поверхностью, датируется не позднее первой половины III тыс. до н. э.⁵⁹. И далее, на одной из Ругуджинских стоянок в Дагестане (стоянка Малин-Карат) фрагменты керамики с «мажущей» поверхностью были обнаружены в комплексе с крупными ножевидными пластинами, характерными для позднего неолита — раннего энеолита⁶⁰.

Перечисленные факты в достаточной мере свидетельствуют о том, что керамика с пачкающей поверхностью проникла из Закавказья в Центральное Предкавказье еще до того, как здесь появились памятники II этапа майкопской культуры.

⁵⁴ Ш. Ш. Дедабришвили. Там же.

⁵⁵ А. П. Круглов, Г. В. Подгаецкий. Указ. соч., стр. 171—173, 186, 188, табл. III, VI (3); А. А. Иерусалимская, В. И. Козенкова, Е. И. Крупнов. Указ. соч., стр. 45, 48, рис. 13 (7—8); Р. М. Мунчаев. Древнейшая культура..., стр. 119—127, рис. 29 (1—4), 35 (41—44), табл. XIX; В. П. Любин. Указ. соч., стр. 51—52, рис. 17 (5, 9).

⁵⁶ Р. М. Мунчаев. Там же, стр. 41 и сл.

⁵⁷ См., например: А. П. Круглов, Б. Б. Пиотровский, Г. В. Подгаецкий. Указ. соч., стр. 124; А. П. Круглов, Г. В. Подгаецкий. Указ. соч., стр. 185; Р. М. Мунчаев. Древнейшая культура..., стр. 105; Р. М. Мунчаев, В. И. Сарцианиди. Бамутские курганы эпохи бронзы. КСИА, вып. 98. 1964, стр. 93—94; В. П. Любин. Указ. соч., стр. 51; В. И. Козенкова. Исследования Сержень-Юртовского поселения в 1963 г. КСИА, вып. 103. 1965, стр. 67; Р. Ж. Бетров. К вопросу о культуре племен..., стр. 295—296.

⁵⁸ СРАВ.: ОАК за 1897 г., стр. 10; ОАК за 1898 г., стр. 33—38; А. Д. Столяр. Указ. соч., стр. 88; А. А. Формозов. Археологические исследования пещер..., стр. 50—67; его же. Периодизация поселений..., стр. 32—40; его же. Новые поселения..., стр. 106—109; его же. Каменный век..., стр. 64—84, 117—120; Т. Б. Попова. Указ. соч., стр. 18—24; см. также: Р. Ж. Бетров. К вопросу о культуре племен..., стр. 303—304.

⁵⁹ К. Х. Кушнарера, Т. Н. Чубиншвили. Указ. соч., стр. 148; Р. Ж. Бетров. К вопросу о культуре племен..., стр. 300 (табл.).

⁶⁰ В. Г. Котович. Каменный век Дагестана. Махачкала, 1964, стр. 205—206.

Имеются определенные основания полагать, что подобная керамика и другие предметы, имеющие южное происхождение, на территории современной Кабардино-Балкарии распространялись в основном не прямо из Грузии, а окольным путем — через Чечено-Ингушетию и Северную Осетию. На мой взгляд, в основном это было связано с тем, что, в отличие от соседних областей Северного Кавказа, в пределах Кабардино-Балкарии нет ни одного сколько-нибудь удобного и легкодоступного перевала или прохода, через Главный Кавказский хребет, который бы способствовал развитию прямых и постоянных взаимосвязей с Закавказьем. Видимо, в этом прежде всего кроется главная причина того, что в высокогорных районах Кабардино-Балкарии, расположенных между Скалистым и Главным Кавказским хребтами (зона Северной депрессии), до настоящего времени не обнаружено ни одного археологического комплекса раннебронзового века, который свидетельствовал бы о непосредственных связях с южными соседями. Абсолютно не известны здесь и какие-либо памятники, представляющие культуру местных (северокавказских) племен той же эпохи. Едва ли будет правильным объяснять такие факты только лишь тем, что высокогорная зона данной республики слабо изучена: ведь обнаружены же здесь сотни археологических объектов и отдельных предметов, относящихся почти ко всем эпохам, за исключением энеолита и ранней бронзы⁶¹. По всем признакам, зона Северной депрессии Кабардино-Балкарии в эту эпоху не была еще прочно заселена, что также препятствовало установлению тесных контактов с населением Грузии. Иная картина прослеживается в горах соседней Северной Осетии, издревле связанной с Закавказьем через Дарьяльский проход и Мамисонский перевал: здесь открыты такие памятники энеолита и ранней бронзы, как грот Шау-Левет, поселения у Верхней и Средней Кобани, Галиатское захоронение и др.⁶²

Вполне естественно, что при отсутствии удобных перевальных путей через Главный Кавказский хребет древние племена современной территории Кабардино-Балкарии, по сравнению с населением более западных и восточных областей Северного Кавказа, подвергались благотворному влиянию высокоразвитых южных культур лишь опосредствованно, а следовательно, позже и в более слабой степени. Именно этим можно объяснить тот факт, что в отличие от соседних племен «обитатели современной территории Кабардино-Балкарии... в значительной мере сохранили свою автаркию»⁶³ и почти до конца I этапа развития майкопской культуры находились, как уже отмечалось, на энеолитической ступени развития. Напомню, что около середины III тыс. до н. э., когда в Прикубанье уже появились такие замечательные памятники раннебронзового века, как большой Майкопский курган и поселение Мешоко (нижние горизонты), культура местных племен современной территории Кабардино-Балкарской республики была представлена еще памятниками энеолита (типа ранних захоронений Нальчикского могильника). Несколько отставали эти племена в своем развитии и в предшествующий период. Так, например, если материалы Агубековского поселения в Кабардино-Балкарии, датируемые в пределах первой половины III тыс. до н. э., отражают стадию перехода общества от позднего неолита к раннему энеолиту, то грот Шау-Левет в горах Северной Осетии, который относится к не менее позднему времени, представлен материалами, характерными уже для переходного периода от энеолита к ранней бронзе.

⁶¹ И. М. Чеченов. Древности Кабардино-Балкарии (материалы к археологической карте). Нальчик, 1969.

⁶² В. П. Любин. Указ. соч., стр. 47—50; Е. И. Крупнов. Материалы по археологии Северной Осетии..., стр. 22—28.

⁶³ А. А. Формозов. Каменный век..., стр. 147, 150.

Нет сомнений, что на территории Кабардино-Балкарии и, в частности, в обследованном нами Нальчикском поселении, керамика с пачкающей поверхностью, а также другие предметы закавказского происхождения появились значительно позже, чем в гроте Шау-Легет и в некоторых памятниках энеолита и ранней бронзы Центрального и Восточного Предкавказья. Впрочем, о таких признаках архаизма, явно прослеживаемых в материальной культуре древнего населения современной территории Кабардино-Балкарии, необходимо помнить не только при датировке Нальчикского поселения, но и при разработке хронологии памятников энеолита и ранней бронзы всей средней части Северного Кавказа.

Уточнению датировки Нальчикского поселения в какой-то мере может способствовать также и сравнение его керамики с материалами хорошо изученного Долинского поселения, относящегося к третьей (наиболее поздней) хронологической группе памятников майкопской культуры по периодизации А. А. Формозова⁶⁴.

В связи с этим необходимо напомнить, что керамический материал Долинского поселения А. П. Кругловым и Г. В. Подгаецким был разделен на две группы: а) фрагменты сосудов с красно-охристой поверхностью, изготовленных из хорошо очищенной и отмученной глины; б) обломки грубой посуды темно-серого или бурого цвета, содержащие значительные примеси щебенки в тесте⁶⁵. Здесь существенно то, что первая, более древняя группа керамики при сравнении с общим количеством фрагментов сосудов второй группы составляет незначительную часть⁶⁶. А среди керамики Нальчикского поселения, наоборот, явно доминируют фрагменты сосудов I группы (более 70%). Кроме того, для Долинского поселения совершенно не характерна тонкостенная лощеная керамика раннего типа (I-й тип I группы), которая, как указывалось, могла распространяться здесь в конце майкопского — в начале новосвободненского этапов майкопской культуры (т. е. около XXIV—XXIII вв. до н. э.). Следовательно, Нальчикское поселение относится к более раннему времени, чем Долинское.

С другой стороны, следует обратить внимание на то, что в керамическом материале Нальчикского поселения довольно многочисленны фрагменты таких сосудов, которые имели широкое распространение на Северном Кавказе до конца III тыс. до н. э. Очевидно, жизнь на данном поселении функционировала вплоть до того времени, когда на его территории была сооружена подкурганная гробница (около XXII в. до н. э.).

Таковы основные доводы, позволяющие датировать Нальчикское поселение в пределах XXIV—XXII вв. до н. э.

IV. МЕСТО НАЛЬЧИКСКОЙ ГРОБНИЦЫ В КРУГУ ПАМЯТНИКОВ ЭПОХИ РАННЕГО МЕТАЛЛА

Научная значимость Нальчикской подкурганной гробницы и поселения может быть показана гораздо рельефнее, если напомнить хотя бы вкратце о некоторых особенностях исторического развития Центрального Предкавказья в тот период, когда здесь не получили еще массового распространения памятники позднемайкопской культуры.

Прежде всего необходимо подчеркнуть, что вышеупомянутые признаки архаизма, сохранявшиеся в материальной культуре племен современной территории Кабардино-Балкарии почти до конца I этапа

⁶⁴ А. А. Формозов. Каменный век..., стр. 83—84, табл. 11.

⁶⁵ А. П. Круглов, Г. В. Подгаецкий. Указ. соч., стр. 185 и сл.

⁶⁶ Там же, стр. 185—191; А. А. Формозов. Каменный век..., стр. 183.

майкопской культуры, в конечном итоге являлись отражением заметного отставания их по уровню социально-экономического развития от населения Северо-Восточного и Северо-Западного Кавказа. Так, на основании имеющихся пока данных можно полагать, что с главными формами производящей экономики — земледелием и скотоводством на территории Кабардино-Балкарии впервые ознакомились лишь ко времени возникновения Агубековского поселения¹. Во всяком случае, пока нет почти никаких фактов, которые указывали бы на то, что именно на данной территории это важнейшее историческое явление имело место ранее самого конца IV — начала III тыс. до н. э.²

Что же касается племен Прикубанья, то они «еще с неолитической эпохи наладили обменные отношения по Черноморскому побережью с населением Малой и Передней Азии» и перешли от присваивающего хозяйства к хозяйству производящему не позднее середины IV тыс. до н. э.»³. В еще более ранний период земледелие и скотоводство распространились и на территории Дагестана, древнейшее население которого поддерживало тесные связи с высокоразвитыми областями Юга по Каспийскому побережью⁴.

Вполне естественно, что такой консерватизм в экономике древних обитателей Кабардино-Балкарии нашел отражение и в особенностях социальной структуры общества. И действительно, судя по материалам ранних захоронений того же Нальчикского могильника, местное население данной территории вплоть до начала последней трети III тыс. до н. э. состояло, вероятнее всего, из относительно небольших матриархально-родовых групп, почти не затронутых процессом социально-имущественной дифференциации⁵.

Совершенно иная картина складывается к этому же времени на территории Прикубанья. Археологические материалы неоспоримо свидетельствуют, что не позднее середины — начала второй половины III тыс. до н. э. здесь проживали монолитные и экономически сильные патриархально-родовые группы с развитым скотоводческо-земледельческим хозяйством. Объединенные под властью племенных вождей, они были в состоянии сооружать на поселениях мощные оборонительные стены из камня (Мешоко), возводить огромные курганы (Майкоп), поддерживать интенсивные культурно-экономические связи с весьма отдаленными областями и т. д. Создание избыточного продукта и накопление в руках отдельных представителей родо-племенной верхушки зна-

¹ И. М. Чеченов. Доклад на расширенном заседании секторов археологии ЧИНИИ, СОНИИ, КБНИИ 16 марта 1971 г. в г. Орджоникидзе. Это положение более или менее подробно рассмотрено мной в готовящейся к печати монографии «Очерки древней истории и археологии Кабардино-Балкарии».

² В то же время трудно согласиться с широко распространенным мнением, что якобы древние обитатели территории Кабардино-Балкарии в первой половине III тыс. до н. э. еще не были знакомы с навыками производящей экономики, занимались только охотой и собирательством, а зачатки земледелия и скотоводства у них появились лишь ко времени возникновения Нальчикского могильника (см: Е. Ю. Кричевский и А. П. Круглов. Указ. соч., стр. 61; А. А. Иессен. Археологические памятники..., стр. 15; А. Л. Монгайт. Археология СССР. М., 1955, стр. 85; Е. И. Крупнов. Древнейший период истории Кабарды. «Сборник статей по истории Кабарды», вып. 1. Нальчик, 1951, стр. 32; его же. Древняя история и культура..., стр. 31, 36—37; «История Кабардино-Балкарской АССР с древнейших времен до наших дней», т. 1. М., 1967, стр. 16—18; Р. Ж. Бетрозов. К вопросу о культуре племен..., стр. 300—301).

³ А. А. Формозов. Неолит Крыма и Черноморского побережья Кавказа. МИА, № 102. М., 1962, стр. 148—149; его же. О хозяйстве племен майкопской культуры Прикубанья. КСИА, вып. 88. 1963, стр. 29; его же. Каменный век..., стр. 57, 147.

⁴ «История Дагестана», т. 1. Махачкала, 1967, стр. 32—34.

⁵ А. А. Иессен. Археологические памятники..., стр. 16; А. П. Круглов, Б. Б. Пиотровский, Г. В. Подгаецкий. Указ. соч., стр. 34—35; «История Кабардино-Балкарской АССР...», стр. 17—19.

чительных богатств в виде стад скота, предметов роскоши из драгоценных металлов, бронзовых орудий и оружия заложили основы для распада родового строя и появления социально-имущественного неравенства на территории Северо-Западного Кавказа еще на раннем этапе развития майкопской культуры⁶.

Необычайно богатый в количественном и качественном отношении могильный инвентарь, особенности погребального обряда и размеры большого Майкопского кургана, наряду с материалами раскопок других синхронных памятников Прикубанья, явно указывают не только на выделение из среды общинников представителей родо-племенной верхушки и усиление власти вождей, но и на появление патриархального рабства⁷.

Итак, в отличие от Прикубанья и некоторых других районов Северного Кавказа, территория Кабардино-Балкарии вплоть до начала последней трети III тыс. до н. э. была заселена почти совершенно недифференцированными в социально-имущественном отношении матриархально-родовыми группами. Несмотря на все усиливающиеся культурно-экономические связи с более развитыми областями, земледелие и скотоводство на данной территории к этому времени оставались очень слабо развитыми, а металл здесь, очевидно, знали только по мелким привозным украшениям («медное» колечко в одном из ранних захоронений Нальчикского могильника⁸ и серебряные полусферические бляшки из основного погребения кургана у с. Верхний Акбаш⁹).

Нет особой необходимости доказывать, что появление вскоре же на территории Кабардино-Балкарии памятников типа Нальчикской гробницы является главным образом не следствием закономерного внутреннего развития экономики и культуры местного населения, а результатом непосредственного продвижения сюда какой-то более высокоразвитой этнической группы извне. Какой же именно?

Уже указывалось, что по погребальному обряду и инвентарю Нальчикская гробница проявляет наибольшее сходство с подкурганскими дольменами ст. Новосвободной. Последние я склонен рассматривать как **памятники смешанного типа**, которые сочетают в себе в основном признаки двух культур — майкопской и дольменной. С майкопской культурой новосвободненские дольмены сближают возведенные над ними большие курганные насыпи, особенности трупоположения (скорченные костяки, лежавшие на боку), южная ориентировка погребальных камер и погребенных, обычай обильно посыпать покойников красной краской, характер значительной части могильного инвентаря и т. д. С дольменной же культурой Западного Кавказа эти памятники тесно связываются по наиболее устойчивому и существенному признаку — по типу погребального сооружения (монументальные мегалитические постройки с характерными конструктивными особенностями). Нетрудно заметить, что почти такие же признаки двух культур точно в такой же закономерности сочетаются в Нальчикском кургане с гробницей.

Все эти факты и суждения, в синтезе с результатами изучения других кавказских памятников раннебронзового века, дают достаточные основания полагать, что древние обитатели окрестностей современного г. Нальчика, оставившие нам данный погребальный комплекс, могли быть тесно связаны с племенами, построившими новосвободненские подкурганские дольмены, не только в культурно-экономическом отношении, но и этнически. В этой связи Нальчикскую гробницу следует

⁶ А. А. Иессен. К хронологии..., стр. 195—197; А. А. Формозов. Каменный век..., стр. 98—99, 151, рис. 46.

⁷ ОАК за 1897 год, стр. 2—11; А. А. Формозов. Там же, стр. 151.

⁸ А. П. Круглов, Б. Б. Пиотровский, Г. В. Подгаецкий. Указ. соч., стр. 88, 114.

⁹ Е. И. Крупнов. Археологические исследования в Кабардинской АССР..., стр. 210—213, рис. 16; см. также: А. А. Формозов. Каменный век..., стр. 77, 83, табл. 2.

считать еще одним, причем весьма выразительным памятником, свидетельствующим о продвижении части прикубанских племен на современную территорию Кабардино-Балкарии и к востоку от нее.

С какими бы конкретными событиями ни были связаны причины этой миграции, все же в конечном итоге данный процесс, на мой взгляд, является следствием тех значительных изменений в социально-экономическом и культурном развитии населения Северо-Западного Кавказа на протяжении первого — начала второго этапов майкопской культуры, о которых частично упоминалось выше. Расположение поселений майкопской культуры Прикубанья в удобных для обороны местах и особенно мощные каменные стены Мешоко и Ясеновой Поляны наглядно указывают на усиление межплеменной вражды, на частые столкновения между общинами¹⁰.

И это вполне естественно, поскольку в условиях начавшегося распада родовых отношений и выделения из среды общинников представителей родо-племенной верхушки резко усилилось стремление вождей племен укрепить свои экономические привилегии путем захвата чужих стад, пастбищ и других богатств. К тому же интенсивный рост поголовья скота, а также зарождение и развитие в последних веках III тыс. до н. э. местного металлургического производства, по всей вероятности, требовали новых обширных пастбищных угодий и новых, легко доступных для разработки месторождений цветных металлов. Поэтому постоянные и жесткие конфликты наиболее сильных племен майкопской культуры Прикубанья со временем стали происходить, очевидно, не только с этнически родственными им коллективами данной же территории, но и с носителями чуждых культур соседних областей. В частности, можно полагать, что мирные сношения майкопских племен как с южными соседями — носителями дольменной культуры горной и предгорной зон Северо-Западного Кавказа, так и с обитателями степных районов Предкавказья — ямниками зачастую прерывались военными столкновениями между ними. В этой связи значительного внимания заслуживает вывод В. И. Марковина о том, что «пришлое население, оставившее дольмены, вытеснило и частично слилось с носителями майкопской культуры» и что, возможно, именно поэтому последние «продвинулись так далеко в сторону от Каспийского моря, идя вдоль северных склонов Главного Кавказского хребта»¹¹. Такое заключение находится в прямом соответствии с фактом интенсивного распространения на территории Центрального Предкавказья и Чечено-Ингушетии многочисленных комплексов II этапа майкопской культуры, которые генетически очень слабо связаны с памятниками предшествующего времени данной же территории и появились здесь как бы внезапно. В кругу этих памятников, свидетельствующих о массовом и ускоренном продвижении позднемайкопских племен Прикубанья в восточном направлении, Нальчикская подкурганная гробница занимает особое место: она указывает на определенное воздействие мегалитической (дольменной) культуры Западного Кавказа на майкопскую и на частичное смешение носителей данных культур.

Несмотря на указанные признаки сходства с подкурганскими дольменами ст. Новосвободной, все же Нальчикская гробница существенно отличается от них наличием галечной выкладки на полу и вокруг стен погребальной камеры, отсутствием перегородки в ней, а также какого-либо отверстия — лаза, своеобразием техники строительства и некоторыми другими особенностями. В еще большей степени она отлича-

¹⁰ А. Д. Столяр. Мешоко — поселение майкопской культуры, стр. 74—87, рис. 1, 2, 4, 8, 10—13; А. А. Формозов, Е. Н. Черных. Указ. соч., стр. 103 и 107; А. А. Формозов. Каменный век..., стр. 94—100, 151, рис. 44—47.

¹¹ В. И. Марковин. Дольмены Западного Кавказа (некоторые итоги их изучения). СА, 1973, № 1, стр. 22—23.

ется от безкурганых дольменов Западного Кавказа. Представляется очевидным, что в целом дольменные сооружения ст. Новосвободной как по своему географическому положению, так и по конструктивным особенностям занимают промежуточное положение между классическими причерноморскими дольменами, с одной стороны, и Нальчикской гробницей — с другой. Причем последняя, по сравнению с настоящими дольменами, имеет более простую конструкцию и представляет собой как бы не вполне удачный опыт создания в Центральном Предкавказье первого мегалитического погребального памятника. Она наглядно указывает на то, что к востоку от Прикубанья влияние дольменной культуры резко ослабевает, а строительство настоящих дольменов прекращается полностью. И действительно, Нальчикскую гробницу уже нельзя причислять к разряду классических кавказских дольменов, поскольку по форме и технике сооружения она скорее напоминает большие каменные ящики или склеповые постройки, которые в последующие эпохи, заметно видоизменяясь в конструкциях, становятся характерными для Центрального и Восточного Предкавказья.

Следовательно, факт открытия Нальчикской гробницы совершенно не противоречит правомерности того положения, что самой восточной границей массового распространения дольменной культуры, которая «представляет собой культуру горцев — жителей лесов» Западного Кавказа, является течение реки Лабы¹². Можно лишь допустить, что в последние века III тыс. до н. э. некоторые традиции дольменной культуры проникали в районы Кабардино-Пятигорья, но и они довольно скоро растворились в чуждой для них местной среде.

В этой связи абсолютно не соответствующими действительности представляются суждения о том, что дольмены «тянутся группами на запад... начиная почти от Осетии»¹³. Трудно также согласиться с попытками рассматривать склеповые постройки эпохи бронзы Центрального и Восточного Кавказа как разновидности причерноморских дольменов и на этом основании доказывать, что не только дольменные традиции, но и сами носители этих традиций якобы продвинулись во второй половине II тыс. до н. э. «далеко на восток», вплоть до Чечено-Ингушетии включительно¹⁴.

Именно всеми этими фактами и суждениями я и руководствуюсь, когда считаю Нальчикскую гробницу и курган в целом памятником позднемайкопских племен, которые, очевидно, еще до продвижения на территорию современной Кабардино-Балкарии испытали определенное воздействие мегалитической культуры Северо-Западного Кавказа и могли быть этнически родственными со строителями Новосвободненских подкурганых дольменов.

В круг майкопских бытовых памятников можно также включить и Нальчикское поселение, поскольку оно расположено в ареале майкопской культуры, а преобладающая часть его керамики, как указывалось, находит ближайшие аналогии в памятниках этой же культуры. Однако при этом необходимо иметь в виду, что в материалах данного поселения прослеживается ряд признаков, свидетельствующих о довольно интенсивных связях его жителей с племенами более восточных областей Предкавказья, а через их посредство и с населением центральной и восточной части Закавказья.

Весьма сложным является вопрос о происхождении и культурной принадлежности стел Нальчикской гробницы. Трудность решения дан-

¹² В. И. Марковин. Дольмены Западного Кавказа (некоторые итоги их изучения). СА, 1973, № 1, стр. 3—7, рис. 1.

¹³ Ш. Д. Инал-Ипа. Абхазы. Сухуми, 1965, стр. 64.

¹⁴ Л. Г. Нечаева. Составные дольмены Осетии, Ингушетии, Карачая. «Тезисы докладов, посвященных итогам полевых археологических исследований в СССР в 1970 году». Тбилиси, 1971, стр. 65—67.

ного вопроса обусловлена не только тем, что они представляют собой первый и единственный случай обнаружения таких памятников на всей территории Северного Кавказа, но и тем, что этот же вопрос не вполне удовлетворительно освещен относительно подобных же изваяний Северного Причерноморья.

Так, Т. Д. Златковская все причерноморские стелы склонна связывать непосредственно с культурами племен эпохи бронзы южнорусских степей и на этом основании считать, что отсюда они проникали «в Прутско-Днестровское междуречье и далее в Балканские области»¹⁵. Но в то же время явно подавляющую часть этих изваяний, являющихся наиболее совершенными и сложными (II и III группы по ее же классификации), она относит, как отмечалось, к рубежу III—II тыс. до н. э. и даже ко второй половине II тыс. до н. э.¹⁶. Ошибка Т. Д. Златковской заключается не только в неверной датировке совершенных стел Причерноморья, но и в том, что она не учла факт широкого распространения именно этого типа изваяний в южных областях Западной Европы, начиная с III тыс. до н. э.¹⁷.

Противоречивыми являются и суждения А. А. Щепинского по данному вопросу. В одном случае он не исключает, что все стелы «связываются не с ямной или катакомбной, а с какими-то другими культурами эпохи раннего металла»¹⁸. В другом же случае, по его же словам, «первая наиболее примитивная группа этих памятников связывается с ямной культурой», а сложные и совершенные изваяния второй группы «связываются... с кеми-обинской культурой»¹⁹.

А. А. Формозов при решении вопроса о происхождении и путях распространения мегалитических статуй склонен признать «скорее влияние Запада на Причерноморье, чем Причерноморья на Запад»; причем едва ли не единственным аргументом для обоснования такого вывода послужил «тот факт, что стелы в Южной России распространены на очень узкой приморской полосе, а не по всему ареалу ямной культуры»²⁰. Но, учитывая слабость такого аргумента, сам же А. А. Формозов предлагает и другие варианты освещения данного вопроса. В частности, он считает вполне допустимым, что более совершенный и сложный тип антропоморфных изваяний представляет собой результат непрерывной эволюции самых примитивных стел Северного Причерноморья, формы которых, в свою очередь, «выработались тут же из одиночных камней — менгиров»; при этом влияние Запада сказалось на стелах «только на позднем этапе»²¹. Кроме того, по его же мнению, не исключается и обратный процесс, т. е. «не Запад влиял на Причерноморье, а Северное Причерноморье — на Запад»²². Нетрудно заметить, что все эти три предположения А. А. Формозова почти полностью взаимоисключают друг друга.

И, наконец, не вполне понятны попытки отдельных исследователей безоговорочно связывать стелы «с мегалитическими постройками и в первую очередь с дольменами»²³. Пока еще трудно судить о том, насколько правомерно такое заключение относительно мегалитических со-

¹⁵ Т. Д. Златковская. К вопросу об этнокультурных связях..., стр. 79 и сл.

¹⁶ Там же, стр. 80—88.

¹⁷ Цит.: А. А. Формозов. О древнейших антропоморфных стелах..., стр. 177—181.

¹⁸ А. А. Щепинский. Памятники искусства..., стр. 41.

¹⁹ Там же, стр. 46.

²⁰ А. А. Формозов. О древнейших антропоморфных стелах..., стр. 181; его же. Очерки по первобытному искусству, стр. 184.

²¹ А. А. Формозов. Очерки по первобытному искусству, стр. 183—184.

²² Там же, стр. 184.

²³ Цит.: А. М. Лесков. Указ. соч., стр. 6—7. Эту же мысль А. М. Лесков приписывает, вслед за А. Хойслером, и А. А. Формозову. Но, насколько мне известно, последний никогда не связывал происхождение антропоморфных стел с какой-либо мегалитической культурой.

оружий Передней Азии и Западной Европы. Но что касается дольменов Восточного Причерноморья, то ни генетической, ни территориальной связи их с антропоморфными изваяниями абсолютно не прослеживается. Ведь при наличии какой-либо существенной связи между ними наибольшее количество стел было бы обнаружено в ареале дольменной культуры Западного Кавказа. Однако на данной территории к настоящему времени достоверно известно только лишь одно антропоморфное изваяние²⁴, хотя именно здесь, а точнее от Кодорского хребта до Таманского полуострова и от Черноморского побережья до р. Лабы, «к концу 1971 года зарегистрировано 171 дольменное местонахождение, в которых, по самым скромным подсчетам, могло бы содержаться 1924 сооружения»²⁵. Напомню, что большинство стел, наоборот, найдено там, где вообще нет настоящих дольменов (т. е. в Северном Причерноморье).

Неоднократно отмечалось, что не только на Кавказе, но и на всей территории СССР единственным мегалитическим (дольменообразным) памятником, построенным целиком из стел, является пока Нальчикская подкурганная гробница. Однако эти особенности данного погребального сооружения также не могут служить сколько-нибудь веским аргументом для доказательства генетической связи дольменов с монументальными антропоморфными изваяниями. Более того, можно даже предполагать, что по отношению к племенам, изготовившим нальчикские стелы, последующие строители гробницы явились носителями чуждой культуры и чуждых идеологических представлений, разрушившими и «осквернившими» их родовое кладбище или святилище. Основанием для такого предположения служит тот факт, что все стелы, включая антропоморфные и орнаментированные, при сооружении Нальчикской гробницы были использованы вторично только лишь как строительный материал, без всякого учета их декоративных особенностей.

Как видно, вопрос о происхождении и об исходной территории распространения антропоморфных стел — древнейших монументальных памятников, по существу, остается пока открытым.

Ни в коей мере не претендуя на окончательное решение этого сложного вопроса, все же считаю целесообразным еще раз обратить внимание на некоторые особенности распространения древнейших мегалитических статуй.

Во-первых. В пределах второй половины III тыс. до н. э. каменные антропоморфные изваяния были известны на огромной территории, где бытовало несколько совершенно **не родственных** между собой археологических культур — в Западной и Центральной Европе (Франция, Италия, Румыния, Болгария), в Северном Причерноморье и Крыму (Украина, Молдавия, Ростовская область), в Центральном Предкавказье (Нальчик), в Азербайджане (Кобыстан). Нельзя не согласиться с тем, что эти памятники представляют собой «такое же широко распространенное и не ограниченное рамками одной культуры явление, как и дольмены, катакомбы, курганы»²⁶.

Во-вторых. Хотя между стелами, происходящими из различных областей, имеются заметные типологические различия, тем не менее все они принадлежат к единому кругу памятников и относятся к одной и той же эпохе — к энеолиту и ранней бронзе. Причем, по вполне правомерному заключению А. А. Формозова, «тождество каменных статуй Причерноморья и Средиземноморья... нельзя объяснить конвергенцией»²⁷.

²⁴ В. И. Марковин. Составные дольмены..., стр. 36, 40, рис. 7 (б).

²⁵ В. И. Марковин. Дольмены Западного Кавказа, стр. 4.

²⁶ А. А. Формозов. Очерки по первобытному искусству, стр. 180—181.

²⁷ Там же, стр. 241 и сл.

В-третьих. Каменные изваяния, которые сначала устанавливали в вертикальном положении на курганных насыпях ямной культуры, позднее представители данной же культуры при сооружении своих могил теперь уже главным образом стали использовать вторично в качестве строительного материала. С этой же целью были использованы и статуи, найденные в погребальных комплексах так называемой кеми-обинской культуры Крыма, а также все стелы Нальчикской гробницы.

Каковы же причины этого любопытного явления? Можно предполагать, что в южные районы СССР идея создания древнейших стел была привнесена извне, в результате интенсивного культурного воздействия каких-то инородных племен. Затем, возможно, вскоре же после прекращения влияния соответствующей инородной культуры, идеологические представления, которые были связаны с культом, требующим монументальных изображений человека, в чуждом этнокультурном окружении местного населения Причерноморья и Предкавказья стали не только заметно видоизменяться, но и даже отмирать.

В-четвертых. Монументальные антропоморфные изваяния эпохи энеолита и ранней бронзы являются для своего времени весьма сложными, выразительными и своеобразными памятниками, не имеющими утилитарного назначения. И сколько-нибудь активное проникновение в ту или иную чуждую этнокультурную среду идеологических представлений, связанных с такими памятниками, по всей вероятности, возможно было только лишь при довольно эффективном внешнем воздействии соответствующей культуры в целом. Вполне естественно, что при таком сильном влиянии извне, в этой среде будут более или менее интенсивно распространены и другие элементы культуры тех же этнических групп, которые привнесли идею об антропоморфных стелах. В связи с этим напомним хотя бы то, что появление в эпоху раннего железа в Предкавказье каменных антропоморфных статуй «скифского» типа²⁸ сопровождалось массовым проникновением сюда же элементов степной (скифоидной) культуры и даже инфильтрацией на данную территорию самих носителей этой культуры²⁹. Почти подобная же картина наблюдалась и в процессе распространения в южнорусских степях и на Северном Кавказе раннесредневековых каменных «баб» тюркоязычных племен³⁰.

Что же касается распространения антропоморфных изваяний раннебронзового века в Южной России, то в связанных с ними археологических комплексах данной территории не прослеживается почти никаких существенных признаков влияния западноевропейских культур. И, наоборот, насколько мне известно, нет достаточных оснований утверждать и о каком-нибудь активном проникновении элементов ямной и кеми-обинской культур на территорию южной Франции, Германии, Италии. Во всяком случае, судя по имеющимся пока данным, взаимо-

²⁸ В. И. Марковин, Р. М. Мунчаев. Каменные изваяния из Чечено-Ингушетии, стр. 158—164. Две стелы «скифского» типа найдены и на территории Кабардино-Балкарии; одна из них хранится в народном музее г. Прохладного, а другая — в Нальчикском краеведческом музее.

²⁹ В. И. Марковин, Р. М. Мунчаев. Там же, стр. 161—164; Е. И. Крупнов. Древняя история и культура..., стр. 137—141; *его же*. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960, стр. 137—299; В. И. Марковин. Скифские курганы в с. Гойти (Чечено-Ингушетия). СА 1965, № 2, стр. 160—173; В. Б. Виноградов. Связи Центрального и Восточного Предкавказья со скифо-савроматским миром. Сб. «Проблемы скифской археологии». М., 1971, стр. 111—121; *его же*. Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время. Грозный, 1972, стр. 11—183.

³⁰ А. А. Иессен. Археологические памятники..., стр. 29—30; С. А. Плетнева. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях. МИА. № 62, 1958, стр. 207—212; В. А. Кузнецов. Аланские племена Северного Кавказа. МИА. № 106, 1962, стр. 74—75; Г. А. Федоров-Давыдов. Указ. соч., стр. 166—193; Т. М. Минаева. К истории алан Верхнего Прикубанья по археологическим данным. Ставрополь, 1971, стр. 213—223.

связи и взаимовлияния между племенами северных областей Средиземноморья и Причерноморья в эпоху энеолита и ранней бронзы не были настолько интенсивными и тесными³¹, чтобы они могли способствовать распространению стел из Западной Европы в Восточную или, наоборот, из Восточной Европы в Западную. Правда, «некоторые типы украшений и медных орудий были общими почти для всех культур... Южной Европы»³². Но этот факт объясняется тем, что такие предметы произошли «от общих прототипов», основные формы которых, в свою очередь, выработались на территории бытования древневосточных цивилизаций³³.

В-пятых. Стелы были распространены не по всему ареалу той или иной археологической культуры эпохи энеолита и ранней бронзы, а лишь на определенной территории ее бытования. В частности, их нет в памятниках ямной культуры Поволжья и Донетчины; не известны они и в майкопских комплексах Северо-Западного Кавказа. Напомню, что в пределах европейской части СССР «находки антропоморфных изваяний вытянуты в основном вдоль берега Черного и Азовского морей и проникают на север, главным образом по Днепру, отчасти же по Южному Бугу и Днестру»³⁴. В Западной Европе основные местонахождения их также тяготеют к южным, т. е. прилегающим к Средиземному морю, областям³⁵. Представляется очевидным, что идея о древнейших антропоморфных изваяниях распространялась главным образом водным путем; причем сначала она проникала в приморские районы, а затем (преимущественно по артериям крупных рек) — в более северные пункты. Некоторые исключения в этом отношении составляет лишь местонахождение нальчикских стел, которое удалено к востоку от Черного моря на расстояние 300—350 км и не связано с ним удобными речными путями.

Совокупность всех перечисленных фактов и суждений дает определенные основания предполагать, что древнейшие монументальные статуи не являются генетически неотъемлемым компонентом ни ямной, ни кемп-обинской, ни дольменной, ни майкопской культур. Нет и веских оснований считать, что в ареале названных культур они появились в результате культурного воздействия западноевропейских племен. Вполне допустимо, что черты близости между антропоморфными изваяниями различных областей Европы, как и сходство форм некоторых украшений и металлических орудий раннебронзового века этой же территории, объясняются тем, что они произошли от общих древневосточных прототипов. Причем, учитывая факт обнаружения древних мегалитических антропоморфных стел в Передней Азии (Троя I, Тель-Рифат, Алалах)³⁶, а также судя по особенностям топографии подобных же европейских и кавказских изваяний, можно полагать, что исходной территорией их распространения были южные (внутренние) районы Средиземноморского бассейна или какая-либо иная область Ближнего Востока. Оттуда идея о монументальных каменных статуях распространялась, по всей видимости, в нескольких направлениях и уже в пределах второй половины III тыс. до н. э. проникла по Средиземному и Черному морям в различные части Южной Европы — в западную (Франция, Италия), центральную (Румыния, Болгария) и восточную (Молдавия, Украина, Ростовская область). Не исключена возможность, что идеологические представления, связанные с культом

³¹ А. А. Формозов. Очерки по первобытному искусству..., стр. 165—172.

³² А. А. Формозов. Каменный век..., стр. 133.

³³ Там же.

³⁴ А. А. Формозов. Очерки по первобытному искусству, стр. 176—177.

³⁵ Там же, стр. 181—182.

³⁶ Цит.: Т. Д. Златковская. По поводу письма..., стр. 182; А. М. Лесков. Указ. соч., стр. 7.

таких памятников, начали проникать с юга или с юго-запада (по суше) и в Закавказье (Кобыстанская стела), но сколько-нибудь широкого распространения они здесь не получили.

Разумеется, эти предположения об истоках и путях распространения идеи о древнейших антропоморфных стелах, высказанные мной в порядке рабочей гипотезы, требуют более веской аргументации конкретными материалами, происходящими из весьма обширной территории западной части Евразии. Однако на основании известных пока фактов именно такой подход к решению данного вопроса представляется, на мой взгляд, наиболее перспективным.

Как бы ни решался вопрос о происхождении древнейших мегалитических изваяний Европы и Кавказа в целом, все же наличие непосредственной связи между нальчикскими и причерноморскими стелами можно считать несомненным. И в этом нет ничего неожиданного, если вспомнить не только о значительных признаках сходства последних, но и о контактах и интенсивных взаимовлияниях между носителями ямной культуры юго-восточной Европы и племенами Северного Кавказа³⁷. Следует полагать, что эти связи и даже инфильтрация ямников на юг не ограничивались степным Предкавказьем и Прикубаньем, но и охватывали среднюю часть Кавказа, непосредственно прилегающую к горной зоне с севера. Иначе трудно объяснить происхождение некоторых предметов³⁸ и особенно обряд захоронения в отдельных курганах Центрального Кавказа, характерный для племен ямной культуры. Здесь имеются в виду погребенные, лежащие на спине, с согнутыми в коленях ногами, которые обнаружены в подкурганых ямах у ст. Суворовской близ г. Ессентуки³⁹, с. Верхний Акбаш в Кабардино-Балкарии⁴⁰, с. Бамут в Чечено-Ингушетии⁴¹, грунтовое погребение у с. Галиат в Северной Осетии⁴² и др. В этой связи особого внимания заслуживает ряд ранних погребений Нальчикского могильника, в которых захороненные также лежали на спине, с согнутыми в коленях ногами (№ 7, 29, 36, 38, 79, 84, 86, 99, 105, 117 и 120)⁴³ и которые, кстати, синхронизируются Н. Я. Мерпертом с памятниками поздней стадии I этапа ямной культуры (около начала третьей четверти III тыс. до н. э.)⁴⁴. К этому следует добавить, что среди перечисленных захоронений центральной части Северного Кавказа преобладает восточная ориентировка с отклонениями на север или на юг, что свойственно и для подавляющей части древнеямных могил.

Думается, что такое сходство в погребальном обряде и инвентаре населения Юго-Восточной Европы и Центрального Предкавказья

³⁷ А. А. Иерусалимская. О предкавказском варианте катакомбной культуры. СА, 1958, № 2, стр. 43—44; Е. И. Крупнов, Н. Я. Мерперт. Указ. соч., стр. 40—42; А. А. Формозов. Каменный век..., стр. 139—143; Е. Н. Черных. Указ. соч., стр. 58—60, 63—65, 87; Н. Я. Мерперт. Древнейшая история населения степной полосы Восточной Европы (III — начало II тыс. до н. э.). Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. М., 1968, стр. 22—24; И. В. Синицын. Раскопки в долине восточного Маныча. АО 1967 года. М., 1968, стр. 69—70.

³⁸ Например, костяная проколка и круглодонный сосуд ямной культуры, найденные в курганах у ст. Усть-Джегутинской в Карачаево-Черкесии (см.: Р. М. Мунчаев, А. Л. Нечитайло. Комплексы майкопской культуры в Усть-Джегутинском могильнике. СА, 1966, № 3, стр. 148, 150.

³⁹ А. Л. Нечитайло. Раскопки курганов у ст. Суворовская. АО 1966 года. М., 1967, стр. 69.

⁴⁰ Е. И. Крупнов. Археологические исследования в Кабардинской АССР в 1948 году, стр. 210—212, рис. 15.

⁴¹ Р. М. Мунчаев. Памятники майкопской культуры..., стр. 188—189; Р. М. Мунчаев, В. И. Сариниди. Исследование Бамутского курганного могильника в 1963 г., стр. 180.

⁴² Е. И. Крупнов. Материалы по археологии Северной Осетии..., стр. 27, рис. 2.

⁴³ А. П. Крулов, Б. Б. Пиотровский, Г. В. Подгаецкий. Указ. соч., стр. 70—94.

⁴⁴ Н. Я. Мерперт. Указ. соч., стр. 47.

в эпоху энеолита и ранней бронзы является не случайным, как не случайно и сходство нальчикских стел и их декора с мегалитическими изваяниями и с изображениями на памятниках Причерноморья того же времени.

Откуда и куда в таком случае могло распространиться умение воспроизводить в камне монументальный человеческий образ — из Северного Причерноморья на Кавказ или наоборот?

Учитывая общее численное соотношение местонахождений и особенности топографии древнейших мегалитических статуй, известных к настоящему времени в пределах этих двух южных областей СССР, следует полагать, что идея о создании таких памятников на территорию Кабардино-Балкарии проникла вероятнее всего из Причерноморья и причем под влиянием племен ямной культуры.

Таким образом, нальчикские стелы представляют собой еще один важный источник для установления путей, связывающих Юго-Восточную Европу с центральной частью Кавказа, откуда к северным соседям — носителям степных культур эпохи бронзы поступали металлические изделия и другие предметы южного происхождения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, несмотря на очевидные отличительные признаки, Нальчикская подкурганная гробница и поселение относятся к числу памятников майкопской культуры. В материалах этих памятников нашли отражение как особенности объективного внутреннего развития племен данной культуры, так и результаты их тесных контактов и интенсивных взаимосвязей с различными инородными культурами.

Прежде всего Нальчикскую гробницу, датируемую началом последней четверти III тыс. до н. э., следует рассматривать как уникальный памятник одной из позднемайкопских родоплеменных групп, которая, по всей видимости, еще на территории Прикубанья подвергалась ощутимому культурному влиянию строителей дольменов Западного Кавказа и была родственной племенам, оставившим после себя Новосвободненские курганы. Не исключена возможность, что эта родоплеменная группа была вытеснена на территорию современной Кабардино-Балкарии именно под натиском носителей дольменной культуры, расселившихся в последних веках III — в первых веках II тыс. до н. э. в горной и предгорной (лесистой) зонах Северо-Западного Кавказа. Вполне допустимо, что с этим же фактом связывается и массовое продвижение племен II этапа развития майкопской культуры в среднюю часть Северного Кавказа, что нашло отражение в распространении здесь большого количества соответствующих бытовых и погребальных комплексов.

Однако было бы неправильным рассматривать материальную культуру населения Центрального Предкавказья в последней четверти III тыс. до н. э. только лишь как культуру частично переместившихся на данную территорию позднемайкопских племен. Необходимо иметь в виду, что в процессе миграции на восток последние смешивались с носителями иных этнокультурных традиций, представленных, например, на территории современной Кабардино-Балкарии и Северной Осетии памятниками типа Нальчикского энеолитического могильника, основного погребения Верхне-Акбашского кургана, Галиатского грунтового захоронения и др. В этом отношении значительного внимания заслуживают различия в ориентировке и трупоположении погребений Нальчикского грунтового могильника, среди которых выделяется и определенная группа захороненных, имевших характерную для майкопской культуры южную ориен-

тировку и лежавших в скорченном положении на боку¹. Кроме того, нальчикские стелы и другие материалы погребальных комплексов эпохи энеолита и ранней бронзы наглядно указывают на то, что еще до продвижения майкопских племен на восток, а также после их расселения в Центральном Предкавказье культура населения данной территории подвергалась заметным изменениям под влиянием ямной культуры. И, наконец, особенности керамики обследованного нами Нальчикского поселения, наряду с результатами изучения остальных памятников той же эпохи, неоспоримо свидетельствуют об активном влиянии на аборигенов средней части Предкавказья носителей культур раннебронзового века Северо-Восточного Кавказа, Центрального и Восточного Закавказья. Ко всему этому следует напомнить и о тех различиях в природно-географических и почвенно-климатических условиях между Прикубаньем и бассейном р. Терека, которые также обусловили в определенной мере своеобразие культуры майкопских племен, расселившихся к востоку от Прикубанья.

Вполне понятно, что без учета всех этих факторов процесс формирования и развития материальной культуры населения Центрального Предкавказья во II этапе майкопской культуры не может быть освещен с необходимой полнотой и достоверностью.

Сравнительный анализ материалов Нальчикской гробницы и поселения, а также других памятников энеолита и ранней бронзы средней части Северного Кавказа, явно указывает на то, что в результате расселения в бассейне р. Терека носителей высокоразвитой майкопской культуры, дальнейшего усиления межплеменных связей и более интенсивного освоения местных природных богатств очень резко возрастает социально-экономический и культурный уровень развития населения данной территории. Довольно быстрыми темпами развиваются производящие формы экономики, особенно земледелие. Следует предполагать, что не позднее последней четверти III тыс. до н. э. здесь же возникает местная металлургия и металлообработка.

Все эти достижения в культурно-экономическом развитии Центрального Предкавказья должны были способствовать созданию избыточного продукта, что не могло не отразиться на характере социальной структуры населения. И, действительно, если в период, соответствующий раннему этапу майкопской культуры, на территории современной Кабардино-Балкарии какие-либо существенные признаки имущественной дифференциации отсутствовали почти полностью, то на II этапе развития этой же культуры положение здесь резко изменилось. Так, материалы Нальчикской подкурганной гробницы, построенной для вождя племени или рода, наглядно показывают, что в руках отдельных представителей общества сосредоточивалась основная часть накопленных богатств. Этот процесс, в свою очередь, неизбежно приводил к обособлению родоплеменной верхушки, усилению ее власти, порождению социального неравенства.

Не исключена возможность, что на II этапе майкопской культуры элементы патриархального рабства появились и среди племен Центрального Предкавказья. В этой связи необходимо напомнить, что в отличие от 2-го погребенного Нальчикской гробницы при 1-м покойнике не найдено абсолютно никаких вещей, а особенности трупоположения его в погребальной камере вероятнее всего указывают на то, что он был насильственно умерщвлен.

Можно полагать, что в хозяйственной и общественной жизни населения Центрального Предкавказья в последних веках III тыс. до н. э.

¹ А. П. Круглов, Б. Б. Пиотровский, Г. В. Подгаецкий. Указ. соч., стр. 70—94; см. также: А. А. Формозов. Каменный век..., стр. 147.

все возрастающую роль начинают играть отдельные и причем наиболее сильные патриархальные семьи, занимавшие в экономическом отношении самое прочное положение и выдвинувшие из своей среды вождей всего племени или родовой общины. Иными словами, «отдельная семья становилась силой... которая угрожающе противостояла роду»². Видимо, это и нашло отражение в том, что в позднемайкопский период на территории Кабардино-Балкарии, кроме сравнительно небольших курганов с относительно немногочисленным погребальным инвентарем, принадлежавшим рядовым общинникам (селения Старый Лескен, Старый Урух, Шалушка, Чегем I, Кишпек и др.)³, стали появляться огромные курганные насыпи типа Нальчикского кургана с гробницей. Нет необходимости доказывать, что сооружение последних требовало максимальных усилий большого коллектива рядовых общинников, прочно связанных не только родственными узами, но и единой властью того или иного выдающегося соплеменника.

Таким образом, материалы Нальчикской гробницы не только свидетельствуют о начале процесса социально-имущественной дифференциации среди позднемайкопских племен Центрального Предкавказья, но и позволяют говорить о возможности выделения здесь по меньшей мере трех групп населения, занимавших в коллективе различное положение, как это имело место и на территории Прикубанья⁴.

В самом привилегированном положении находились вожди племени или рода, один из представителей которых и был захоронен в монументальной подкурганной гробнице в сопровождении необычайно богатого могильного инвентаря (2-е погребение).

Вторую группу населения, являвшуюся наиболее многочисленной, могли составлять рядовые общинники, которые захоронены в относительно невысоких курганах типа перечисленных выше.

И, наконец, самое приниженное положение в обществе занимала третья группа людей, которая представлена в Нальчикской гробнице 1-м погребенным, указывающим на возможность появления патриархального рабства.

Интересно отметить, что на материалах Центрального Предкавказья последующего времени, т. е. эпохи средней бронзы (II тыс. до н. э.), признаки социально-имущественной дифференциации прослеживаются гораздо слабее⁵.

Раскрывая причины подобного же явления, имевшего место и на территории Северо-Западного Кавказа, А. А. Иессен писал, что важнейшим фактором, способствовавшим в III тыс. до н. э. «внезапному ускоренному развитию в районе Прикубанья», было сильное влияние передовых в то время стран Передней Азии⁶. И поскольку это было «нарушением изолированного, взятого в чистом, отвлеченном виде развития варварского общества, то оно носило временный, эпизодический характер и сменилось затем, после перерыва этих сношений (т. е. во II тыс. до н. э. — *И. Ч.*), длительным периодом медленного, постепенного развития»⁷. Такое заключение соответствует суждениям А. А. Формозова о том, что причины угасания майкопской культуры были в значительной мере вызваны ослаблением связей с цивилизациями Древнего Востока⁸.

² К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., изд. 2-е, т. 21, стр. 162.

³ Е. И. Крупнов. Археологические исследования в Кабардинской АССР..., стр. 223, 226—228; *его же*. Отчет о работе археологической экспедиции 1947 г..., стр. 282, 284—289. Раскопки И. М. Мизиева, А. Х. Нагоева и Р. Ж. Бетрзова в 1972 году в Чегемском районе КБАССР.

⁴ А. А. Формозов. Каменный век..., стр. 151.

⁵ В. И. Марковин. Культура племен..., стр. 132—148.

⁶ А. А. Иессен. К хронологии..., стр. 196—197.

⁷ Там же.

⁸ А. А. Формозов. Каменный век..., стр. 156—158.

После открытия Нальчикской гробницы эти выводы исследователей можно считать полностью приемлемыми и для объяснения таких же особенностей исторического развития Центрального Предкавказья в III—II тыс. до н. э.

Однако быстрое угасание майкопской культуры и возврат населения Северного Кавказа к менее дифференцированному в социально-имущественном отношении строю, на мой взгляд, были вызваны не только ослаблением связей с высокоразвитыми культурами Передней Азии и Закавказья. Эти два взаимосвязанных процесса в значительной мере были обусловлены еще и последствиями сильного воздействия культуры степных племен, особенно катакомбников, уровень общественного развития которых, по всем признакам, стоял на более низкой ступени, чем у носителей позднемайкопской культуры.

Представляется несомненным, что для уточнения и более полного освещения сложнейших вопросов социально-экономического и культурного развития племен Центрального Предкавказья в эпоху бронзы необходимы дальнейшие археологические исследования.

Завершая данную работу, хочется быть уверенным в том, что погребальные памятники типа Нальчикской подкурганной гробницы, при более целенаправленных археологических изысканиях, будут открыты и впредь. В этой связи следует обратить внимание исследователей на тот факт, что среди многочисленных больших курганов Центрального Предкавказья, достигающих в высоту более 10—12 м, Нальчикский курган является пока едва ли не единственным памятником, раскопанным полностью.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Таблица 1

Размеры стел (в см) после их вторичной обработки при сооружении стен гробницы

№ плиты	Длина *	Ширина	Толщина	Длина части плиты, врытой в материк
1	168 (118)	44	19	9
2	187 (155)	44	31	28
3	184 (141)	39	21	25
4	180	45	20	21
5	184	51,5	20	24
6	174	47	10—17	15
7	180	53	21,5	21
8	188	50	21,5	29
9	185	44	28	24
10	189	48	19,5	27
11	192	48	21	28
12	193	54,5	20	27
13	166	52	25	0
14	171	36,5	17	0
15	182	44,5	20	11
16	179	38,5	23,5	10
17	189	42	17	21
18	180 (152)	44	17,5	12
19	199 (152)	40	18,5	31
20	223 (142)	66	15	55
21	218 (149)	74	20,5	50
22	214 (173)	64	21	46
23	200 (77)	66	28	31
24	181 (122)	75,5	21	13

* Длина тех плит, верхние края которых были отбиты и потеряны при строитель-но-земляных работах в 1966 г., определена исходя из того расчета, что все участки верхней плоскости стен гробницы находились почти на одном и том же горизонталь-ном уровне. Причем недостающие части плит № 1—3 были восстановлены на чертежах до уровня неповрежденной плиты № 4, а плит № 18—24 — до уровня плиты № 17 (рис. 13). При этом цифры в скобках соответствуют сохранившейся длине таких переломанных экскаватором плит.

Таблица 2

Перечень металлических предметов, найденных в гробнице

№ п. п.	Наименование предмета и его размеры	Материал, из которого изготовлен предмет	Количество	Примечание
1	2	3	4	5
1	Проволочное височное кольцо; большой (внешний) диаметр равен 1,85 и 1,7 см; диаметр сечения проволоки—0,6 см	Золото	1	Концы кольца не смыкаются на 0,3 см
2	Проволочное височное кольцо; внешний диаметр равен 1,65 и 1,75 см; диаметр сечения проволоки—0,44 см	Золото	1	Концы кольца не смыкаются на 0,27 см
3	Биконическая бусина; длина ее—1,23 см, диаметр—от 0,5 до 0,39 см	Золото	1	На поверхности имеются насечки
4	Биконическая бусина; длина ее—1,22 см, диаметр—от 0,55 до 0,4 см	Золото	1	На поверхности имеются насечки
5	Мелкие дисковидные бусинки; диаметры их—0,3—0,2 см, ширина—от 0,2 до 0,1 см	Золото	205	Бусы не вполне одинаковых размеров
6	Мелкие округлые бусинки; диаметры их около 0,2 см	Золото	60	С боков немного сдавлены
7	Конусовидный наконечник от «посоха», свернутый из тончайшей (фольговидной) пластинки; диаметр—0,9 и 1,1 см, высота—2,25 см	Золото	1	Боковые концы размыкаются
8	Пластинчатая обкладка ножен с округлым основанием; ширина сверху—2,5 см, внизу—2 см, длина—4,75 см	Золото	1	Основание пластинки загнуто во внутрь
9	Тончайшие (фольговидные) золотые пластинки; длина их варьирует от 2 до 12 см, ширина—от 0,4 до 1,7 см	Золото	64	Края некоторых пластинок неровно оборваны
10	Тончайшая лента от «посоха», свернутая в спираль; ширина ленты—1 см, длина в свернутом виде—8 см	Золото	1	—
11	Тончайшие (фольговидные) пластинки, расширяющиеся к основанию; размеры 1-й: длина—15,2 см, ширина сверху—2,1 см, ширина у основания—1,3 см; 2-й и 3-й соответственно: 7,35, 3, 2,75 см и 6,6, 1,9, 2,5 см	Золото	3	—
12	Тончайшая лента, свернутая в спираль; ширина ее—0,9 см, общая длина в свернутом виде—52,6 см	Золото	1	Оборвана в нескольких местах
13	Тончайшая лента, свернутая в спираль; ширина ее—0,8 см, общая длина в свернутом виде—100 см	Золото	1	Оборвана в нескольких местах
14	Тончайшие (фольговидные) пластинки-накладки от ручек бронзовых шильев; длина 1-й из них—7 см, ширина—1,7 см; 2-й и 3-й соответственно: 7, 1,6 см и 7, 1,75 см	Золото	3	Основания у них закруглены
15	Полусферическая, круглая в плане, тонкая пластинка, закрывавшая втулку «малого» бронзового топора; диаметр ее—1,7 и 1,85 см	Золото	1	—

1	2	3	4	5
16	Тончайшая пластинка, которой было окольцовано место соединения втулки «малого» бронзового топора с топорщиком; длина пластинки — 5,9 см, ширина — 1,7 см	Золото	1	Свернуто в кольцо; концы кольца не закреплены
17	Тончайшая пластинка, которой было окольцовано перекрестье бронзового кинжала; длина пластинки — 10,4 см, ширина — 1,7 см	Золото	1	
18	Конусовидные втульчатые наконечники стрел, свернутые из тончайших (фольговидных) пластинок; длина 1-го из них — 4 см, диаметр у основания — 0,8 см; 2-го соответственно: 4,2 и 0,9 см	Золото	2	Один из наконечников сильно деформирован; внутри него сохранился обломок костяной основы
19	Котел; размеры его: высота — 57 см, диаметр по горловине — 50 см, максимальный диаметр тулова — 62 см, диаметр дна — 14 см	Бронза	1	Тулово сосуда деформировано и с одной стороны разорвано
20	Шилья; длина 1-го из них — 7,3 см, сечение — до 0,5 см; 2-го и 3-го соответственно: 7,7 и 0,6 см, 5,6 и 0,4 см	Бронза и серебро	3	
21	Обломок пластинки, прикреплявшейся на ручку одного из бронзовых шильев; длина его — 3,7 см, ширина — 1,4 см	Серебро	1	Вдоль краев пластинки имеются отверстия от миниатюрных гвоздиков
22	Прошнанные топоры; длина 2-го из них — 14,2 см, ширина — от 4,6 см (у втулки) до 6,45 см (у лезвия); 1-го соответственно: 10,45, 4,6 и 5,4 см	Бронза	2	Лезвие «малого» топора частично отломано
23	Черенковый кинжал с продольным ребром на клинке; длина — 2,5 см, ширина — до 5,5 см	Бронза	1	Переломан у перекрестья, конец клинка отбит
24	Фрагменты двулезвийного черенкового ножа; ширина его — 2,3 см (точная длина не установлена, т. к. один из обломков лезвия не найден)	Серебро	1	Перекрестье ножа окольцовано тонкой пластинкой из электрума; ширина ее — 0,5 см, длина — 5 см
25	Желобчатое долото; длина — 23 см, сечение — 1,5 см	Бронза	1	—
26	Тесло; длина — 11 см, ширина — 6,3—6,6 см	Бронза	1	—
27	Обломки какого-то металлического предмета (миски?); толщина стенки фрагментов — 0,3 см	Бронза	10	—

Результаты приближенного количественного спектрального анализа (в %) металлических предметов, проведенного Е. Н. Черных (кабинет спектрального анализа Института археологии АН СССР)

№ п. п.	Шифр лаборатории	Наименование предмета	Медь	Олово	Свинец	Висмут	Серебро	Сурьма	Мышьяк	Железо	Никель	Кобальт	Марганец	Золото	p	Хим. группа
1	7372	1-й топор	Основа	0,0005	0,001	0,001	0,01	0,015	2	0,02	0,5	—	—	0,03	—	МК I (высоко-никелевая)
2	7373	2-й топор	«	?	?	0,001	0,008	0,05	6	0,2	>1	0,006	<0,01	~0,003	>0,1	«
3	7374	Долото	«	«	0,003	«	0,02	0,025	3	0,02	0,8	0,001	<0,001	<0,003	<0,1	«
4	7375	Тесло	«	0,001	—	0,01	0,02	0,015	3	0,15	0,5	—	<0,01	~0,03	<0,1	«
5	7376	Кинжал	«	«	—	0,001	0,015	0,02	3,5	0,03	0,4	—	~0,01	~0,01	<0,1	«
6	7377	Нож (лезвие)	~1	—	Мало	Есть	Основа	—	—	Есть	Слабо	—	Есть	Много	—	Серебро
7	7378	Кольцевая обкладка на рукояти ножа	>1	Слабо	Мало	Мало	<50	—	—	Есть	Слабо	—	Мало	<50	—	Электрум
8	7379	Верхняя обкладка на рукояти 1-го шила	<1	Слабо	—	Мало	Основа	—	—	Есть	—	—	Есть	Много	—	Серебро
9	7380	1-е шило	«	Слабо	Мало	Есть	Основа	—	Есть	Есть	Есть	—	?	Много	—	Серебро
10	7381	2-е шило	Основа	—	0,001	0,002	0,02	0,002	1	0,03	0,007	—	<0,01	~0,01	—	МК II
11	7382	Обломок стенки миски	«	—	—	0,001	0,01	0,003	1,2	0,15	0,25	—	0,03	>0,01	?	МК I

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Введение	5
I. Основные итоги раскопок	6
1. Строение кургана	—
2. Конструкция гробницы	9
3. Особенности плит гробницы	12
4. Характеристика погребального обряда и инвентаря	16
II. Анализ материалов и датировка	23
1. Плиты-стелы	—
2. Погребальный инвентарь	34
III. Керамический материал	40
IV. Место Нальчикской гробницы в кругу памятников эпохи раннего металла	50
Заключение	60
Приложения	64

Чеченов Исмаил Магометович

НАЛЬЧИКСКАЯ ПОДКУРГАННАЯ ГРОБНИЦА

Редактор *Л. А. Лачинова*
Художник *И. Г. Абрамов*
Художественный редактор *З. Х. Бгажноков*
Технический редактор *Б. Х. Буздова*
Корректор *К. Б. Жамбеева*

Сдано в набор 10/VIII 1973 г. Подписано к печати 6/XII 1973 г.
Формат 70×108¹/₁₆. Бумага типографская № 1. Физ. п. л. 4,25+
1,25 л. вкладки+0,25 л. вкл. Усл. п. л. 5,95+1,75 л. вкладки +0,35
л. вкл. Уч.-изд. л. 6,52+1,46 л. вкладки+0,23 л. вкл. Тираж 800 экз.
Заказ № 7625. Ч 00816. Цена 82 коп.

Книжное издательство «Эльбрус»
Нальчик, улица им. адмирала Головки, 6

Полиграфкомбинат им. Революции 1905 года
Управления по делам издательств, полиграфии и книжной торговли
Совета Министров КБАССР
Нальчик, проспект им. Ленина, 33